

ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ

РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Satyât Nasti Paro Dharmah

(Нѣтъ религіи выше истины).

---

7 сентября.

№ 9.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

—

1908

„ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ“.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) статьи какъ оригинальныя, такъ и переводныя по теософіи, по сравнительному изученію религій, оккультизму, изслѣдованію психическихъ силъ, скрытыхъ въ природѣ и въ человѣкѣ, по психологіи и др. отраслямъ знанія;

2) свѣдѣнія о теософическомъ движеніи въ Россіи и за границей и о другихъ родственныхъ духовныхъ и общественныхъ движеніяхъ;

3) біографіи выдающихся представителей теософическаго міросозерцанія и общественныхъ дѣятелей;

4) художественно-литературный отдѣлъ какъ отраженіе въ искусствѣ теософическаго міросозерцанія;

5) отзывы о книгахъ, поступающихъ въ Редакцію журнала по вопросамъ теософіи, психологіи и др.;

6) справочный отдѣлъ: вопросы и отвѣты на вопросы подписчиковъ.

Журналъ выходитъ 7-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ форматѣ in 8° не менѣе пяти печатныхъ листовъ каждая, подъ редакціей *А. А. Каменской*, при участіи **Анни Безантъ**, доктора **Рудольфа Штейнера**, *Alba*, *П. Н. Батюшкова*, *А. Ф. Вельцъ*, *Н. Г.*, *М. Каменской*, *К. Кудрявцева*, *Е. М. Кузмина*, *М. Летрэ*, *Н. Лихачевой*, *А. Минцловой*, *Е. Писаревой (Е. П.)*, *М. Станюковичъ*, *Д. Страндена*, *О. Д. Форшъ*, *Б. Ф.* и др.

Въ Журналѣ печатаются слѣдующія статьи: Древняя Мудрость, **А. Безантъ**; Какъ достигнуть познанія сверхчувственныхъ міровъ, д-ра **Р. Штейнера**; Великіе посвященные, *Э. Шюре* и др.

Цѣна **4** руб. въ годъ съ доставкой и пересылкой въ предѣлахъ Россійской Имперіи. Допускается разсрочка: за 1/2 года—**2** р. **20** к., за 3 мѣсяца—**1** р. **10** к. Отдѣльный №—**50** к. За перемѣну адреса—**20** к.

Подписка для иногородныхъ **только черезъ контору Редакціи.**

Городская подписка принимается въ Конторѣ Редакціи (СПБ., Кабинетская ул., д. 7, кв. 1) ежедневно, кромѣ субботъ и праздничныхъ дней, отъ 12—4 час. дня и по воскресеньямъ отъ 11—12 час. дня, а также во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

По дѣламъ Редакціи издательница принимаетъ лично по вторникамъ и пятницамъ отъ 4—5 час. дня.

Отъ Редакціи. Статьи, присылаемыя для напечатанія въ „Вѣстникѣ Теос[illegible] ать, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и исправленіямъ. Руко-пи[illegible] написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, не востре-б[illegible] трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.

СОДЕРЖАНІЕ

сентябрьской книжки „Вѣстника Теософіи“.

ОПЕЧАТКИ.

Въ № 7—8-мъ „Вѣстника Теософіи" вкрались нижеслѣдующія *опечатки*, которыя Редакція проситъ исправить:

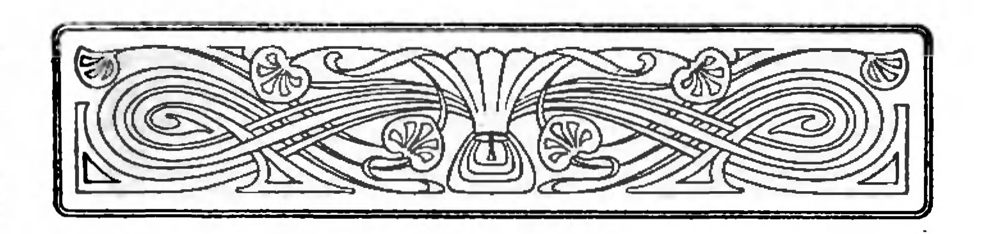
Древняя мудрость: стр. 17, стр. 12-я сверху: и не знаемъ *ее* (а не ея).
„ 23, „ 10-я снизу: выполня*ютъ* (а не... ли)
„ 25, „ 16-я сверху: *пробиваться* (а не биться)
„ 27, „ 15-я сверху: *исправленію* (а не направленію).

Исторія года: стр. 67, стр. 2-я снизу: отдаетъ *назадъ* своего мертвеца (а не назидъ),

Письмо къ читателю: стр. 87, стр. 2-я снизу: цѣнный *опытъ* (а не отвѣтъ).

Обозрѣніе Теос. лит.: стр. 73, стр. 9-я сверху: Sharyât является *экзотерическимъ* періодомъ (а не эзот...).

Хроника Теос. дв.: стр. 70, стр. 16-я сверху, стр. 12 снизу и 6-я снизу: } *генеральный* секретарь, (а не генералъ-секр.).

Сфинксъ Теософіи.

Лекція А. Безантъ.

Египетскій сфинксъ долженъ быть хорошо знакомъ всѣмъ вамъ, знающимъ его по изображеніямъ или видѣвшимъ его въ дѣйствительности. На меня, какъ я думаю и на многихъ изъ васъ, всегда производилъ впечатлѣніе какого-то очарованія этотъ величественный сфинксъ, такой невозмутимый въ своемъ спокойствіи, такой безмолвный и вмѣстѣ съ тѣмъ такой выразительный, со всею мудростью вѣковъ, начертанной на его безстрастномъ лицѣ.

Кто изъ васъ, глядя на него, не чувствовалъ очарованія тайны, кроющейся въ этихъ мудрыхъ глазахъ, въ этихъ крѣпко сжатыхъ устахъ? Кто изъ васъ, глядя на него, не отдавался мечтамъ о томъ, что можетъ быть онъ и могъ бы дать отвѣты, разрѣшающіе многія загадки міра...

Я думала иногда, что то ученіе, которое многимъ кажется такимъ необычайнымъ, которое пришло къ намъ съ востока, хотя принадлежитъ не только востоку, но мысли всѣхъ странъ и всѣхъ вѣковъ, та всеобъемлющая мудрость, которой мы дали названіе Теософіи, заключала въ себѣ большое сходство съ этимъ изваяніемъ сфинкса: то же обѣщаніе разрѣшить тайну и то же молчаніе въ отвѣтъ на вопросы міра. Но пришло время, часъ пробилъ, и молчаніе, которое не прерывалось въ теченіе многихъ и многихъ вѣковъ, теперь нарушено. И я сегодня хочу попытаться начертить хотя нѣсколько линій изъ того, что этотъ сфинксъ Теософіи выдалъ изъ неразгаданныхъ міровыхъ тайнъ.

Теософія—такое обширное поле, охватывающее одновременно и всю человѣческую жизнь, и философію, и науку, и религію, что,

говоря о ней, мнѣ приходится ограничиться лишь самыми общими чертами; но я все же надѣюсь, что даже этотъ бѣглый очеркъ сможетъ настолько заинтересовать нѣкоторыхъ изъ васъ, что вы захотите сами восполнить тѣ стороны, которыя въ лекціи останутся незатронутыми.

Многіе изъ насъ, несмотря на привычку къ серьезному труду, убѣдились, что многіе годы внимательнаго изученія могутъ привести лишь къ порогу того всеобъемлющаго ученія, о которомъ я буду говорить сегодня.

Тѣмъ болѣе у незнакомыхъ съ ученіемъ, неизбѣжно, останется много открытыхъ вопросовъ, на которые короткая лекція не сможетъ дать отвѣта. Многое можетъ поразить васъ, многое можетъ показаться невозможнымъ. Только серьезно и глубоко изучая предметъ, можно надѣяться получить объясненіе хотя бы нѣкоторыхъ изъ проблемъ, которыя я хочу развернуть передъ вами.

Въ моемъ сегодняшнемъ очеркѣ я хочу попробовать дать вамъ понятіе о томъ, что Теософія говоритъ: 1) о вселенной, 2) о человѣкѣ и его судьбѣ и 3) объ обязанностяхъ человѣка.

Сдѣлавъ очеркъ философіи вселенной, очеркъ судьбы человѣчества и очеркъ этической системы, я надѣюсь оставить въ вашихъ умахъ опредѣленное впечатлѣніе, которое можетъ побудить кого либо изъ васъ пойти дальше и искать самому.

Итакъ, начнемъ съ того, что Теософія говоритъ намъ относительно вселенной, какой взглядъ на вселенную выдвигаетъ она передъ нами, въ какомъ направленіи ведетъ она нашу мысль, когда мы сталкиваемся лицомъ къ лицу съ задачами существованія. Для теософа вселенная—выдыханіе вѣчной и всеобщей жизни. Поражало-ли васъ, что вездѣ въ природѣ можно замѣтить ритмъ?

Если вы обратитесь къ низшимъ формамъ жизни, къ тѣмъ маленькимъ инфузоріямъ, изученіе и изслѣдованіе которыхъ доступно намъ лишь подъ микроскопомъ, то даже и здѣсь, наблюдая эти точки одушевленной матеріи, вы подмѣтили ритмъ выдыханія и вдыханія, который составляетъ суть жизни этой низшей формы существованія.

И тотъ же ритмъ, который наблюдается въ низшихъ формахъ, вы найдете вездѣ во вселенной. Всюду вы увидите подъемъ и паденіе, расширеніе и сжатіе, приливъ и отливъ—будете ли вы наблюдать міры или атомы. И для теософа вся вселенная, какъ цѣлое, пульсируетъ такъ же ритмично, какъ и малѣйшая ея часть. Выдыханіе всеобщей жизни—есть вселенная; вдыханіе—есть исчез-

новеніе этой вселенной. И такъ на всемъ протяженіи безконечныхъ вѣковъ вѣчной жизни, которая простирается позади и впереди насъ, мы найдемъ выдыханіе и вдыханіе всего сущаго, образованіе и исчезновеніе вселениыхъ.

Но, хотя мы и можемъ изучать вселенную, познать источникъ ея періодической жизни мы не можемъ. Мы не имѣемъ такихъ словъ, которыя въ примѣненіи къ этому Центру и Источнику всего существующаго не были бы противорѣчивыми и непонятными. Мы не можемъ говорить о Немъ, какъ о жизни, потому что жизнь есть лишь одинъ изъ Его видовъ, Онъ же есть Все. Мы не можемъ говорить о Немъ, какъ о разумѣ, потому что разумъ есть одинъ изъ его аспэктовъ, Онъ же есть Сущность всего. Передъ Непознаваемымъ человѣческая мысль можетъ лишь умолкать... Вообразите себѣ, что одна изъ тѣхъ инфузорій, о которыхъ я говорила, начнетъ объяснять другимъ инфузоріямъ образъ мыслей и доводы сознательнаго человѣка; вы можете себѣ представить, какъ слѣпы будутъ ея попытки и какъ она будетъ сама себѣ противорѣчить. Дальше и ниже, чѣмъ она отстоитъ отъ насъ, отстоимъ мы отъ Центра и Сущности жизни, и передъ Нимъ, передъ Всеобъемлющимъ, мы можемъ лишь молча преклоняться, зная, что всякая наша мысль, и всякое наше слово будетъ лишь дерзостью, но не истиной.

Итакъ отъ Единаго, однимъ изъ видовъ Котораго является для насъ жизнь, происходитъ вселенная.

Подумайте объ этой жизни; представьте ее себѣ, пробивающуюся на протяженіи безконечнаго пространства, и затѣмъ вообразите себѣ эту жизнь, дифференцирующуюся—какъ учитъ наша философія—на семь ступеней или плановъ *) существованія; вообразите себѣ эту жизнь, проходящую черезъ всѣ эти семь ступеней и становящуюся все болѣе и болѣе „матеріальной",—совершенный Духъ въ глубинѣ и плотная матерія снаружи,—и тогда вы схватите основную мысль философіи: семь плановъ существованія и семь серій организмовъ, приспособленныхъ къ тому, чтобы обитать иа каждомъ изъ плановъ, и семь порядковъ сознанія, соотвѣтствующихъ каждому изъ нихъ. И повсюду во вселенной вы найдете это основное понятіе: семь ступеней бытія, величайшая духовность вверху и величайшая матеріальность внизу, и между этими двумя полосами духа и матеріи заключены всевозможные развивающіеся виды существованія, при чемъ каждой изъ семи

*) „Планъ" переводится нами обыкновенно словомъ „сфера".

ступеней бытія соотвѣтствуетъ свой видъ проявленной жизни; каждая серія организмовъ приспособлена къ законамъ той ступени или того плана существованія, который служитъ ареной для ихъ проявленія.

И это понятіе о семи планахъ бытія—не пустая фантазія. Не поражало ли васъ, что всюду вамъ приходится наталкиваться на число „семь"? Свѣтъ заключаетъ въ себѣ семь основныхъ цвѣтовъ, которые, соединившись, составляютъ единый бѣлый свѣтъ. Музыкальная гамма заключаетъ въ себѣ семь нотъ, а восьмая нота есть лишь повтореніе первой въ слѣдующей октавѣ. И вездѣ въ природѣ вы найдете тѣ же указанія: вы найдете число семь въ свѣтѣ, доступномъ глазу, и въ звукѣ, доступномъ слуху; вы найдете его во всей вселенной, въ ея великомъ единствѣ, состоящемъ изъ семи различныхъ ступеней бытія. Разъ вы уловили это основное понятіе, для васъ яснѣе станетъ мысль о различіи существъ, изъ которыхъ каждое соотвѣтствуетъ тому плану бытія, на которомъ оно живетъ, и тогда вы начнете постигать, что могутъ быть сознанія, подчиненныя инымъ условіямъ, чѣмъ тѣ, которымъ подчиняетесь вы; что каждая ступень бытія находится въ соотвѣтствіи съ окружающей средой, и что если вы приспособлены къ земной матеріи, къ этому низшему изъ извѣстныхъ намъ плановъ, то на другихъ планахъ должны быть иныя формы жизни и иные виды сознанія, и эти иныя жизни и иныя сознанія не сверхъестественны, хотя и сверхчеловѣчны: они такъ же естественны, какъ и ваши собственныя жизни и сознанія, только протекаютъ они на иной ступени сознательнаго существованія.

Принявъ эту точку зрѣнія, вы начнете познавать, какъ вселенная развивается по этимъ различнымъ направленіямъ; вы увидите, какъ такъ называемый духъ, постепенно спускаясь до земной матеріальности, снова начинаетъ подниматься вверхъ, послѣдовательно освобождаясь отъ матеріи, къ свободному самосознанію и такимъ образомъ снова достигаетъ той точки, изъ которой исшелъ. И такъ, для насъ все существованіе есть циклъ, и самая цѣль существованія есть развитіе сознанія и пріобрѣтеніе опыта. Духъ становится самосознающимъ, соединяясь съ матеріей, спускаясь въ матерію и снова освобождаясь; такимъ образомъ, проходя этотъ великій циклъ послѣдовательныхъ ступеней бытія, онъ собираетъ воедино все знаніе и весь опытъ, становится совершеннымъ, благодаря пріобрѣтенному опыту, и, наконецъ, возвращается назадъ къ исходной точкѣ со всѣмъ тѣмъ, что собралъ во время своихъ безчисленныхъ странствованій. Когда вы выра-

ботаете въ себѣ этотъ взглядъ на вселенную, когда вы отдадите себѣ отчетъ въ томъ, что вы составляете часть этого великаго цѣлаго, что ваша индивидуальная жизнь есть частица этой вѣчно развивающейся жизни, что человѣчество есть отраженіе—въ маломъ видѣ—всей вселенной, что эволюція человѣчества и есть великая цѣль этого вѣчнаго круговращенія,—тогда вы уловите первый проблескъ великой философіи жизни и сдѣлаете первые шаги на пути того знанія, которое ведетъ насъ далеко въ грядущее и въ то же время соединяетъ въ себѣ всѣ сокровища прошлаго.

Отъ общаго очерка этой космической точки зрѣнія на Вселенную, какъ на могучую жизнь, развивающуюся на семи ступеняхъ бытія, обратимся къ человѣку, къ микрокосму, который воспроизводитъ въ себѣ самую суть міровой эволюціи, человѣку съ семью началами, развивающимися на семи ступеняхъ бытія, соотвѣтствующихъ семи ступенямъ жизни Вселенной.

Представьте себѣ человѣка какъ существо о семи началахъ, и каждое изъ этихъ началъ соотвѣтствующимъ различнымъ видамъ Вселенной. Представьте седьмое, величайшее изъ всѣхъ началъ, которое есть искры всемірнаго Духа (жизнь Жизни, Вселенной въ человѣкѣ), пульсъ вѣчной жизни (Atmâ) въ самомъ центрѣ человѣческаго существа, и затѣмъ, переходя отъ этого высочайшаго и наиболѣе отвлеченнаго начала человѣка, вообразите себѣ человѣческій духъ, проводникъ Первоисточника, подобнымъ лампадѣ, окружающей пламя; тотъ духъ, который въ соединеніи съ упомянутой вѣчной искрой и съ высшимъ разумомъ (manas) человѣка составляетъ высшую тріаду, о которой такъ часто говорятъ теософы. Сочетаніе божественнаго элемента съ человѣческимъ духомъ и съ высшимъ разумомъ и образуетъ ту истинную индивидуальность человѣка, которая существовала въ прошломъ и будетъ существовать въ будущемъ. Далѣе, въ связи съ этими высшими тремя началами, въ человѣкѣ находятся четыре низшія начала его жизни: физическое тѣло, эфирное, астральное и ментальное, которымъ соотвѣтствуютъ: простая животная жизнь, страсти, эмоціи и низшія интеллектуальныя способности, которыя всѣ вы можете найти у развитаго животнаго такими же по существу, хотя и совершенно различными по степени. Въ этихъ низшихъ началахъ передъ вами вся низшая и временная сторона человѣка, которая отъ земли исходитъ и въ землю возвращается; когда наступаетъ то, что вы называете смертью, она разсѣевается, но не въ одну минуту, а постепенно, исчезаетъ не

сразу, но тѣмъ не менѣе исчезаетъ неизбѣжно. То же, что въ человѣкѣ вѣчно, это—не его физическое тѣло и не его животная душа, это—высшая тріада, о которой я говорила, и которая привязываетъ человѣка къ божественному и составляетъ безсмертное начало человѣка.

Глядя на человѣка такимъ образомъ, вы получаете наше теософическое воззрѣніе на человѣческое существо: высшая тріада и низшія четыре начала. И вся человѣческая жизнь на землѣ есть попытка развить и проявить свое высшее Я и побѣдить, держать въ повиновеніи низшую жизнь, исходящую отъ земли.

Здѣсь мы подходимъ къ той сторонѣ нашего ученія, которая вызываетъ много возраженій со стороны людей, не понимающихъ его.

Теософія говоритъ: знаетъ-ли человѣкъ о томъ или нѣтъ, но въ немъ она есть, эта высшая тріада, которая принадлежитъ ему по праву, какъ человѣку. Отъ него зависитъ, если онъ сумѣетъ *захотѣть*, развить ее и вызвать къ жизнедѣятельности то скрытое начало, которое у большинства современныхъ людей находится въ состояніи еще не проявленномъ.

Но его *можно* проявить, если захотѣть. Въ каждомъ человѣкѣ таится возможность покорить свою низшую природу и развить свои высшія силы—тѣ силы, которыя дадутъ ему возможность побѣдить матерію и освободить духъ.

Въ умѣ человѣческомъ мы различаемъ двѣ ясно разграниченныя ступени, два вида: разсудокъ наблюдающій, и высшій разумъ, объединяющій эти наблюденія, способный угадывать и подниматься изъ міра явленій въ міръ чистой мысли; послѣдній видъ, т. е. высшій разумъ, еще скрытый у большинства людей, только начинаетъ проявляться въ отдѣльныхъ представителяхъ нашего поколѣнія.

Разсматривая безсмертную человѣческую тріаду, мы узнаемъ, что самое высшее ея начало, которое мы назвали искрой божественной жизни, еще не проявлено въ человѣкѣ; не проявленъ также и самый духъ, въ которомъ божественная искра живетъ, но низшая, третья часть тріады, а именно высшій разумъ человѣка, уже начинаетъ проявляться въ нашемъ поколѣніи и можетъ обнаружиться въ каждомъ изъ насъ. Но не въ обыденномъ должны вы искать свѣдѣній объ этихъ пробуждающихся въ человѣкѣ силахъ; дальнѣйшей эволюціи вы должны искать въ сверхъ нормальномъ, а не въ нормальномъ. Ибо только въ тѣхъ людяхъ, которые нѣсколько опередили другихъ въ своей эволю-

ціи, можете вы найти эти зарождающіяся силы, хотя ихъ можно *вызвать* и въ обыкновениомъ человѣкѣ съ помощью опредѣленныхъ пріемовъ, приводя низшую сторону человѣка въ летаргическое состояніе и такимъ образомъ давая возможность ярче выразиться внутреннему „я".

Изучать эти внутреннія силы человѣка можно, изслѣдуя уже признанныя наукой явленія ясновидѣнія, месмеризма и гипнотическаго транса; въ состояніи транса уже проявляются, хотя и частично, зачатки нѣкоторыхъ изъ скрытыхъ силъ человѣка, и зачатки эти даютъ понятіе о томъ, чѣмъ эти силы могутъ быть, когда достигнутъ своего полнаго развитія.

Взгляните на минуту на нѣкоторыя хорошо извѣстныя гипнотическія явленія, когда тѣло находится въ состояніи транса, а низшіе органы на время парализованы. Вашъ физическій органъ зрѣнія закрытъ; ваши уши глухи ко всякому звуку извнѣ; все, что есть въ васъ чисто физическаго, погружено въ сонъ, безпомощно и безсознательно. Но, чѣмъ безсознательнѣе физическое начало, тѣмъ лучше психическое можетъ проявить свое истинное существованіе, и когда всѣ проводники, передающіе уму впечатлѣнія, онѣмѣли и бездѣйствуютъ, тогда освобожденная мысль способна выказать свою, неограниченную физическими органами, дѣятельность. И тогда вы можете видѣть безъ помощи органа зрѣнія; тогда вы можете слышать безъ помощи органа слуха; вы можете видѣть на разстояніи сотенъ миль, вы можете вести переговоры черезъ океанъ, такъ какъ мысль не знаетъ преградъ, которыя ставятся временемъ и пространствомъ, и умъ можетъ вступать въ общеніе съ другимъ умомъ, когда его физическій проводникъ приведенъ въ состояніе инертное. И во всѣхъ гипнотическихъ явленіяхъ вы найдете зрѣніе, слухъ и умственную дѣятельность, обходящіеся безъ помощи тѣлесныхъ органовъ. Особенно поучительны въ состояніи транса діагнозы неизвѣстныхъ болѣзней и вѣрныя описанія внутреннихъ органовъ; такія описанія были не разъ дѣлаемы передъ медиками, при чемъ посмертныя изслѣдованія тѣла подтверждали, что ясновидящій видѣлъ безошибочно.

Передъ вами здѣсь не простыя фантазіи теософовъ, передъ вами свидѣтельства лабораторій и клиникъ, свидѣтельства людей науки, уважаемыхъ повсюду, куда проникла цивилизація. Вы можете обратиться къ Шарко или къ Льебо, къ Хейденхайну и ко многимъ другимъ ученымъ во Франціи и Германіи, и они дадутъ вамъ доказательства этой сверхнормальной дѣятельности человѣ-

ческаго разума, этого проявленія умственныхъ способностей безъ участія внѣшнихъ органовъ, этого видѣнія безъ помощи глазъ, когда видитъ разумъ, освобожденный отъ тѣла. И вы можете пойти еще дальше и человѣку, находящемуся въ трансѣ, вы можете передать вашу собственную мысль такъ, что онъ увидитъ и услышитъ эту мысль. Вы можете взять кусокъ чистой бумаги и, бросивъ внутренно на эту бумагу отраженіе вашей собственной мысли, заставить загипнотизированнаго вами человѣка видѣть то, что вы желаете; онъ увидитъ, и ваша мысль воплотится для него, хотя его воспріятіе идетъ непосредственно отъ разума къ разуму.

Вспомните, что я сказала вамъ по поводу семи состояній сознанія и семи плановъ бытія. Когда вы поднимаетесь на четвертый планъ, гдѣ дѣйствуетъ низшій разумъ, гдѣ онъ живетъ своей особой жизнью, тогда то, что для васъ кажется нематеріально, для него является матеріальнымъ, потому что матерія тамъ не тождественна съ матеріей здѣсь, и разуму видимо и слышно то, что невидимо и неслышно для вашихъ болѣе грубыхъ тѣлесныхъ чувствъ.

Такимъ образомъ мы узнаемъ, что оккультное ученіе подтверждается современной наукой; что положенія, столѣтія тому назадъ преподававшіяся въ восточныхъ школахъ, становятся въ настоящее время предметомъ опыта въ западныхъ клиникахъ. Если на основаніи этихъ и многихъ другихъ научныхъ доказательствъ реальнаго существованія мысли и разума, существованія иного, чѣмъ то, которое мы знали на нашей землѣ и въ нашей нормальной ежедневной жизни, — мы отдадимъ себѣ отчетъ въ томъ, *что* это значитъ, тогда воистину судьба человѣка предстанетъ передъ нами болѣе величественной, чѣмъ ее когда-либо изображали поэты, болѣе могущественной, чѣмъ мечтали о ней пророки. То, что сверхнормально сегодня, будетъ нормальнымъ завтра; то, что лишь кое-гдѣ начинаетъ пробиваться въ человѣческой средѣ, расцвѣтетъ въ будущемъ какъ общее достояніе, и то, чего теперь возможно достигнуть лишь съ помощью напряженнаго труда и большихъ усилій воли, сдѣлается со временемъ доступнымъ каждому ребенку.

Но, если бы вы захотѣли развить въ себѣ большія силы, чѣмъ какія проявляются въ гипнотизмѣ, если бы вы захотѣли послѣдовать за своей собственной эволюціей вверхъ, выше разума, къ духу, въ сферу еще болѣе высокаго сознанія,—вы могли бы это сдѣлать лишь постоянно побѣждая и держа въ повиновеніи

вашу низшую природу и работая надъ ней до тѣхъ поръ, пока то, что дѣлается загнпнотизированнымъ лицомъ въ трансѣ безсознательно, вамъ не удастся сдѣлать самимъ, сохраняя при этомъ полное сознаніе и ни на минуту не теряя власти надъ собой, *этого* достигнуть вы будете въ состояніи, лишь поднимая себя, своими собственными усиліями. Если на высшихъ планахъ имѣются высшія духовныя существа, вы не можете спустить ихъ внизъ къ себѣ: вы должны сами подняться къ нимъ. Сознаніе, которое вы раздѣлнте съ ними, должно быть *ихъ* сознаніемъ, а не сознаніемъ вашей низшей жизни. Для этого нужны величайшія усилія, полное самопожертвованіе и благородство героической жизни.

Если атлетъ хочетъ взобраться на горную вершину, онъ долженъ тренировать себя въ теченін многихъ недѣль и многихъ мѣсяцевъ, н затѣмъ, взбнраясь, долженъ пользоваться всѣми силами своего тѣла, для того, чтобы достигнуть вершины, на которую желаетъ взобраться; если же подъемъ на вершину земной горы требуетъ такнхъ усилій, возможно ли думать, что высоты разума и духа могутъ быть достигнуты безъ всякихъ усилій?

Тотъ, кто изучаетъ фнзическія науки, пріобрѣтаетъ тѣмъ большую власть надъ природой, чѣмъ больше узнаетъ ея тайнъ; также и тотъ, кто изучаетъ психическія науки, пріобрѣтаетъ познаніе тайныхъ силъ, которыя въ настоящее время скрыты отъ большинства людей и раскрываются только для людей, умѣющихъ настойчиво добиваться и побѣждать свою низшую природу.

Намъ иногда говорятъ: „Въ вашей теософіи слишкомъ много таинственнаго. Отчего не раскрыть передъ міромъ тѣ силы, на которыя вы намекаете, отчего не дать возможности всѣмъ людямъ учиться и побѣждать?" Позволяете ли вы вашимъ дѣтямъ играть съ динамитомъ? Позволяете ли вы школьнику дотрогиваться до ядовитыхъ веществъ вашей лабораторіи? Не говорите ли вы, что только съ зрѣлостью являются зрѣлыя силы и что то, что можетъ послужить на пользу, можетъ также привести и къ разрушенію жизни? Такъ было въ прошломъ, то же самое остается неизмѣннымъ и для всѣхъ временъ. Высшія психическія и духовныя силы могутъ быть пріобрѣтены каждымъ, кто не побонтся работы и напряженія въ теченіе многихъ лѣтъ, кто, терпѣливо трудясь, доведетъ свои уснлія до конца. Силы эти — достояніе развивающейся высшей жизни; онѣ являются вмѣстѣ съ естественнымъ ростомъ человѣческаго существа, поднимающагося на высшія ступени; силы эти не должны быть пріобрѣтаемы радн нихъ самихъ, но естественно, какъ цвѣтокъ, выростать на той высотѣ, на кото-

рой человѣкъ начинаетъ жить не для себя, а для другихъ; ибо въ силахъ этихъ заключена возможность служить людямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность дѣлать имъ зло, если личные мотивы все еще имѣютъ власть надъ душой человѣка. И я спрашиваю васъ, было ли бы мудро, если бы такія силы были общей принадлежностью, если бы онѣ встрѣчались у современныхъ свѣтскихъ людей, у женщинъ, которыя выходятъ изъ себя, если платье сидитъ на нихъ не хорошо, или у мужчинъ, которые бранятся, если кучеръ заставитъ ихъ опоздать къ званому обѣду? Можно ли такимъ людямъ довѣрить знаніе и вызывать въ нихъ силы, которыя могутъ одинаково исцѣлять и убивать?

Итакъ, эта сторона теософіи не должна быть открытой для большинства, и когда вы слышите разговоры о „феноменахъ", когда вы видите неразумное возбужденіе людей, желающихъ увидѣть что-нибудь чудесное, можно бы сказать имъ слѣдующее: эти силы интересны лишь какъ признакъ роста духовной жизни; ими нельзя пользоваться для минутной потѣхи, на нихъ нельзя смотрѣть, какъ на фокусы, возбуждающіе нашъ интересъ. Вы прочтете о нихъ въ книгахъ, и онѣ дѣйствительно существуютъ, но существуютъ онѣ лишь для тѣхъ, которые достойны владѣть ими. Силы эти достижимы для каждаго, кто захочетъ серьезно трудиться, кто готовъ посвятить на это и время, и силы, и терпѣніе; онѣ не сверхъестественны, нѣтъ, онѣ вполнѣ естественны, но онѣ, какъ и остальныя силы природы, покоряются лишь тѣмъ, кто умѣетъ хотѣть и обладаетъ мужествомъ искать, трудиться и доходить до конца.

Именно эта способность человѣка раскрывать скрытыя въ немъ силы, служитъ залогомъ будущей великой судьбы человѣчества и она указываетъ на то время, когда человѣкъ начнетъ дѣйствительно управлять природой, потому что научится управлять самимъ собой. Природа станетъ слугой человѣка лишь тогда, когда человѣкъ сдѣлается господиномъ надъ собой. Покоривъ самого себя, онъ покоритъ все. И когда эта побѣда будетъ одержана, тогда человѣческая судьба станетъ совершенной и прекрасной.

Но вы можете возразить: „Развѣ земная жизнь достаточна для такого достиженія, развѣ хватитъ одного короткаго существованія для выполненія той эволюціи, о которой вы говорите?"

Одной жизни для этого недостаточно, но теософія учитъ, что вы проходите не черезъ одну, а черезъ многія жизни. Вы, которые собрались сегодня здѣсь, вы здѣсь не въ первый разъ;

далеко за вами тянется громадный человѣческій опытъ, и ваши способности, ваши дарованія, ваши силы, все это—плоды вашихъ прошлыхъ побѣдъ, признаки того, какимъ образомъ вы воспользовались прошлыми жизнями. Не одна, но многія жизни даются каждому человѣческому духу на время его странствованій во времени и пространствѣ; не разъ, но часто человѣкъ обновляетъ свой опытъ, собирая съ каждой жизнью все больше и больше знаній, прибавляя новыя страницы въ книгѣ своего бытія, какъ бы записывая, строка за строкой, ту человѣческую лѣтопись, которую въ концѣ своего бытія онъ будетъ способенъ прочесть. Насъ учатъ, что каждое новое рожденіе человѣка имѣетъ связь съ его прошлымъ, которое онъ создаетъ своими собственными усиліями. То, что вы представляете изъ себя въ настоящемъ, говоритъ вамъ теософія, вы сами сдѣлали изъ себя. Ваша жизнь сложилась изъ вашего собственнаго прошлаго, и ваши силы были пріобрѣтены вашими же собственными стараніями.

И этика теософіи вытекаетъ изъ этого взгляда на человѣка; она говоритъ вамъ о законѣ, котораго никто не можетъ избѣжать, о всеобщемъ законѣ причинности, создающемъ для каждаго изъ насъ именно такую жизнь, какая вытекаетъ изъ его предыдущихъ дѣятельностей. По закону Кармы, иначе закону вытекающихъ изъ причинъ послѣдствій, настоящее есть результатъ прошлаго. Ваше настоящее создано вашимъ прошлымъ, ваше будущее будетъ послѣдствіемъ вашего настоящаго.

Тѣни, упавшія на стѣну, говоритъ намъ профессоръ Дрэперъ, оставляютъ на ней слѣды, и если употребить необходимые для того пріемы, можно снова вызвать на стѣнѣ тѣ же тѣни. Если это вѣрно относительно матеріи, почему бы это было не вѣрно относительно духа? И если, соотвѣтствующими химическими средствами, можетъ быть вызвана на стѣнѣ та тѣнь, которую на нее отбросилъ, проходя мимо, вашъ образъ, развѣ не можетъ тѣнь вашихъ поступковъ, отброшенная на вашемъ характерѣ, быть вызвана могучей алхиміей природы снова къ жизни?

Итакъ, мы вѣримъ, что люди рождаются, заранѣе приготовивъ себѣ условія своей земной жизни. Если же вы скажете на это: „хорошо, но посмотрите на богатаго и на бѣднаго, посмотрите, какъ различны человѣческія обстоятельства, какъ различно человѣческое счастье; значитъ ли это, что всѣ, испытывающіе бѣдность, дурно воспользовались своимъ предыдущимъ существованіемъ, а всѣ благоденствующіе и богатые только пожинаютъ плоды своей прошлой жизни?“ мы отвѣтимъ: „Имѣя дѣло съ человѣческой

жизнью, вы должны смотрѣть не на поверхность ея, а на то, что въ ея глубинахъ. Эти ваши жизни — лишь моменты той великой жизни, которую вы проходите; каждая земная жизнь равняется одному часу въ сравненіи со многими годами вашего странствованія въ вѣчности. Когда вы судите о богатствѣ и бѣдности, вы должны измѣрять ихъ на вѣсахъ вѣчной жизни, а не на вѣсахъ преходящаго настоящаго.

Можетъ быть тѣ, которые несчастнѣе и бѣднѣе васъ, которыхъ судьба забросила въ какую-нибудь грязную трущобу этого обширнаго города, быть можетъ они искупаютъ прошлое заблужденіе и самоотверженностью своей жизни, своимъ состраданіемъ къ ближнимъ и отсутствіемъ себялюбія, которыя чаще можно найти у обитателей грязныхъ улицъ, чѣмъ у обитателей дворцовъ, создаютъ себѣ счастливое будущее, даже и не подозрѣвая о томъ, какъ быстро идутъ впередъ. И возможно, что иные богатые люди, попавшіе въ это положеніе благодаря доброй дѣятельности своей прошлой жизни, развивая въ себѣ эгоизмъ, вызванный роскошной жизнью, и обособленность, созданную богатствомъ, допуская равнодушіе къ чужой жизни, вслѣдствіе избытка личнаго довольства, теряютъ духовно и умственно гораздо больше, чѣмъ пріобрѣтаютъ своимъ внѣшнимъ благосостояніемъ.

Нужно помнить, что самый худшій грѣхъ въ человѣкѣ это— эгоизмъ; онъ удаляетъ его отъ братьевъ-людей, отдѣляетъ его отъ общей участи, ставитъ его въ одиночество, а это — худшее проклятіе, которое можетъ упасть на человѣческую жизнь. И если вѣрно, что всѣ люди братья, что вся обширная человѣческая семья соединена одной великой братской связью, идущей отъ жизни къ жизни и отъ сердца къ сердцу, тогда нельзя не считать недостойной жизнь въ эгоистической и спокойной обособленности, когда другіе живутъ въ нищетѣ и несчастіи на виду у васъ... Не думайте, что бѣдные страдаютъ одни; не думайте, что грубость и нищета, испорченность и преступность одной части Лондона не отравляютъ всю остальную атмосферу.

Я говорила объ отношеніи теософіи къ поведенію людей: теософія призываетъ западный міръ къ братству, которое въ этой роскошной столицѣ попирается каждый часъ, и представляетъ лишь пустой звукъ въ устахъ большинства. Но мы, вѣрящіе въ всемірное братство, мы признаемъ, что никакой духовный прогрессъ невозможенъ, если мы не посвятимъ себя благу человѣчества; мы понимаемъ, что всякая идея интеллектуальнаго прогресса, всякая надежда на достиженіе блага помощью одного ума—

только фантазія рядомъ съ тѣмъ прогрессомъ, котораго можно достигнуть, если мы посвятимъ себя человѣчеству и будемъ служить нашимъ братьямъ, жертвуя для ихъ блага своимъ собственнымъ счастьемъ.

Такимъ образомъ послѣднее слово теософіи скорѣе этическое, чѣмъ философское или научное; у нея есть философія, которую я передъ вами слегка очертила; у нея своя наука о человѣкѣ, на нѣкоторыя положенія которой я сослалась. Но жизненнѣе ея философіи, существеннѣе ея науки — ея этическій долгъ братства между всѣми членами человѣческой семьи.

Теософія учитъ насъ, что никто не можетъ подняться одинъ; что униженіе одного—есть униженіе всѣхъ; что если есть несчастные, то никто не можетъ быть истинно счастливъ; что пока есть бѣдные, которымъ нужно помочь, до тѣхъ поръ не должно быть богатыхъ, которые могутъ растрачивать богатства; что пока съ одной стороны есть голодъ, съ другой не должно быть роскошнаго излишества.

И этотъ призывъ къ братству нужнѣе всего для нашей эгоистической западной цивилизаціи, потому что здѣсь роскошь достигла наивысшаго предѣла и матеріальныя блага господствуютъ надъ человѣческими умами сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Въ этомъ двадцатомъ столѣтіи съ его погоней за богатствомъ, съ его торжествомъ матеріалистической науки, съ внѣшней культурой, которой оно гордится,—нужнѣе чѣмъ когда бы то ни было призывъ къ братству, внутренно связывающій человѣка съ человѣкомъ. И думается, что тамъ, на далекомъ востокѣ, Тѣ, которыхъ мы называемъ Учителями, сломили то, что можно назвать „молчаніемъ вѣковъ“, именно потому, что въ этомъ чувствуется огромная нужда для нашего западнаго міра. Мы можемъ идти впередъ въ наукѣ и богатствѣ, мы можемъ идти впередъ въ знаніяхъ и интеллектуальныхъ пріобрѣтеніяхъ, но это безполезно, нѣтъ! хуже, чѣмъ безполезно, это вредно, если это увеличиваетъ пропасть между богатыми и бѣдными и отдаляетъ возможность братства людей. Потому что мы должны всѣ вмѣстѣ подняться, или всѣ вмѣстѣ упасть. Ни одинъ изъ насъ не можетъ быть спасенъ одними своими усиліями, если его братъ не встанетъ рядомъ съ нимъ. Наше дѣло—дѣло общаго спасенія; наше дѣло здѣсь—дѣло всеобщаго долга по отношенію ко всей человѣческой нуждѣ, и, посвящая себя этому дѣлу, мы будемъ истинными теософами.

А въ васъ, которые пришли сюда сегодня отъ болѣе веселыхъ впечатлѣній и изъ болѣе радостной жизни *), чтобы выслушать эту вѣсть съ востока, — я хотѣла бы запечатлѣть мое послѣднее и главное слово, и слово это: „Братство". Освободиться отъ эгоизма, побѣдить его, чтобы служить, употребить свое воспитаніе и свои знанія на то, чтобы помогать темному и незнающему, поднять свой голосъ для того, чтобы разсказать о страданіяхъ слабыхъ,—вотъ чего требуетъ теософія отъ человѣка интеллигентнаго и обезпеченнаго. И если вы хотите изучать ея философію, вы должны бы нести и ея нравственное бремя; если вы хотите изучать ея науку, вы должны принять и ея этическое ученіе, потому что этика идетъ впереди науки, а долгъ — впереди познанія. Если вы примете одно, то и другое должны считать вашимъ, и тогда мы всѣ вмѣстѣ, не каждый отдѣльно, а всѣ, какъ одна обширная семья, связанная узами любви, начнемъ подниматься по той лѣстницѣ совершенствованія, подножіе которой стоитъ въ тинѣ животной жизни, а вершина теряется въ вѣчномъ свѣтѣ,—на которую мы сегодня ступили, но подняться по которой не сможемъ, если не поведемъ за собой своихъ братьевъ, поддерживая ихъ, если они слабы, и помогая имъ, если они безпомощны.

Перев. **М. Станюковичъ.**

*) [illegible] была прочитана въ той части Лондона, гдѣ сообщается богатая с[illegible]

Древняя, мудрость.

А. Безантъ.

*(Продолженіе *).*

Глава V.

Деваканъ.

Слово „деваканъ“ есть теософическое названіе неба и въ буквальномъ переводѣ означаетъ Свѣтящаяся Страна, или страна Боговъ **). Это та особенно охраняемая часть ментальной сферы, откуда всякое горе и всякое зло исключено дѣйствіемъ разумныхъ духовныхъ Сущностей, наблюдающихъ за человѣческой эволюціей; она обитаема человѣческими существами, которыя, сбросивъ свои физическія и астральныя тѣла, перешли сюда послѣ пребыванія въ Камалокѣ. Жизнь въ Деваканѣ можно раздѣлить на двѣ ступени: первая изъ нихъ протекаетъ въ четырехъ низшихъ подраздѣленіяхъ ментальной сферы, гдѣ Мыслитель все еще облеченъ въ ментальное тѣло и ограниченъ имъ, и гдѣ онъ занятъ претвореніемъ матеріаловъ, которые были собраны имъ во время земной жизни, въ постоянныя свойства и качества. Вторая ступень проходитъ области *арупа*, „безъ формы“, гдѣ Мыслитель освобождается отъ своего ментальнаго тѣла и переживаетъ, ничѣмъ не обремененный, свою собственную жизнь, въ полной мѣрѣ того самосознанія и вѣдѣнія, до которой онъ успѣлъ достичь.

Продолжительность времени, протекающаго въ Деваканѣ, зависитъ отъ количества матеріаловъ, которые душа приноситъ съ

*) См. „Вѣстникъ Теософіи“ 1908 г., № 7—8, стр. 15.

**) *Devasthan*, санскритское слово, означающее „мѣсто Боговъ“, то же, что *Svarga* Индусовъ, *Sukhavati* Буддистовъ, Небеса Заростріанъ и Христіанъ и наиболѣе духовныхъ магометанъ.

собой изъ своей земной жизни. Жатва, пригодная для питанія и претворенія въ Деваканѣ, состоитъ изъ всѣхъ чистыхъ мыслей и эмоцій, зарожденныхъ въ теченіе земной жизни, всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ усилій и стремленій, всѣхъ воспоминаній о безкорыстномъ трудѣ на пользу ближнихъ, всего, что можетъ быть введено въ душевный строй и, слѣдовательно, послужитъ къ развитію души. Ничто ни теряется, какъ бы слабо и мимолетно не было безкорыстное стремленіе; но эгоистическія животныя страсти не могутъ проникнуть туда, ибо тамъ нѣтъ матеріаловъ, пригодныхъ для выраженія ихъ. И никакое зло въ истекшей жизни, какъ-бы сильно оно не преобладало надъ добромъ, не можетъ воспрепятствовать душѣ собрать всю посѣянную человѣкомъ жатву добра; какъ-бы скуденъ не былъ этотъ посѣвъ, скудость эта можетъ до чрезвычайности сократить небесную жизнь, но даже и самый падшій, если у него было хотя малѣйшее влеченіе къ правдѣ, хотя бы самый слабый порывъ нѣжности, *долженъ* имѣть періодъ небесной жизни, во время которой сѣмя добра могло бы пустить свои нѣжные ростки и искра красоты разгорѣться хотя бы и въ крошечное пламя.

Въ древности, когда сердца людей были болѣе устремлены къ небу и ихъ чаще влекло къ небесному блаженству, время, протекавшее въ Деваканѣ, было гораздо продолжительнѣе и длилось иногда многія тысячи лѣтъ; въ настоящее время, когда вниманіе людей такъ всецѣло сосредоточено на землѣ, и мысли ихъ такъ рѣдко направляются на высшую жизнь, періодъ Девакана сравнительно гораздо короче. Точно также время, проведенное въ высшихъ и низшихъ областяхъ ментальной сферы *), вполнѣ соотвѣтствуетъ количеству мыслей, созданныхъ какъ въ ментальномъ тѣлѣ, такъ и въ „тѣлѣ причинности“ **); всѣ мысли, относящіяся до переживаній личнаго *я* въ только что завершенной земной жизни, со всѣми интересами, честолюбіями, привязанностями, надеждами и тревогами, находятъ свое выраженіе и приносятъ свои плоды въ той области Девакана, гдѣ создаются формы; тогда какъ тѣ мысли, которыя относятся до высшей, абстрактной области, все сверхличное мышленіе, подлежитъ претворенію въ подраздѣленіяхъ Девакана, которыя носятъ названіе *arûpa*, „безъ формы“. Большинство людей вступаетъ въ эту высокую область лишь за

*) Называемыя технически Arûpa—безъ формы и Rûpa—форма—области Девакана соотвѣтствуетъ такимъ же подраздѣленіямъ ментальной сферы.

**) Corps causal, безсмертное начало человѣческой души.

тѣмъ, чтобы немедленно снова спуститься въ область *rûpa* Девакана; нѣкоторые люди остаются тамъ большую часть своего небеснаго пребыванія и только немногіе проводятъ тамъ почти весь небесный періодъ.

Прежде чѣмъ входить въ подробности, попробуемъ схватить нѣкоторыя руководящія идеи, которыя управляютъ жизнью Девакана, ибо она настолько отличается отъ физической жизни, что всякія описанія легко могутъ привести къ невѣрнымъ представленіямъ. Люди такъ мало знаютъ истинную суть своей душевной жизни, даже пока она заключена въ тѣлѣ, что когда имъ дается картина душевныхъ переживаній внѣ тѣла, они теряютъ всякое чувство реальности и воображаютъ, что перешли въ міръ фантазій.

Первое, что необходимо понять въ ментальной жизни, это присущую ей несравненно большую интенсивность, живость и реальность, чѣмъ у жизни чувствъ. Все, что мы видимъ, слышимъ и ощущаемъ здѣсь, на землѣ, несравненно дальше отъ реальности, чѣмъ все, съ чѣмъ мы соприкасаемся въ Деваканѣ. Хотя даже и тамъ вещи являются не таковыми, каковы онѣ въ дѣйствительности, но на землѣ онѣ закрыты отъ насъ подъ двумя лишними покровами иллюзіи. Наше земное познаніе реальнаго вполнѣ обманчиво; мы ничего не знаемъ о вещахъ и о людяхъ, каковы они на самомъ дѣлѣ, мы знаемъ только тѣ впечатлѣнія, какія они оставляютъ на наши чувства, и тѣ заключенія, часто ошибочныя, которыя нашъ разумъ выводитъ изъ суммы этихъ впечатлѣній. Попробуйте поставить рядомъ представленія объ одномъ и томъ же человѣкѣ, которыя имѣются у его родного отца, у ближайшаго друга его, у влюбленной въ него дѣвушки, у его соперника на жизненномъ поприщѣ, у жесточайшаго врага его и у случайнаго знакомаго, и вы увидите, до чего пестра и несоотвѣтственна выйдетъ картина. Каждый можетъ дать лишь тѣ впечатлѣнія, которыя отражаются въ его собственномъ сознаніи, и насколько они далеки отъ того, *что* этотъ человѣкъ представляетъ изъ себя въ дѣйствительности, это видно только тому взору, который способенъ проникать черезъ всѣ покровы и видѣть истинную суть всего человѣка. Мы знаемъ нашихъ друзей лишь по тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя они оставляютъ на насъ, впечатлѣнія же эти строго ограничены нашей способностью воспріятія; дитя можетъ имѣть отцомъ величайшаго государственнаго дѣятеля съ міровыми цѣлями, но для *него* этотъ руководитель судьбы цѣлаго народа будетъ только веселымъ товарищемъ игръ, или увлекательнымъ разсказчикомъ сказокъ. Мы живемъ посреди всевозможныхъ иллюзій, но испыты-

ваемъ ощущеніе реальности и это даетъ намъ удовлетвореніе. Въ Деваканѣ мы будемъ также окружены иллюзіями—хотя, какъ уже сказано, эти иллюзіи будутъ на двѣ ступени ближе къ дѣйствительности—и тамъ мы будемъ испытывать сходныя ощущенія реальности, которыя дадутъ намъ не меньшее удовлетвореніе.

Земныя иллюзіи, хотя и уменьшенныя, продолжаютъ существовать и въ низшихъ подраздѣленіяхъ Девакана, хотя тамъ всѣ соприкосновенія уже несравненно реальнѣе и непосредственнѣе. Ибо не слѣдуетъ забывать, что Деваканъ, или то, что мы называемъ небесами, составляетъ часть великаго эволюціоннаго плана, и пока человѣкъ не найдетъ своего истиннаго *я*, его собственная измѣняемость дѣлаетъ его склоннымъ къ иллюзіямъ. Но одна вещь, которая производитъ чувство реальности въ земной жизни и чувство нереальности, при изученіи Девакана, это—что мы смотримъ на земную жизнь изнутри, оставаясь во власти всѣхъ ея иллюзій, тогда какъ Деваканъ мы созерцаемъ извнѣ и притомъ неприкрытымъ покровами майи.

Въ Деваканѣ процессъ—обратный и его обитатели ощущаютъ свою собственную жизнь какъ реальную, тогда какъ земная жизнь является имъ полною самыхъ очевидныхъ иллюзій, ошибокъ и ложныхъ представленій. Въ общемъ, они ближе къ истинѣ, чѣмъ земные критики ихъ небеснаго міра.

Тамъ Мыслитель, облеченный лишь въ свое ментальное тѣло и безпрепятственно проявляющій свои собственныя силы, выражаетъ творческую природу этихъ силъ такимъ образомъ и въ такихъ размѣрахъ, какія мы здѣсь, на землѣ, едва ли можемъ себѣ даже представить. На землѣ художникъ, скульпторъ, музыкантъ, способны представлять себѣ величайшую красоту, создавая свои образы силою воображенія, но когда они стремятся воплотить эти образы въ грубые и земные матеріалы, они далеко отстаютъ отъ своихъ мысленныхъ созданій.

Мраморъ слишкомъ твердъ для совершенной формы, земныя краски слишкомъ мутны для совершеннаго цвѣта. Въ Деваканѣ все, что человѣкъ думаетъ, воспроизводится немедленно въ формы, ибо разрѣженная и тонкая матерія небеснаго міра есть та же, изъ которой состоятъ формы нашихъ мыслей, та же среда, въ которой проявляется наше мышленіе, когда оно свободно отъ страсти, и матерія эта складывается немедленно въ опредѣленныя очертанія при каждомъ воздѣйствіи на нее мысли. Вотъ почему каждый человѣкъ дѣйствительно создаетъ самъ свое небо, и кра-

сота всего окружающаго безконечно повышается соотвѣтственно богатству и энергіи его мысли.

По мѣрѣ того, какъ душа развиваетъ свои силы, ея небо становится все болѣе и болѣе утонченнымъ и прекраснымъ; всѣ ограниченія въ Деваканѣ создаются самимъ человѣкомъ и поэтому небо каждаго расширяется и углубляется одновременно съ расширеніемъ и углубленіемъ души. Пока душа слаба и себялюбива, ограничена и мало развита, въ небесахъ неизбѣжно отразится ея мелкій размѣръ, хотя тамъ все-же проявится наилучшее, что имѣется даже въ самой бѣдной душѣ. По мѣрѣ того, какъ человѣкъ развивается, его небесныя жизни становятся все полнѣе, богаче и все болѣе реальны, и далеко подвинувшіяся души приходятъ все въ болѣе и болѣе тѣсное соприкосновеніе между собой, наслаждаясь расширеннымъ и углубленнымъ душевнымъ обмѣномъ. Безцвѣтная земная жизнь, сонная и узкая въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, производитъ соотвѣтственно слабую, сонную и узкую жизнь въ Деваканѣ, гдѣ сохраняются одни лишь умственныя и нравственныя свойства. Мы не можемъ имѣть тамъ болѣе того, что мы сами изъ себя представляемъ, и наша жатва соотвѣтствуетъ въ точности нашему посѣву. „Не заблуждайтесь; Богъ не допуститъ обманывать себя; ибо что человѣкъ посѣялъ, то онъ и пожнетъ". Наша безпечность и наша алчность толкаютъ насъ пожать тамъ, гдѣ мы не сѣяли, но міровой законъ справедливости приноситъ каждому точную уплату за всѣ его труды.

Мысленные образы нашихъ друзей будутъ окружать насъ въ Деваканѣ. Вокругъ каждой души тѣснятся тѣ, кого она любила во время земной жизни, и каждый образъ, жившій на землѣ въ сердцѣ, становится живымъ товарищемъ души во время ея небеснаго пребыванія. И они являются тамъ въ неизмѣненномъ видѣ, тѣми же, какими были здѣсь на землѣ. Внѣшній видъ нашихъ друзей, какимъ онъ являлся для нашихъ чувствъ, мы создаемъ изъ мыслематеріи Девакана творческими силами ума; что здѣсь на землѣ было мысленной картиной, тамъ становится объективнымъ образомъ, облеченнымъ въ живую мысле-матерію, пребывающую въ нашей собственной ментальной атмосферѣ, съ той разницей, что все, тусклое и неясное здѣсь, тамъ является гораздо болѣе живымъ и яркимъ. Когда-же мы перейдемъ къ истинной связи между двумя душами, трудно даже выразить, насколько общеніе тамъ тѣснѣе, ближе, нѣжнѣе, чѣмъ все, что мы знаемъ здѣсь, ибо, какъ мы уже видѣли, тамъ нѣтъ преградъ между одной душой и другой, и въ

2*

полномъ соотношеніи съ значительностью душевной жизни на землѣ, будетъ и значительность душевнаго сообщенія тамъ; образъ нашего друга представляетъ наше собственное созданіе, видъ его тотъ же, какимъ мы знали и любили его, душа—же его способна сообщаться черезъ эту форму съ нашей какъ разъ въ томъ размѣрѣ, въ какомъ она можетъ гармонировать въ своихъ вибраціяхъ съ нашей душой. Но мы не можемъ войти въ сношенія съ тѣми, которыхъ знали на землѣ, если наша связь съ ними была исключительно физическаго и астральнаго свойства, или, если между ними и нами былъ внутренній разладъ. Вотъ почему въ наше небо не можетъ проникнуть ни одинъ врагъ, ибо тамъ людей соединяетъ только симпатическое созвучіе умовъ и сердецъ. Разобщеніе сердца и ума вызываетъ разобщеніе и въ небесной жизни, ибо все то, что—помимо умственной и сердечной близости—соединяетъ людей здѣсь на землѣ, тамъ не имѣетъ возможности проявить себя. Съ тѣми, которые поднялись уже высоко надъ нами, мы приходимъ въ соприкосновеніе лишь настолько, насколько мы способны отвѣчать на ихъ вибраціи; большая часть ихъ существа выходитъ изъ предѣла нашего кругозора, но то, съ чѣмъ у насъ есть соприкосновеніе, принадлежитъ намъ. Эти-же, далеко опередившія насъ души, могутъ помогать намъ въ нашей небесной жизни (при условіи, которое мы выяснимъ при дальнѣйшемъ изложеніи), содѣйствуя намъ расти и приближаться къ нимъ, слѣдовательно, и получать отъ нихъ все болѣе и болѣе. Такимъ образомъ раздѣленія во времени и пространствѣ тамъ не существуетъ, тамъ раздѣляетъ только отсутствіе симпатіи, недостатокъ созвучія между умами и сердцами. Въ небесахъ мы постоянно находимся съ тѣми, кого мы любили и почитали въ жизни, и сообщаемся мы съ ними въ границахъ *нашихъ* способностей, или, если мы принадлежимъ къ болѣе подвинувшимся,—въ границахъ *ихъ* способности воспріятія. Мы встрѣчаемъ *ихъ* именно въ той формѣ, которую мы любили на землѣ, и сохраняемъ полное сознаніе нашихъ земныхъ отношеній, ибо на небѣ расцвѣтаютъ всѣ земные ростки любви, и, омраченная и слабая на землѣ, тамъ она развертывается въ высшую силу и красоту. Такъ какъ сношенія тамъ между душами непосредственныя, то и не можетъ возникнуть недоразумѣній, которыя на землѣ вызываются словами или мыслями; каждый *видитъ* создаваемую другомъ мысль, или ту часть ея, на которую онъ въ состояніи отвѣчать.

Деваканъ, или небесный міръ, есть міръ блаженства, радости ...разимой, но онъ представляетъ собою еще и нѣчто большее,

чѣмъ мѣсто блаженнаго успокоенія для утомленной души. Въ Деваканѣ все, что было цѣннаго въ умственныхъ и нравственныхъ переживаніяхъ Мыслителя въ послѣдней его земной жизни, подвергается глубокой внутренней переработкѣ и постепенному претворенію въ опредѣленныя умственныя и нравственныя качества, въ силы, которыя онъ понесетъ съ собою въ слѣдующее воплощеніе. Мыслитель не переноситъ въ свое ментальное тѣло память прошлаго, ибо ментальное тѣло—въ свое время—тоже распадается; память прошлаго пребываетъ въ самомъ Мыслителѣ, который пережилъ его и не подлежитъ уничтоженію. Но факты прошлыхъ испытаній и переживаній вносятся въ ментальныя способности; такимъ образомъ, если человѣкъ глубоко изучалъ какой-либо предметъ, послѣдствіемъ этого изученія будетъ возникновеніе особой способности, которая поможетъ ему легко овладѣть тѣмъ-же предметомъ, когда послѣдній предстанетъ передъ нимъ въ другомъ воплощеніи. Онъ уже родится съ готовой способностью именно къ этому отдѣлу знанія, и поэтому овладѣетъ имъ съ большею легкостью. Такимъ образомъ все, надъ чѣмъ мы думаемъ на землѣ, используется въ Деваканѣ: каждое стремленіе превращается въ активную силу; всѣ—казавшіяся тщетными усилія становятся способностями, дарованіями; всѣ формы борьбы и пораженія возраждаются здѣсь, чтобы преобразиться въ орудія побѣды; горести и душевныя исканія сіяютъ здѣсь подобно драгоцѣннымъ металламъ, переплавляющимся въ мудрыя и вѣрно направленныя усилія воли. Стремленія къ общему благу, которыя, за недостаткомъ силы или способностей, не могли быть осуществлены въ прошломъ, въ Деваканѣ разрабатываются ступень за ступенью, недостававшія же силы и способности развиваются въ свойства, которыя дадутъ возможность осуществить добрыя стремленія, когда тотъ же человѣкъ воплотится снова, но уже на высшей ступени. Такимъ образомъ жизнь Девакана вовсе не блаженный сонъ въ странѣ цвѣтовъ и не безцѣльная праздность; это—страна, въ которой умъ и сердце развиваются, свободные отъ грубой матеріи и отъ мелочныхъ заботъ, страна, гдѣ выковывается оружіе для безпощадныхъ земныхъ битвъ и гдѣ обезпечивается прогрессъ будущаго.

Когда Мыслитель претворилъ всѣ плоды послѣдней своей земной жизни въ ментальное тѣло, онъ сбрасываетъ и его, и пребываетъ— ничѣмъ не обремененный на своей собственной родинѣ. Всѣ умственныя способности, которыя проявлялись на низшихъ уровняхъ, вносятся въ „тѣло причинности“*) вмѣстѣ съ сущностью всѣхъ

*) Corps causal.

пережитыхъ страстей, когда послѣднее сбрасывало съ себя астральную скорлупу, которой предстояло уничтоженіе въ Камалокѣ; всѣ эти силы и способности остаются въ скрытомъ состояніи внутри „тѣла причинности“ до тѣхъ поръ, пока не попадутъ въ такія условія, въ которыхъ они могли бы проявиться *). Послѣ этого, ментальиое тѣло, послѣднее изъ всѣхъ временныхъ оболочекъ пребывающаго человѣка, въ свою очередь разлагается, а составныя его части возвращаются въ ментальную сферу, откуда онѣ были извлечены, когда Мыслитель спускался въ послѣднее свое воплощеніе. Сохраняется неприкосновеннымъ одно лишь „тѣло причинности“, которое воистину можно считать нетлѣнной сокровищницей всѣхъ жизненныхъ опытовъ, достойныхъ сохраненія. Послѣ этого Мыслитель, описавшій полный кругъ своего долгаго странствованія, пребываетъ до слѣдующаго воплощенія въ своей собственной родной странѣ.

Состояніе его сознанія въ Деваканѣ зависитъ вполнѣ отъ той точки, до которой достигла его эволюція. На раннихъ ея ступеняхъ онъ будетъ, сбросивъ свои низшія оболочки, дремать въ полной безсознательности. Жизнь его будетъ тихо пульсировать внутри его, претворяя всѣ малѣйшіе результаты послѣдняго земного существованія, которые способны войти въ составъ его существа; но при этомъ онъ не будетъ сознавать окружающую среду. Но по мѣрѣ того, какъ онъ развивается, именно этотъ періодъ его жизни становится все болѣе важнымъ и занимаетъ все большіе размѣры въ его посмертномъ существованіи. Онъ становится самосознающимъ, благодаря чему начинаетъ сознавать и окружающую среду; передъ *я* раскрывается *не я* и память его развертываетъ передъ нимъ панораму его жизни, простирающуюся назадъ въ глубину прошедшихъ временъ. Онъ видитъ причины, которыя вызвали необходимыя послѣдствія въ послѣднемъ изъ его земныхъ существованій, онъ изучаетъ и тѣ причины, которыя самъ создавалъ въ послѣднемъ воплощеніи. Онъ претворяетъ и врабатываетъ въ строеніе своего „тѣла причинности“ все, что было наиболѣе благороднаго и высокаго въ послѣдней его земной жизни,

---

*) Вдумчивый чѣловѣкъ можетъ найти здѣсь полное значенія указаніе на проблемму непрерывающагося сознанія и послѣ того, какъ весь циклъ проявленной жизни совершится до конца. Пусть онъ поставитъ на мѣсто Мыслителя Творца нашей вселенной, свойства же, являющіяся плодами одной земной жизни, пусть представитъ себѣ, какъ плоды цѣлой проявленной вселенной. И тогда онъ будетъ имѣть намекъ на состояніе сознанія въ промежутокъ между двумя проявленными вселенными.

и путемъ внутренней дѣятельности развиваетъ и приводитъ въ гармонію весь накопленный опытъ своей души. Въ Деваканѣ онъ приходитъ въ непосредственное столкновеніе съ великими душами; находятся ли эти души въ посмертномъ состояніи, или въ воплощенномъ, онъ пользуется ихъ общеніемъ, учится у нихъ болѣе зрѣлой мудрости и болѣе продолжительной опытности. Каждая послѣдовательная жизнь въ Деваканѣ становится все богаче и все глубже; по мѣрѣ расширяющейся способности человѣка къ воспріятію, знаніе вливается въ него все увеличивающимся потокомъ; болѣе и болѣе начинаетъ онъ познавать дѣйствія духовнаго закона и условія эволюціоннаго движенія впередъ, и, благодаря этому, онъ возвращается на землю съ болѣе зрѣлымъ сознаніемъ, съ болѣе дѣйствительной силой, при чемъ цѣль жизни начинаетъ постепенно выясняться для него, и путь къ ея достиженію становится опредѣленнѣе.

Для каждаго Мыслителя, передъ новымъ возвращеніемъ его на землю, приходитъ моментъ ясновидѣнія. На одно мгновеніе онъ видитъ все свое прошлое и причины, созданныя въ этомъ прошломъ, которыя будутъ дѣйствовать въ его будущемъ, и общія очертанія его ближайшаго воплощенія развертываются безъ покрова передъ нимъ. Затѣмъ облака матеріи низшаго типа начинаютъ волнообразно носиться вокругъ него и затемнять его зрѣніе, а, съ пробужденіемъ способностей низшаго разума, послѣднія начинаютъ вибрировать и собирать вокругъ себя матеріалы изъ низшихъ подраздѣленій ментальной сферы, изъ которыхъ и возникаетъ новое ментальное тѣло для начинающейся новой главы вѣчиой исторіи его жизни. Но эта часть нашего предмета принадлежитъ уже къ отдѣлу о перевоплощеніи. Мы оставили душу спящей *), сбросившей съ себя послѣдніе остатки астральнаго тѣла, готовую перейти изъ Камалоки въ Деваканъ, изъ чистилища на небеса. Спящая душа просыпается съ чувствомъ невыразимой радости, неизмѣримаго блаженства, мира и покоя, превышающаго всякое наше представленіе. Самыя очаровательныя мелодіи тихо звучатъ вокругъ него, нѣжнѣйшіе оттѣнки свѣтящихся красокъ волнуются передъ его открывшимся зрѣніемъ, самый воздухъ кажется цвѣтовой музыкой, все существо насквозь проникается свѣтомъ и гармоніей. Затѣмъ сквозь золотую дымку начинаютъ нѣжно выступать любимыя лица, утончившіяся въ красоту, которая отражаетъ ихъ благороднѣйшія эмоціи, незапятнанныя

---

*) См. гл. III, Камалока.

тревогами и страстями низшихъ міровъ. Какъ передать словами блаженство этого пробужденія, сіяніе этой первой зари небеснаго міра.

Теперь мы будемъ изучать подробности семи подраздѣленій Девакана, не забывая, что четыре низшія переносятъ насъ въ міръ формъ, гдѣ каждая мысль облекается немедленно въ форму. Этотъ міръ формъ принадлежитъ личности, и поэтому каждая душа окружается здѣсь всѣмъ тѣмъ, что было воспринято ею въ истекшей земной жизни и что можетъ выразиться въ чистомъ мышленіи, безъ примѣси страсти.

Самая первая или низшая область представляетъ собою небо наименѣе подвинувшихся душъ, высшія эмоціи которыхъ на землѣ ограничивались хотя и узкой, но искренней, а временами и безкорыстной любовью къ семьѣ и къ друзьямъ. Или возможно, что онѣ чувствовали искреннее восхищеніе къ кому либо, кто былъ чище и лучше ихъ; возможно также, что въ подобной душѣ проносилось желаніе вести болѣе возвышенную жизнь, или мимолетное влеченіе къ духовному совершенству. У такой души немного матеріала, изъ котораго могли бы построиться новыя качества, способныя подвинуть ее сильно впередъ; возможно, что ея семейныя привязанности будутъ нѣсколько расширены, и она воплотится черезъ нѣкоторое время съ улучшенной эмоціональной природой, съ усиленной наклонностью къ добру и красотѣ. Во время своего небеснаго отдыха она будетъ наслаждаться всѣмъ счастьемъ, какое способна вмѣстить, и хотя чаша ея не велика, она все же наполнится до краевъ блаженствомъ, которое ей доступно въ мірѣ духа. Чистота и гармонія этого міра дѣйствуютъ на ея неразвитыя способности и вызываютъ ихъ къ дѣятельности, и тогда въ душѣ начинаются тѣ внутреннія движенія, которыя предшествуютъ всякому распусканію чувства.

Слѣдующее подраздѣленіе Девакана заключаетъ въ себѣ людей всѣхъ вѣрованій, сердца которыхъ во время земной жизни обращались съ мольбой къ Богу, безразлично какимъ именемъ они называли Его. Форма ихъ поклоненія могла быть и узкой, но сердце ихъ поднималось въ своемъ стремленіи къ высшему и тамъ оно найдетъ пищу для своего поклоненія. Представленіе о Божественномъ, которое слагалось внутри ихъ души на землѣ, встрѣчаетъ ихъ въ лучезарномъ сіяніи Девакана, прекраснѣе и лучезарнѣе, чѣмъ самыя смѣлыя ихъ мечты. Господь ограничивается, чтобы быть доступнымъ для ограниченныхъ силъ своихъ поклонниковъ, и именно въ той формѣ, въ какой вѣрующая душа

преклонялась передъ Нимъ, Онъ и раскрывается передъ ея жаждущимъ взоромъ и вливаетъ въ нее невыразимую нѣжность своей отвѣтной любви. Здѣсь души людей погружаются въ религіозный экстазъ, въ обожаніе Бога подъ тѣми формами, которыя ихъ чувство находило на землѣ, онѣ какъ бы растворяются въ упоеніи любви въ соединеніи съ Объектомъ своего обожанія. Никто не чувствуетъ себя отчужденнымъ въ этой небесной области, ибо Господь облекается для всѣхъ въ знакомыя формы. Такія души растутъ въ чистотѣ и преданности подъ вліяніемъ свѣта этого высокаго единенія, и онѣ возвращаются на землю съ сильно выросшей способностью безкорыстной любви. Но не вся небесная жизнь проходитъ для нихъ въ подобномъ экстазѣ, она представляетъ для нихъ и возможность развитія и остальныхъ качествъ ума и сердца, которыми онѣ владѣли на землѣ.

Переходя далѣе къ третьей области, мы встрѣтимся здѣсь съ тѣми благородными и искренними душами, которыя были преданными слугами всего человѣчества, пока жили на землѣ, которыя проявляли свою любовь къ Богу въ трудахъ на благо человѣка. Онѣ собираютъ награду за свою благородную дѣятельность въ томъ расширеніи силъ, и въ увеличеніи мудрости, которыя сдѣлаютъ ихъ новую жизнь еще болѣе полезной и праведной. Широкіе планы всеобщаго благоденствія развертываются передъ сознаніемъ филантропа, и онъ, подобно архитектору, набрасываетъ будущее зданіе, которое построитъ въ слѣдующемъ своемъ существованіи на землѣ; въ немъ созрѣваютъ идеи, которыя онъ осуществитъ въ дѣятельностяхъ, когда созрѣетъ для этого время. Подобныя души появятся въ будущихъ вѣкахъ великими человѣколюбцами, воплотятся на землѣ съ врожденной способностью безкорыстной любви, одаренные силою доводить начатое до конца.

Наиболѣе разнообразнымъ изъ всѣхъ подраздѣленій Девакана является по своему характеру четвертое, ибо здѣсь развиваются силы наиболѣе одаренныхъ душъ, насколько онѣ могутъ быть выражены въ мірѣ формъ. Здѣсь находятся всѣ геніи искусствъ и литературы; они развиваютъ свои творческія силы въ области формъ, красокъ и гармоніи и создаютъ высшія способности, съ которыми и воплотятся, когда снова возвратятся на землю. Самая благородная музыка невыразимой красоты разносится тамъ, создаваемая такими царями гармоніи, какимъ былъ Бетховенъ на землѣ; онъ изливаетъ изъ своей царственной души потоки несравнимыхъ мелодій, дѣлая даже небесный міръ болѣе мелодичнымъ по мѣрѣ того какъ онъ извлекаетъ гармоніи изъ высшихъ

сферъ и проводитъ ихъ отзвуки черезъ небесное пространство. Здѣсь же мы находимъ и великихъ мастеровъ живописи и скульптуры, узнающихъ новые цвѣтовые оттѣнки, новыя линіи невообразимой красоты, и здѣсь также находятся души съ великими, хотя и неудавшимися стремленіями, которыя перерабатываютъ свои страстныя желанія въ творческія силы, и мечты свои въ способности. Безкорыстные искатели тайнъ природы встрѣчаются здѣсь же, и имъ дается познать ея скрытыя глубины; передъ ихъ глазами развертываются системы міровъ со всѣмъ своимъ скрытымъ механизмомъ необычайной сложности и тонкости; эти вернутся на землю великими творцами новыхъ научныхъ системъ, съ безошибочными интуиціями относительно таинственныхъ путей природы. Въ этой области неба находятся также и ищущіе болѣе глубокаго знанія, пылкіе ученики, искавшіе великихъ наставниковъ и высшаго ихъ руководства, и терпѣливо выполнявшіе все, на что было указано тѣмъ или другимъ великимъ Учителемъ человѣчества. Здѣсь ихъ стремленія находятъ свое воплощеніе, и Тѣ, которыхъ они искали на землѣ повидимому тщетно, являются здѣсь ихъ дѣйствительными учнтелями; эти пылкія души упиваются божественной мудростью и быстро растутъ ихъ силы и способности у ногъ Учителей. Носителями свѣта появятся они вновь на землѣ, рожденные съ высокой печатью духовнаго Учителя.

Многіе искренно ищущіе на землѣ, не имѣющіе понятія объ этихъ соотношеніяхъ, готовятъ себѣ мѣсто въ этой небесной области въ то время, когда они съ истиннымъ благоговѣніемъ склоняются надъ страницами великаго Учителя. Они безсознательно создаютъ связь между собой и любимымъ Учителемъ, и въ небесномъ мірѣ эта душевная связь проявится, взаимно привлекая души, для которыхъ она служитъ звеномъ. Какъ солнце въ состояніи наполнять своими лучами многія горницы, и каждая изъ нихъ освящается всѣмъ свѣтомъ, какой можетъ вмѣстить, такъ и эти великія души, сіяя на небесахъ въ тысячѣ своихъ собственныхъ образовъ, созданныхъ ихъ учениками, наполняютъ ихъ жизнь своею собственной сущностью, такъ что каждый ученикъ имѣетъ своего собственнаго Учителя и въ то же время не отнимаетъ его помогу ни у кого.

Такимъ образомъ въ теченіе періодовъ, пропорціональныхъ принесенному духовному матеріалу, люди пребываютъ въ этихъ небесныхъ областяхъ (rûpa-форма), гдѣ все доброе, совершенное въ послѣдней личной жизни, получаетъ свое полное осуществленіе

во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ. И когда все уже исчерпано, когда выпита послѣдняя капля изъ чаши радости, тогда все, что было переработано въ способности, все, что обладаетъ вѣчною цѣнностью, вносится внутрь безсмертной души („тѣло причинности") и Мыслитель сбрасываетъ съ себя оболочку, черезъ которую онъ проявлялся на четырехъ низшихъ ступеняхъ небеснаго міра. Освобожденный отъ своей послѣдней оболочки (ментальное тѣло), онъ находится теперь на своей истинной родинѣ и теперь настаетъ очередь за той частью принесенной жатвы, которая можетъ найти свое выраженіе въ этомъ высокомъ мірѣ.

Большое число душъ касаются низшаго уровня тѣхъ областей небеснаго міра, которыя носятъ названіе Арûпа—„безъ формы", лишь на короткое мгновеніе, послѣ того, какъ всѣ временныя оболочки сброшены прочь; но души эти такъ еще ие развиты, что въ нихъ нѣтъ активныхъ силъ, которыя могли-бы дѣйствовать въ этихъ областяхъ независимо, и поэтому онѣ впадаютъ въ безсознательность какъ только сброшенная ментальная оболочка распадется на составныя части. Затѣмъ на одинъ мигъ онѣ пробуждаются къ сознательности и молніеносное воспоминаніе освѣщаетъ все ихъ прошлое, и онѣ видятъ всѣ зачавшія его причины и такая же вспышка предвидѣнія освѣщаетъ ихъ будущее, и онѣ видятъ всѣ послѣдствія, которыя произойдутъ въ ихъ ближайшемъ земномъ существованіи. Это все, что большинство людей способно испытать въ этой области Девакана („Арûпа"). Ибо и здѣсь такъ же, какъ вездѣ, жатва соотвѣтствуетъ посѣву и невозможно, ничего не посѣявъ для этой высокой области, надѣяться собрать здѣсь какую бы то ни было жатву.

Но есть души, которыя во время своего земного существованія— глубокимъ мышленіемъ и благородной жизнью приготовили тотъ посѣвъ, съ котораго жатва снимается именно въ этой, пятой области Девакана, первой изъ трехъ небесъ сверхъ-форменнаго міра (Арûпа). Велика ихъ награда за то, что онѣ съумѣли подняться надъ властью плоти и страстей, и здѣсь онѣ начинаютъ испытывать истинную жизнь человѣка, достойное существованіе самой души, не стѣсненной оболочками, которыя всѣ принадлежатъ низшимъ мірамъ. Онѣ познаютъ истины непосредственнымъ созерцаніемъ и видятъ основныя причины, послѣдствіями которыхъ являются всѣ видимые объекты; онѣ видятъ лежащее въ основѣ всего единство, которое въ низшихъ мірахъ маскируется разнообразіемъ пестрыхъ подробностей. Такимъ образомъ пріобрѣтается глубокое познаніе закона, распознаются его неизмѣнныя дѣйствія въ самыхъ

съ виду противорѣчивыхъ видимостяхъ, и вносятся въ неразрушимую часть души непоколебимыя убѣжденія, которыя въ земной жизни проявятся какъ глубокая интуиція, превышающая всевозможныя разсужденія. И здѣсь человѣкъ узнаетъ свое собственное прошлое и разбирается въ причинахъ, которыя онъ самъ вызвалъ къ жизни; онъ отмѣчаетъ ихъ взаимодѣйствія, проистекающія изъ нихъ послѣдствія, и даже видитъ нѣчто изъ ихъ вліянія на предстоящія ему въ будущемъ жизни.

Въ шестой небесной области находятся еще болѣе подвинувшіяся души, которыя во время земного существованія не чувствовали влеченія къ его преходящимъ видимостямъ и посвящали всю свою энергію высшей умственной и нравственной жизни; для нихъ уже нѣтъ покрова, скрывающаго прошлое, ихъ память совершенна и непрерывна, и онѣ заняты введеніемъ въ составъ своей ближайшей жизни такихъ энергій, которыя способны побороть силы, противодѣйствующія добру, и укрѣпить такія, которыя направлены къ добру. Эта ясная память дѣлаетъ ихъ способными на твердыя и опредѣленныя рѣшенія относительно дѣятельностей, которыя *должны* быть совершаемы, и такихъ, которыхъ слѣдуетъ избѣгать, и эти волевые импульсы запечатлѣваются на низшихъ оболочкахъ слѣдующаго воплощенія, дѣлаетъ для такихъ душъ цѣлые разряды зла невозможными, и точно также извѣстный видъ добра неизбѣжнымъ, какъ-бы непреодолимымъ требованіемъ голоса, котораго не слушать *нельзя.* Эти души родятся съ высокими и благородными качествами, дѣлающими другую жизнь невозможной, и они накладываютъ уже на младенца въ колыбели печать будущей великой судьбы. Передъ человѣкомъ, достигшимъ шестого неба, развертываются неисчерпаемыя сокровища божественнаго разума въ его творческой дѣятельности, и онъ можетъ изучать первообразы всѣхъ формъ, которыя постепенно развиваются въ низшихъ мірахъ. Здѣсь онъ можетъ купаться въ бездонномъ океанѣ Божественной Мудрости и разгадывать тайны, соединенныя съ воплощеніемъ тѣхъ первообразовъ, процессъ котораго, въ ограниченномъ воспріятіи земного человѣка, вызываетъ представленіе кажущагося зла. Здѣсь раскрываются такіе широкіе горизонты, что явленія принимаютъ свои надлежащія пропорціи, и онъ видитъ оправданіе божественныхъ путей, которые для него уже болѣе не „неисповѣдимы" поскольку они относятся до эволюціи низшихъ міровъ. Вопросы, надъ которыми онъ задумывался на землѣ и на которые его земной разумъ не давалъ отвѣта, здѣсь разрѣшаются посредствомъ глубокаго проникновенія, идущаго

внутрь внѣшнихъ покрововъ и видящаго связующія звенья, которыя образуютъ непрерывную цѣпь явленій. Здѣсь же душа находится въ непосредственномъ сношеніи съ наиболѣе великими душами, которыя высоко поднялись надъ уровнемъ остального человѣчества; освобожденная отъ тѣхъ узъ, которыя составляютъ земное „прошлое“, она наслаждается „непрестаннымъ настоящимъ“, безконечной и непрерывающейся жизнью. Тѣ, кого мы называемъ „великими покойниками“, находятся здѣсь во всей славѣ жизни духа, и душа испытываетъ высокій восторгъ отъ ихъ присутствія и растетъ по образу и подобію ихъ по мѣрѣ того, какъ могучая гармонія ихъ духа настраиваетъ ея вибраціи на свой тонъ.

Еще выше и еще прекраснѣе сіяетъ седьмое небо, обитель Учителей и Посвященныхъ. Ни одна душа не можетъ быть тамъ, прежде чѣмъ она не пройдетъ черезъ узкія ворота Посвященія, по тому тернистому пути, который ведетъ въ жизнь вѣчную *). Въ этомъ мірѣ источникъ наиболѣе сильныхъ умственныхъ и нравственныхъ воздѣйствій, которыя спускаются на землю; отсюда исходятъ животворящіе токи высочайшей духовной энергіи.

Вся интеллектуальная жизнъ міра имѣетъ здѣсь свои корни; отсюда получаютъ геніи свои лучшія вдохновенія. Для душъ, которыя пребываютъ здѣсь, уже не имѣетъ значенія, продолжаетъ-ли сохраняться ихъ связь съ низшими оболочками, или она уже нарушена; онѣ, не переставая, пользуются своимъ высокимъ самосознаніемъ и живыми отношеніями со всѣми окружающими ихъ и захотятъ ли они—въ періодъ воплощенія—перенести въ свои низшія оболочки все сознаніе, которое послѣднія могутъ вмѣстить, это предоставляется ихъ собственной волѣ. И все болѣе и болѣе желанія ихъ сливаются съ волею высочайшихъ Сущностей, которая едина съ волею Логоса и направлена лишь на міровое добро. Ибо здѣсь уже исчезаютъ всѣ послѣдніе признаки разъединенія**) у тѣхъ, которые еще не достигли полнаго освобожденія, т. е. ступени, на которой стоятъ Учителя; по мѣрѣ того, какъ эти послѣдніе слѣды исчезаютъ, воля вступаетъ все въ большее и большее единство съ Волею, руководящей мірами.

Таковы общія очертанія семи небесъ, въ одно изъ которыхъ человѣкъ переходитъ послѣ той перемѣны, которую люди назы-

---

*) См. гл. XI. Восхожденіе человѣка. Посвященный выступаетъ изъ обыкновеннаго направленія эволюціи, онъ идетъ болѣе короткимъ и крутымъ путемъ къ человѣческому совершенству.

**) Ahamkâra—принципъ, вызывающій самоутвержденіе, необходимое для развитія самосознанія, но упраздняющееся, когда цѣль его дѣятельности закончена.

ваютъ смертью; ибо смерть—лишь перемѣна, освобождающая душу отъ самой тяжелой изъ всѣхъ связывающихъ ея цѣпей. Смерть—лишь рожденіе въ болѣе широкую жизнь, возвращеніе—послѣ краткаго изгнанія на землю—въ истинную обитель души, переходъ изъ темницы къ свободѣ горняго воздуха.

Смерть есть величайшая изъ земныхъ иллюзій: смерти нѣтъ, есть только перемѣна въ условіяхъ жизни.

Жизнь непрерывна; нерожденная, вѣчная, постоянная, она не погибаетъ съ уничтоженіемъ тѣлъ, которые облекаютъ ее. Также вѣрно было бы вообразить, что небо обрушится, когда разбивается глиняный горшокъ, какъ утверждать, что душа погибнетъ, когда тѣло разложится на составныя части *).

Физическая, астральная и ментальная сферы являются тѣми „тремя мірами", въ которыхъ совершается странствованіе души, снова и снова повторяемое.

По этимъ тремъ мірамъ катится колесо человѣческой жизни, и души привязаны къ этому колесу посредствомъ своей эволюціи, и, неустанно катясь, оно переноситъ ихъ въ каждый изъ трехъ міровъ поочередно. Теперь мы можемъ прослѣдить полный жизненный періодъ души (совокупность этихъ періодовъ составляетъ ея жизнь), а также ясно различить разницу между личностью и индивидуальностью.

Душа, когда ея пребываніе въ высшихъ областяхъ Девакана arupa (безъ формы) кончается, начинаетъ свой новый жизненный періодъ съ проявленія тѣхъ силъ, которыя въ состояніи дѣйствовать въ четырехъ низшихъ подраздѣленіяхъ Девакана (rupa), силъ, которыя явились какъ результаты предшествовавшихъ жизней. Силы эти, проявляясь наружу, собираютъ вокругъ себя изъ матеріи четырехъ низшихъ подраздѣленій ментальной сферы такіе матеріалы, которые находятъ для ихъ выраженія, и благодаря этому образуется новое ментальное тѣло для предстоящаго рожденія на землѣ. Вибраціи этихъ ментальныхъ силъ пробуждаютъ энергіи, принадлежащія природѣ желанія, и эти послѣднія начинають также вибрировать; по мѣрѣ своего пробужденія онѣ привлекаютъ къ себѣ подходящіе матеріалы изъ матеріи астральнаго міра, изъ которыхъ и образуется новое астральное тѣло для приближащагося воплощенія. Такимъ образомъ Мыслитель облекается въ ментальную и астральную оболочки, выражающія съ точностью всѣ его способности, развитыя въ теченіе всѣхъ предыдущихъ ступеней его жизни. Послѣ этого онъ увлекается

*) Сравненіе это, употребляемое въ Bhagavad Purâna.

силами, о которыхъ будетъ сказано впослѣдствіи *), въ семью, способную снабдить его подходящимъ физическимъ покровомъ, а затѣмъ входитъ въ соприкосновеніе съ этимъ покровомъ посредствомъ своего астральнаго тѣла. Въ теченіе утробной жизни, ментальное тѣло тѣсно переплетается съ низшими оболочками, и эта связь становится все тѣснѣе и тѣснѣе на протяженіи всего дѣтскаго возраста, пока, на седьмомъ году жизни, оболочки эти не придутъ въ прикосновеніе съ самимъ Мыслителемъ, настолько полное, насколько данная ступень эволюціи позволяетъ это. И тогда онъ начинаетъ слегка контролировать свои оболочки, если послѣднія уже достаточно развились, и то, что мы называемъ сознаніемъ, становится его повелѣвающимъ голосомъ. Весь свой опытъ онъ собираетъ посредствомъ этихъ оболочекъ и, во время своей земной жизни, слагаетъ его какъ разъ въ ту оболочку, которая соприкасается съ сферой, откуда опытъ извлеченъ. Когда земная жизнь кончается, физическое тѣло отпадаетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ кончается возможность соприкосновенія съ физическимъ міромъ, и тогда всѣ силы Мыслителя сосредоточиваются въ астральной и ментальной сферахъ. Въ свое время и астральное тѣло отпадаетъ и тогда вся его жизнь сохраняется въ ментальной сферѣ, при чемъ астральныя способности остаются заключенными въ немъ самомъ, какъ скрытыя энергіи. Когда же процессъ ассимилляціи закончится и здѣсь, ментальное тѣло распадается, и его энергіи—въ свою очередь—переходятъ въ видѣ скрытыхъ силъ внутрь Мыслителя, и тогда онъ переноситъ свою жизнь полностью въ міръ Агûра, въ свою прирожденную обитель. Отсюда, послѣ того, какъ переживанія его въ трехъ мірахъ превратятся въ способности и силы, онъ снова начинаетъ свое странствіе и проходитъ новый циклъ жизни съ увеличенными силами и знаніемъ.

Личность состоитъ изъ преходящихъ оболочекъ, посредствомъ которыхъ Мыслитель дѣйствуетъ въ физическомъ, астральномъ и низшемъ ментальномъ мірахъ, и изъ всѣхъ тѣхъ дѣятельностей, которыя соприкасаются съ ними. Дѣятельности эти связаны звеньями памяти, возникшими благодаря впечатлѣніямъ, оставленнымъ на трехъ низшихъ тѣлахъ; а благодаря отождествленію Мыслителя съ своими оболочками возникаетъ и личное „я“. На низшихъ ступеняхъ эволюціи это *я* связано съ физическимъ и астральнымъ проводниками, въ которыхъ и проявляется наиболѣе энергичная дѣятельность; позднѣе оно бываетъ связано съ ментальнымъ проводникомъ, который и становится преобла-

*) См. гл. VII о Перевоплощеніи.

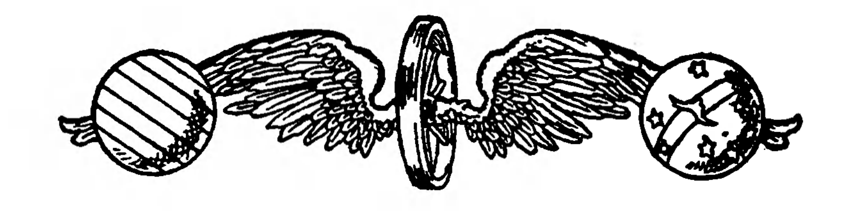
дающимъ. Такимъ образомъ личность съ ея преходящими чувствами, желаніями и страстями образуетъ изъ себя какъ бы независимое существо, хотя она и извлекаетъ всѣ свои силы изъ Мыслителя, котораго облекаетъ собой, и такъ какъ ея свойства, принадлежащія низшимъ мірамъ, бываютъ часто въ прямомъ противорѣчіи съ вѣчными интересами живущаго въ тѣлѣ, то и возникаютъ конфликты, въ которыхъ побѣда склоняется то на сторону временныхъ наслажденій, то на сторону вѣчнаго. Жизнь личности начинается только тогда, когда Мыслитель построитъ свое новое ментальное тѣло, и существованіе ея продолжается только до тѣхъ поръ, пока это ментальное тѣло не распадется въ низшей области Девакана.

Индивидуальность же заключаетъ въ себѣ самого Мыслителя, безсмертное дерево, которое выбрасываетъ изъ себя личности, подобно листьямъ, длящихся въ весеннюю, осеннюю и лѣтнюю пору человѣческой жизни. Все, что листья воспринимаютъ въ себя, претворяется въ сокъ, циркулирующій по ихъ венамъ, осенью-же этотъ сокъ вливается въ родной стволъ, а сухой листъ отпадаетъ и погибаетъ. Лишь Мыслитель живетъ вѣчно, онъ тотъ, для котораго „часъ не пробьетъ никогда", онъ та вѣчная юность, которая, по выраженію Бхагавадъ-Гиты, одѣваетъ и сбрасываетъ тѣла также, какъ человѣкъ надѣваетъ на себя новыя одежды и снимаетъ старыя. Каждая личность представляетъ собою роль для безсмертнаго Актера, который выступаетъ на подмостки жизни снова и снова, и въ переживаемой имъ жизнеиной драмѣ каждый принятый имъ на себя характеръ есть дитя предшествовавшаго и отецъ будущаго; такимъ образомъ жизненная драма есть непрерывающаяся исторія одного и того же дѣйствующаго лица, который послѣдовательно разыгрываетъ роли.

Пока Мыслитель проходитъ черезъ раннія ступени человѣческой эволюціи, жизнь его ограничивается тремя мірами, которые мы изучали въ этихъ главахъ, но придетъ время въ жизни человѣчества, когда оно проникнетъ въ болѣе высокіе міры и тогда перевоплощеніе перейдетъ въ область прошлаго; но пока колесо рожденія и смерти продолжаетъ вращаться, и человѣкъ все еще привязанъ къ нему своими желаніями, источникъ которыхъ находится въ трехъ низшихъ мірахъ, жизнь его должна протекать въ этихъ мірахъ.

Къ царству духа, которое превышаетъ ихъ, мы и обратимся теперь, хотя мало понятнаго и необходимаго для настоящей ступени развитія можетъ быть сказано о немъ. Но то, что можетъ быть сказано, все-же необходимо для дополненія очерка Древней Мудрости.

Пер. Е. П.

Какъ достигнуть познанія сверхчувственныхъ міровъ.

Д-ра Р. Штейнера.

Глава VI*).

Условія для пріема въ эзотерическую школу не произвольны, они проистекаютъ изъ сущности эзотерическаго знанія. Какъ человѣкъ, не хотящій взять въ руки кисти, не можетъ стать художникомъ, такъ и тотъ, кто не желаетъ исполнять необходимыхъ требованій учителя, не можетъ получить оккультнаго обученія. Въ сущности учитель ничего не можетъ дать иначе, какъ въ видѣ совѣтовъ. И въ этомъ смыслѣ надо принимать все, что онъ говоритъ. Пройдя самъ подготовительные пути къ познанію высшихъ міровъ, онъ знаетъ изъ опыта, что необходимо. Отъ свободной воли каждаго зависитъ вполнѣ, хочетъ ли и онъ итти тѣмъ же путемъ—учитель никогда не пойдетъ далѣе, если это не совпадаетъ съ свободной волей принятаго ученика. Надо при этомъ замѣтить, что одного только *желанія* высшихъ знаній, присущаго многимъ, еще не достаточно. Кто имѣетъ лишь это желаніе, не намѣреваясь пойти на *особыя условія*, ставимыя учителемъ, съ тѣмъ этотъ послѣдній не можетъ начать истиннаго обученія. Объ этомъ должны подумать всѣ, кто жалуется, что оккультные учителя не идутъ на встрѣчу ихъ желаніямъ. Кто не можетъ или не хочетъ исполнять строгихъ условій, тотъ долженъ отказаться отъ оккультной школы. Хотя условія строги, но ихъ нельзя назвать жест-

*) „Вѣстникъ Теософіи“ № 7—8, стр. 36.

кими, такъ какъ исполненіе ихъ есть добровольный актъ свободной воли.

Кто не имѣетъ этого въ виду, только для того требованія учителя могутъ показаться насиліемъ надъ душой или совѣстью. Ибо оккультное ученіе основывается на развитіи *внутренней* жизни, и учитель даетъ совѣты, касающіеся именно этой внутренней жизни. Если бы кто нибудь сказалъ учителю: подѣлись со мною своими тайнами, но оставь мнѣ мои обычныя ощущенія, чувства и представленія,—то онъ потребовалъ бы совершенно невозможнаго. Въ этомъ выражалось бы одно желаніе удовлетворить свое любопытство, одна погоня за знаніемъ. При такомъ настроеніи тайное знаніе не достижимо.

Въ дальнѣйшемъ оккультному ученику ставятся нѣкоторыя условія. Но нужно знать, что при этомъ не требуется совершеннаго исполненія, но лишь *стремленіе* къ подобному исполненію. Вся суть заключается главнымъ образомъ въ направленіи воли и мысли на этотъ путь.

Первое условіе слѣдующее: все вниманіе должно быть обращено на то, чтобы способствовать своему тѣлесному и духовному здоровью. Конечно, состояніе здоровья зависитъ не отъ воли человѣка, но стремиться къ этому по мѣрѣ возможности можетъ всякій. Только въ здоровомъ человѣкѣ можетъ развиться здоровое познаніе.

Ни одинъ учитель не можетъ устранить человѣка, необладающаго полнымъ здоровьемъ; но учитель потребуетъ, чтобы ученикъ стремился къ здоровой жизни. Но и въ этомъ отношеніи человѣкъ долженъ сохранять возможную самостоятельность. Добрые совѣты другихъ, по большей части непрошенные, на самомъ дѣлѣ совершенно излишни. Каждый долженъ самъ слѣдить за собой. Въ физическомъ отношеніи главное зависитъ отъ того, насколько человѣкъ умѣетъ устранять вредныя вліянія. При исполненіи нашихъ обязанностей, мы нерѣдко должны выполнять вещи, которыя для нашего здоровья совсѣмъ неблагопріятны. И человѣкъ долженъ умѣть, въ случаѣ дѣйствительной необходимости, ставить долгъ выше заботы о здоровьи. Но есть множество вещей, отъ которыхъ при желаніи можно отказаться. Ученикъ долженъ ставить долгъ во многихъ случаяхъ выше здоровья, часто даже выше жизни, но наслажденіе никогда. Для него наслажденіе должно быть лишь средствомъ для здоровья и жизни. И необходимо, чтобы въ этомъ смыслѣ отношеніе къ самому себѣ было ѣ честное и правдивое. Нѣтъ никакой пользы въ аске-

тической жизни, если побудительной причиной къ такой жизни является личное самочувствіе. Можно чувствовать къ аскетизму такую же личную склонность, какую иной испытываетъ къ употребленію вина. Подобный аскетизмъ безполезенъ для пріобрѣтенія высшихъ познаній. Многіе ссылаются на свое жизненное положеніе какъ на причину, мѣшающую имъ провести поставленныя имъ требованія. Они говорятъ: при *моихъ* жизненныхъ условіяхъ я не могу развиваться. Для многихъ можетъ быть и желательно измѣнить жизненныя условія въ цѣляхъ здоровья или изъ другихъ соображеній; для цѣлей же оккультнаго ученія этого совершенно не требуется. Для этой цѣли нужно именно въ томъ положеніи, въ которомъ человѣкъ въ данное время находится, дѣлать все возможное въ пользу своего здоровья. Каждая работа можетъ стать служеніемъ для всего человѣчества и гораздо важнѣе для человѣческой души выяснить себѣ, какъ необходима всякая, иногда даже самая непріятная работа для всего человѣчества, нежели думать: „эта работа для меня слишкомъ ничтожна, я призванъ къ иному". Особенно же важно для ученика стремленіе къ совершенному духовному здоровью. Нездоровая жизнь чувствъ и мыслей сводитъ во всякомъ случаѣ съ путей, ведущихъ къ оккультному познанію. Здѣсь ясное спокойное мышленіе, вѣрное воспріятіе и чувствованіе—основныя условія. Болѣе всего остального ученикъ долженъ подавлять въ себѣ склонность къ фантастичности, нервности, экзальтаціи и фанатизму. Онъ долженъ выработать въ себѣ здоровый взглядъ на всѣ жизненныя отношенія, увѣренно оріэнтироваться въ жизни и дозволять вещамъ спокойно говорить себѣ и на себя дѣйствовать. И онъ долженъ справедливо оцѣнивать жизнь. Все восторженное и одностороннее должно быть изгоняемо какъ изъ сужденій, такъ и изъ ощущеній. Если бы это условіе не соблюдалось, ученикъ вошелъ бы не въ высшіе міры, а въ міры своего собственнаго воображенія; и вмѣсто истины руководился бы излюбленными мнѣніями. Для оккультнаго ученика лучше быть „трезвымъ", нежели экзальтированнымъ и фантастически настроеннымъ.

Второе условіе—чувствовать себя *членомъ всеобщей жизни*. Отъ выполненія этого условія зависитъ особенно много. Но каждый можетъ выполнить его только на свой собственный ладъ. Если я—воспитатель, и мой ученикъ не отвѣчаетъ моимъ желаніямъ, то я прежде всего долженъ направить свое чувство не противъ него, а противъ себя самого и настолько почувствовать себя единымъ съ нимъ, чтобы спросить: не есть ли то, въ чемъ уче-

никъ не удовлетворяетъ меня, послѣдствіе моего собственнаго недостатка? Вмѣсто того, чтобы направлять мое чувство противъ него, я лучше подумаю, что мнѣ сдѣлать для того, чтобы въ будущемъ мой ученикъ лучше соотвѣтствовалъ моимъ требованіямъ. Благодаря такому настроенію мѣняется постепенно весь мысленный строй человѣка. Это одинаково относится какъ къ самому малому, такъ и къ самому большому. Исходя изъ такого настроенія, я смотрю, напримѣръ, на преступника совершенно иначе, чѣмъ прежде. Воздерживаюсь отъ личнаго сужденія о немъ и говорю: я совершенно такой же человѣкъ, какъ и онъ. Воспитаніе, полученное мною, возможно, и предохранило меня отъ его участи. Отсюда прихожу къ мысли, что *этотъ* братъ могъ бы быть другимъ, если бы прилагавшіе ко мнѣ свои усилія учителя приложили бы ихъ къ нему. И мнѣ выяснится тогда, что я владѣю тѣмъ, что отнято у него, что я своимъ благомъ обязанъ тому обстоятельству, что онъ этого блага лишенъ. И тогда я уже не далекъ отъ представленія, что я лишь частица, отдѣльный членъ въ цѣломъ человѣчествѣ и что я *отвѣтственъ* за все, что происходитъ. Этимъ не должно быть сказано, чтобы выраженная мысль немедленно превращалась во внѣшніе агитаторскіе поступки. Мысль эта должна тихо разрастаться въ душѣ. И тогда она постепенно перельется и во внѣшнее поведеніе человѣка. Но въ такихъ вещахъ каждый долженъ начинать преображеніе съ себя самого. Нѣтъ никакой пользы ставить людямъ общія требованія въ духѣ такихъ мыслей. Какими люди *должны* быть, это рѣшается безъ труда умозаключеніемъ; но оккультный ученикъ работаетъ въ глубинѣ, а не на поверхности. Поэтому было бы совершенно неправильнымъ, если бы высказанное здѣсь требованіе оккультнаго учителя было связано съ какимъ-либо внѣшнимъ, даже можетъ быть политическимъ требованіемъ. Политическіе агитаторы хорошо знаютъ, *чего* нужно требовать отъ другихъ людей; о требованіяхъ же, обращенныхъ къ самимъ себѣ, отъ нихъ услышишь не часто.

Съ этимъ непосредственно связано третье условіе, необходимое для эзотерическаго обученія. Ученикъ долженъ возвыситься до убѣжденія, что его мысли и чувства имѣютъ для міра столько же значенія, сколько и его дѣйствія. Необходимо признать, что ненавидѣть своего ближняго настолько же вредно, какъ и бить его. И тогда явится сознаніе, что, совершенствуясь, работаешь не для одного себя, но и для міра. Изъ моихъ чистыхъ чувствъ и мыслей міръ извлекаетъ столько же пользы, сколько и изъ моего благонравнаго поведенія. И пока я не убѣдился въ міровомъ зна-

ченіи этого моего внутренняго міра, до тѣхъ поръ я не могу быть ученикомъ оккультной школы. Тогда только я исполнюсь истинной вѣры въ значеніе моего внутренняго, моей души, когда я начну работать надъ ней такъ же, какъ если бы она была, по меньшей мѣрѣ, столько же реальна, какъ и все внѣшнее, видимое; я долженъ признавать, что мое чувство производитъ не меньшее дѣйствіе, какъ и движеніе моей руки.

Этимъ, собственно говоря, опредѣляется и четвертое условіе: увѣренность, что истинная сущность человѣка заключается не во внѣшнемъ, а во внутреннемъ. Кто себя разсматриваетъ только какъ результатъ внѣшняго міра, какъ явленіе физическаго міра, того оккультное обученіе не приведетъ ни къ чему. Чувствовать себя душевно-духовной сущностью, вотъ основа для такого обученія. Кто достигъ до такого чувства, тотъ уже способенъ различать между внутреннимъ обязательствомъ и внѣшнимъ успѣхомъ. Онъ учится познавать, что одно не можетъ измѣряться непосредственно другимъ. Ученикъ долженъ найти истинную середину между тѣмъ, что диктуютъ внѣшнія условія, и тѣмъ, что онъ признаетъ правильнымъ для своего поведенія. Онъ ничего не долженъ насильно навязывать окружающимъ, относительно чего они не имѣютъ еще должнаго пониманія, но точно такъ же онъ долженъ быть совершенно свободнымъ отъ стремленія дѣлать лишь то, что признается его окружающими. Признанія правильности или неправильности своихъ поступковъ надо искать только въ голосѣ своей очищенной, стремящейся къ познанію, души. Но изучать и понимать свое окружающее онъ долженъ изо всѣхъ силъ, чтобы разобрать, *что именно* для него полезно и пригодно. Такимъ образомъ онъ разовьетъ въ себѣ то, что въ тайномъ ученіи называется „духовными вѣхами". На одной чашкѣ вѣсовъ лежитъ „открытое сердце" для нуждъ внѣшняго міра, на другой—„внутренняя твердость и непоколебимая выдержка".

Съ этимъ мы приходимъ къ пятому условію: къ устойчивости въ преслѣдованіи однажды принятаго рѣшенія. Ничто не должно отвлекать ученика отъ принятаго рѣшенія, кромѣ увѣренности, что онъ впалъ въ ошибку. Каждое рѣшеніе есть сила и если бы сила эта и не вызвала непосредственнаго результата тамъ, куда она была направлена, все же ея дѣйствіе не пропадетъ. Результатъ имѣетъ рѣшающее значеніе тамъ, гдѣ побудительной причиной къ дѣйствію служитъ вожделѣніе. Но всѣ дѣйствія, вызванныя вожделѣніемъ, не имѣютъ значенія для высшихъ міровъ. Здѣсь поводомъ къ дѣятельности можетъ быть только *любовь.* Въ этой

любви должно вызрѣвать все, что побуждаетъ ученика къ дѣйствію. Тогда только у него хватитъ силы снова и снова приводить свое рѣшеніе въ исполненіе, сколько бы разъ его не постигала неудача. И такимъ образомъ онъ приходитъ къ тому, что удовлетворяется одними своими дѣлами, не дожидаясь ихъ *внѣшнихъ* плодовъ. Онъ учится приносить въ жертву міру свои дѣянія, и все существо свое, какъ бы міръ ни принималъ его жертвы. Къ такому самопожертвованному служенію долженъ приготовиться каждый желающій быть ученикомъ оккультной школы.

Шестое условіе—развитіе чувства *благодарности* ко всему, что случается съ человѣкомъ. Надо утвердиться въ мысли, что наше собственное бытіе есть даръ всей вселенной. Чего, чего только не требуется, чтобы обезпечить каждаго изъ насъ! Чѣмъ только мы не обязаны природѣ и остальному человѣчеству! Въ такихъ мысляхъ должны воспитывать себя всѣ, ищущіе оккультнаго ученичества. Кто не можетъ отдаться имъ, тотъ не въ состоянія развить въ себѣ ту всеобъемлющую любовь, которая необходима для достиженія высшаго познанія. *Ибо то, къ чему я прикасаюсь безъ любви, не можетъ раскрыться передо мной.* А каждое новое раскрытіе должно наполнять меня чувствомъ благодарности, ибо только при помощи такихъ раскрытій я становлюсь богаче и богаче.

Всѣ поименованныя условія должны объединиться въ седьмомъ: неукоснительно вести свою жизнь въ томъ духѣ, который требуется этими условіями. Благодаря этому ученикъ получаетъ возможность дать своей жизни отпечатокъ цѣльности и единства. Всѣ его жизненныя проявленія придутъ къ внутреннему согласію, исчезнутъ всѣ противорѣчія. Онъ начнетъ приближаться къ той внутренней тишинѣ, которая необходима съ первыхъ же шаговъ оккультнаго обученія.

Если кто-либо серьезно и честно рѣшилъ выполнить приведенныя условія, тотъ можетъ обратиться къ учителю. Послѣдній не замедлитъ дать первые совѣты. Всѣ внѣшнія формальности состоятъ только въ томъ, чтобы выяснить всю истинность этихъ условій. Но формальности эти могутъ быть сообщены лишь каждому въ отдѣльности. Такія формальности—не безъ значенія, ибо все внутреннее должно изживаться во внѣшнемъ. И точно такъ же какъ картину, существующую только въ головѣ художника, нельзя считать дѣйствительностью, такъ же и оккультное обученіе не можетъ существовать безъ внѣшняго выраженія. Только тотъ ставитъ внѣшнія формы ни во что, кто не знаетъ, что во внѣшнемъ

должно выражаться внутреннее. Правда, что суть вещей въ *духѣ*, а не въ формѣ, но какъ форма безъ духа ничтожна, такъ же и духъ оставался бы бездѣятельнымъ, если бы онъ не творилъ для себя формы. Достаточное пониманіе приведенныхъ здѣсь условій побуждаетъ ученика къ выполненію дальнѣйшихъ требованій, которыя ему долженъ поставить учитель. Если онъ не владѣетъ этими условіями, онъ будетъ передъ каждымъ новымъ требованіемъ останавливаться въ недоумѣнін. Безъ нихъ у него не будетъ совершенно необходимаго для него довѣрія къ людямъ. А на додовѣріи и истинной любви къ человѣку должно обосновываться все стремленіе къ истинѣ. Любовь же къ человѣку должна постепенно расшириться до любви ко всѣмъ существамъ, ко всему бытію. Кто не выполняетъ названныхъ условій, тотъ не можетъ имѣть совершенной любви къ всему строительству, ко всякому творчеству, и не будетъ избѣгать всякаго разрушенія и уничтожеженія, какъ таковаго. Ученикъ долженъ поступать такъ, чтобы никогда ничего не уничтожать ради уничтоженія, и не только въ дѣйствіяхъ, но и въ словахъ, въ чувствахъ и мысляхъ. Для него должно быть радостью все творческое, все возникающее, и только тогда онъ можетъ приложить руку къ уничтоженію, когда онъ въ состояніи черезъ уничтоженіе вызвать къ бытію новую жизнь. Но изъ этого совсѣмъ не слѣдуетъ, чтобы ученику рекомендовалось быть пассивнымъ свидѣтелемъ распространенія дурного; онъ только долженъ и въ дурномъ искать тѣхъ сторонъ, съ помощью которыхъ оно могло бы превратиться въ хорошее. Для него должно становиться все яснѣе, что самое вѣрное преодолѣніе дурного и несовершеннаго заключается въ творчествѣ хорошаго и совершеннаго. Ученикъ долженъ знать, что изъ ничего нельзя сотворить чего-либо, но возможно преобразовать несовершенное въ совершенное. Развивающій въ себѣ наклонность къ творчеству, овладѣваетъ въ то же время и умѣньемъ правильно относиться и ко всему дурному.

Кто идетъ въ оккультную школу, долженъ проникнуться сознаніемъ, что ея цѣль—строительство, а не разрушеніе. Поэтому воля его должна направляться на честную, самоотверженную работу, а не на критику и разрушеніе. Съ *благоговѣніемъ* надо относиться къ тому, что раскрывается передъ нашей душой. Работа и благоговѣніе—основныя черты, которыя ученикъ долженъ развивать въ себѣ. Нѣкоторымъ приходится узнавать, что они не двигаются впередъ въ оккультическомъ развитіи, хотя по ихъ мнѣнію—они и трудяться безъ отдыха; это происходитъ отъ того,

что они поняли какъ работу, такъ и благоговѣніе не въ истинномъ смыслѣ. Та работа останеться безуспѣшной, которая предпринимается самого успѣха ради, и то обученіе подвинетъ ученика наименѣе впередъ, которое совершается безъ благоговѣнія. Только любовь къ самой работѣ, а не къ ея успѣху двигаетъ впередъ. И если ученикъ ищетъ здраваго мышленія и вѣрнаго сужденія, онъ не долженъ допускать сомнѣнію и недовѣрію подкапываться подъ свое благоговѣйное уваженіе къ творческому началу. Совсѣмъ не приходишь къ рабской зависимости въ сужденіяхъ, если, при воспріятіи какого-либо сообщенія, не противопоставляешь ему прежде всего собственнаго мнѣнія, а раскрываешься самъ, чтобы съ готовностью воспринять его. Всѣ, которые достигли познанія Единаго, знаютъ, что они обязаны этимъ не своевольному личному сужденію, а спокойному воспріятію получаемаго и его переработкѣ внутри, и надо всегда имѣть въ виду, что то, что доступно для нашего личнаго обсужденія, уже не нуждается въ изученіи. Поэтому, если человѣкъ *желаетъ только* судить, онъ вообще уже не способенъ научиться новому. А въ оккультной школѣ все дѣло въ наученіи. Ученику нужно въ совершенствѣ направить свою волю на то, чтобы дѣйствительно учиться. И если ему что-либо не ясно, лучше совсѣмъ не судить о томъ, чѣмъ судить невѣрно, лучше отложить пониманіе до позднѣйшаго времени.

Чѣмъ выше становится восхожденіе по ступенямъ познанія, тѣмъ необходимѣе спокойно и благоговѣйно вслушиваться. Всякое познаніе истины, всякая жизнь и дѣятельность въ мірѣ духа, становятся на высшихъ ступеняхъ чрезвычайно утонченными и нѣжными по сравненію съ представленіями обыкновеннаго ума и проявленіями обыкновенной жизни въ физическомъ мірѣ. Чѣмъ болѣе расширяется кругъ жизни человѣка, тѣмъ утонченнѣе становятся задачи, которыя ставятся передъ нимъ. И, благодаря этому, когда вопросы относятся до высшихъ областей бытія, люди приходятъ такъ часто къ совершенно различнымъ „взглядамъ" и „точкамъ зрѣнія". Тѣмъ не менѣе и относительно высшихъ истинъ можетъ быть только одно мнѣніе, придти же къ этому *одному* мнѣнію можно только однимъ путемъ, безкорыстно работая и благоговѣйно внимая; такая работа и такое вниманіе поднимаетъ человѣка на высоту, откуда возможно дѣйствительное созерцаніе истины. Но истина не будетъ даваться тому, кто, будучи недостаточно подготовленъ, уже судитъ, руководствуясь своими излюбленными представленіями, привычными мыслями и т. д. Какъ о математической [illegible] можетъ быть только одно „мнѣніе", также и о вещахъ

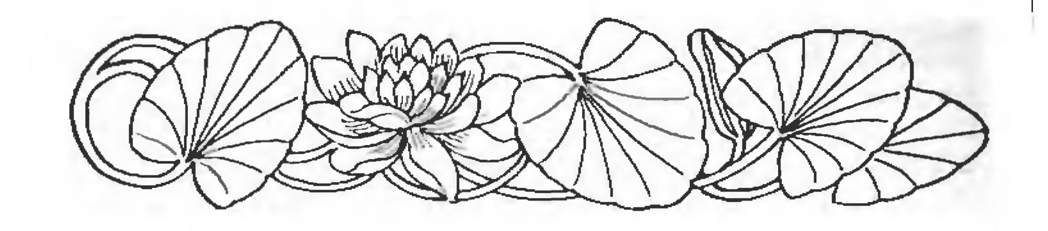
высшихъ міровъ! Но нужно предварительно подготовиться, чтобы „быть въ состояніи прійти къ такому мнѣнію“. Если вдуматься во все это, то условія, предъявляемыя оккультическими учителями, не покажутся чѣмъ то изумительнымъ. Несомнѣнно, что истина и высшая жизнь живутъ въ каждой человѣческой душѣ, и что каждый можетъ и долженъ найти ихъ самъ. Но онѣ лежатъ глубоко и могутъ лишь послѣ устраненія многихъ препятствій, быть извлечены изъ своихъ глубокихъ нѣдръ. Какъ это сдѣлать, относительно этого можетъ дать совѣтъ только человѣкъ, имѣющій опытъ въ оккультическомъ знаніи. Его можетъ дать только учитель, онъ никому не навязываетъ истины и не провозглашаетъ догматовъ, *онъ указываетъ путь.* Конечно, возможно, что черезъ многія воплощенія человѣкъ и самъ нашелъ бы этотъ путь, но несомнѣнно, что оккультическое обученіе сокращаетъ его. И благодаря этому сокращенію человѣкъ ранѣе достигаетъ до той точки эволюціи, когда онъ можетъ стать дѣятельной силой въ тѣхъ мірахъ, откуда путемъ духовной работы идетъ помощь человѣчеству, содѣйствіе его благу и его развитію.

Во всемъ сказанномъ ищущіе найдутъ указанія на то, какъ достигается опытъ въ высшихъ мірахъ. Въ дальнѣйшемъ будетъ излагаться то, что происходитъ въ высшихъ частяхъ человѣческаго существа (въ душевномъ организмѣ или астральномъ тѣлѣ и въ духѣ или въ ментальномъ тѣлѣ) во время оккультнаго развитія. Благодаря этому сообщаемое явится въ новомъ освѣщеніи и возможно станетъ болѣе глубокое проникновеніе въ его смыслъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Перев. **В. Лалетинъ.**

Исторія года.

(Окончаніе).

Глава VIII *).

Свѣтлое Воскресеніе.

„Я проникъ внутрь Чертога; я ощущаю божественныя дуновенія; я чувствую великое Присутствіе. Я знаю, что все—зелено, что почва покрыта быстрорастущими травами, которыя выростаютъ изъ подъ моихъ ногъ. Листья и зеленыя вѣтви покрываютъ всѣ стѣны. Я не вижу цвѣтовъ. Зеленый полъ кажется необъятнымъ, какъ поверхность самого міра. Я вижу безчисленныя религіозныя процессіи священниковъ, движущіяся по всѣмъ направленіямъ въ облаченіяхъ всѣхъ религій, какія только существуютъ на землѣ. Всѣ безъ исключенія поютъ пасхальные гимны. Я знаю, что это—духъ всѣхъ, совершающихъ въ этотъ день богослуженіе съ вѣрою и правдой, всѣхъ, чувствующихъ все значеніе этого священнаго часа. А толпы закрытыхъ покрывалами тѣней, наполняющія все широкое пространство, это все—молящіеся въ церквахъ и внѣ церквей, поклоняющіеся въ духѣ и истинѣ, всѣ начинающіе проникать въ смыслъ своего поклоненія. Все представляется мнѣ смутно, какъ бы сквозь мглу, и это вызываетъ смятеніе, но я знаю, что если бы я могъ видѣть яснѣе, я утерялъ бы всякое пониманіе матеріальной жизни. Мой духъ недостаточно силенъ, чтобы вынести раскрывающееся передъ моей душой, ибо тотъ Чертогъ, который для смутнаго моего зрѣнія казался измѣ-

---

*) См. „Вѣстникъ Теософіи" № 7—8, стр. 65.

римаго объема, въ дѣйствительности не что иное, какъ Всемірный храмъ. Это становится несомнѣннымъ для каждаго проникшаго въ него въ этотъ день.

„Кто-то держитъ меня за руку и ведетъ впередъ; безъ этой помощи было бы трудно стоять и почти невозможно двигаться. Тотъ, кто меня ведетъ, объясняетъ, что всѣ души, обладающія силою любви и истиннаго поклоненія, проходятъ черезъ это мѣсто, которое въ дѣйствительности не мѣсто, а состояніе души. Весьма немногіе достигаютъ до него сознательно, пока живутъ еще въ тѣлѣ, но цѣлыя миріады вступаютъ въ него съ наброшеннымъ покрываломъ, сознающіе лишь въ святая святыхъ души своей. Всѣ они находятся еще въ состояніи зародыша, нуждающагося—подобно яйцу—въ теплѣ и свѣтѣ, что на языкѣ оккультизма означаетъ *знаніе и любовь*, которыя необходимы для развитія скрытой въ нихъ жизни, и жизнь эта не должна сбрасывать съ себя до времени охраняющій ее покровъ, подобно физическому зародышу, который не могъ бы развиваться безъ защищающей скорлупы яйца.

„Отсюда, изъ Чертога Обученія, который есть дѣйствительное мѣстопребываніе для ясновидца, а для духа является состояніемъ или условіемъ бытія, исходятъ всѣ откровенія, все, что дается намъ свыше вдохновенными Учителями. Здѣсь Учителя ожидаютъ своихъ учениковъ, готовые дать имъ обильную духовную пищу. Совершенное знаніе, т. е. знаніе, которое собирается путемъ наблюденія и примѣненія всѣхъ способностей, какъ и всякое зрѣлое знаніе на землѣ, приходитъ къ ученику лишь тогда, когда охраняющая скорлупа разбита, покровъ, скрывавшій духъ, сброшенъ, и божественный человѣкъ стоитъ выпрямившись во весь ростъ; когда такая свобода достигнута вполнѣ, душа покидаетъ свою могилу, и земля уже не имѣетъ силы надъ ней".

Это событіе и празднуется въ Пасхальную Ночь. И для тѣхъ, которые способны поклоняться съ проникновеннымъ знаніемъ и занять свое мѣсто въ Чертогѣ сознательно въ то время, какъ жизнь въ тѣлѣ еще продолжается и земная дѣятельность еще не прервана, для тѣхъ дѣлаются доступными невыразимыя небесныя радости. Они узнаютъ, какъ надо любить и страдать, какъ нужно отдавать и преклоняться. Таковы уроки, которые проходятся внутри этихъ стѣнъ, построенныхъ изъ самой субстанціи божественной Мысли. Внутри этихъ стѣнъ невозможно ни единое рѣзкое дуновеніе; носящійся тамъ духъ любви всѣмъ управляетъ и охраняетъ все.

Въ тотъ часъ, когда пасхальныя богослуженія прекращаются, когда каменные храмы умолкаютъ и толпы молящихся расходятся, каждый въ свое уединеніе, лишь тогда начинается настоящая церемонія. Но передать ее словомъ нельзя.

Въ ней—экстазъ всего года, часъ пробужденія души, когда человѣкъ познаетъ мистерію любви во всей ея полнотѣ. Всѣ входящіе ученики становятся въ ряды какъ братья; всѣ, кто научился любить другъ друга, стоя плечомъ къ плечу, въ тѣсномъ общеніи. И безконечный духъ любви проносится по рядамъ этого радующагося воинства подобно озаряющему свѣту, и въ то же время это—нѣчто незыблемое и вѣчное.

Прошедшіе когда-либо черезъ эту церемонію не могутъ уже ни ранить, ни убивать, ни причинять страданія; и съ каждымъ разомъ, какъ они снова проходятъ черезъ нее, и все глубже и глубже проникаютъ въ ея свѣтлыя глубины, они выростаютъ въ силѣ и становятся все болѣе жизненными и непреодолимыми силами въ мірѣ, ибо съ каждымъ достигнутымъ успѣхомъ они все болѣе пріобщаются къ той силѣ, которая составляетъ принадлежность всего Бѣлаго Братства.

Въ глубокомъ тайникѣ души пребываетъ темнота. Тамъ нѣтъ познанія внѣшнихъ вещей и явленій земной жизни.

Въ этомъ мѣстѣ темноты бьетъ живой источникъ любви и вѣчной жизни, что́ одно и то же.

Если испить изъ этого источника и омыться его водой, ни о чемъ не вопрошая, лишь приникнувъ къ его струямъ, тогда утолится на вѣкъ и жажда познанія, и тоска по неугасающему свѣту.

И воды источника устремятся съ такой силой, что душа возжаждетъ подѣлиться съ другими, и, когда она будетъ поить жаждущихъ, изъ глубины ея поднимется такая радость, которая утишитъ на вѣкъ всю ея жажду, казавшуюся столь безмѣрной и неутолимой.

И тогда совершится чудо Воскресенія, и расцвѣтаніе жизни возникнетъ внутри души и властію этого расцвѣтанія все кругомъ покроется новою зеленью и радость новой жизни внесется въ міръ.

И тогда ты самъ начнешь творить чудеса, и не будетъ у тебя болѣе времени, чтобы останавливаться въ изумленіи передъ тѣмъ, *какъ* они творятся внѣ тебя.

Въ великой школѣ любви, прежде чѣмъ переступается ея порогъ, у самаго входа необходимо произнести обѣтъ. Вотъ слова, которыя должны сложиться въ сердцѣ твоемъ:

„Я буду любить“.

Ты болѣе не желаешь любви, ты не требуешь и не ищешь любви. Ты ее даешь.

Пока этотъ обѣтъ не произнесенъ съ полною искренностью, вступленіе невозможно. Когда же онъ произнесенъ, ты войдешь, можетъ быть сознательно, но можетъ быть и безсознательно, сообразно своимъ духовнымъ дарамъ, и съ этого часа ты становишься „ученикомъ" и начинаешь непрестанно вырастать въ красотѣ и силѣ.

Сладостная острота жизни въ этой атмосферѣ любви и могущества невообразима для тѣхъ, до кого не доносилось еще дуновеніе ея свѣжей нѣжности. Вкусить ее во всей полнотѣ, означаетъ воистину воскреснуть въ новую жизнь.

Д.

Перев. Е. П.

КОНЕЦЪ.

МЫСЛИ ЛЬВА ТОЛСТОГО.

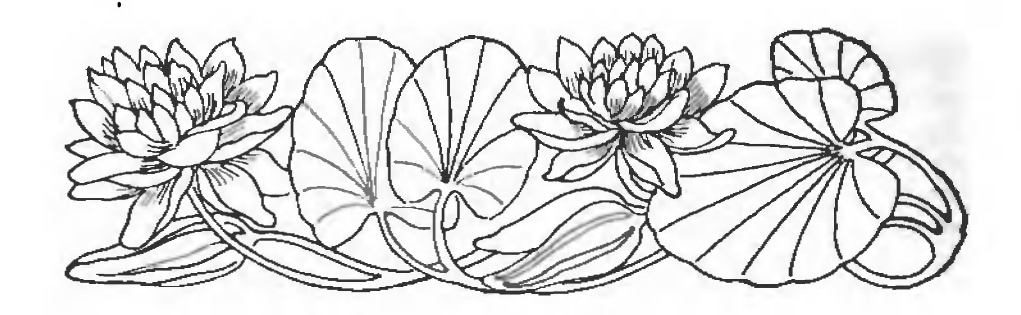
Мы не знаемъ Бога, но все, что мы знаемъ о мірѣ, мы знаемъ потому, что знаемъ Бога.

Въ той мѣрѣ, въ которой человѣкъ исполняетъ законъ Бога, въ той мѣрѣ онъ и знаетъ Его. И потому, у человѣка, приближающагося къ Богу, понятіе о Немъ постоянно измѣняется.

Любовь къ Богу, есть любовь къ совершенству. Любовь къ совершенству вызываетъ стремленіе къ нему. Стремленіе къ совершенству есть сущность жизни. И потому жизнь человѣка всегда есть сознательная или безсознательная любовь къ Богу.

Любовь къ Богу значитъ любовь къ добру.

Любовь къ ближнему безъ любви къ Богу есть растеніе безъ корней.

Воспитаніе ребенка
съ эзотерической точки зрѣнія.

Современная жизнь переоцѣниваетъ многое изъ того, что человѣкъ получилъ отъ своихъ предковъ. Поэтому она такъ богата „современными вопросами“ и „современными требованіями“.

Какихъ только вопросовъ нѣтъ теперь: соціальный, женскій, вопросы воспитанія и школы, права, гигіены и т. д. и т. д.

Самыми разнообразными способами стараются подойти и рѣшить эти вопросы. Безконечное множество людей является съ тѣмъ или инымъ рецептомъ для „рѣшенія“, или хотя бы для содѣйствія рѣшенію одного изъ этихъ вопросовъ.

При этомъ оказываются всевозможные оттѣнки построенія: и радикализмъ съ его революціонными пріемами, и умѣренное направленіе, которое, относясь съ уваженіемъ къ существующему, изъ него же стремится развить новое, и консерватизмъ, переходящій немедленно въ возбужденіе, какъ только коснутся чего либо изъ старыхъ учрежденій или традицій, и среди этихъ главныхъ направленій выступаютъ и всевозможныя переходныя ступени. Кто способенъ заглянуть въ жизнь поглубже, тотъ, навѣрное, замѣтитъ ту особенность нашего времени, что она ставитъ требованія людямъ, для выполненія которыхъ не имѣется наличныхъ средствъ. Такъ, многіе желали бы переустроить жизнь, не зная въ то же время самыхъ основъ жизни.

Кто предлагаетъ проектъ для устройства будущаго, тотъ не долженъ довольствоваться поверхностью явленій, онъ долженъ

изслѣдовать ихъ глубже. Вся совокупность жизни подобна растенію, которое не только содержитъ въ себѣ видимое глазу, но и таитъ въ своихъ сокровенныхъ глубинахъ зачатки будущаго состоянія. Если передъ нами растеніе, покрытое одними листьями, мы хорошо знаемъ, что черезъ нѣкоторое время на немъ покажется цвѣтъ, а затѣмъ и ягоды, которые уже имѣются въ растеніи, но только въ зачаточномъ состояніи.

Но что бы могъ сказать о цвѣтахъ и плодахъ человѣкъ, который захотѣлъ бы ограничиться, изучая растеніе, лишь тѣмъ, что оно являетъ собою его глазу въ данную минуту?

Необходимо быть знакомымъ съ сущностью растенія, чтобы знать всѣ его состоянія. Точно такъ же и человѣческая жизнь таитъ въ себѣ зачатки своего будущаго. Но, чтобы предвидѣть это будущее, нужно проникнуть въ сокровенныя свойства человѣка. Наше же время занято только тѣмъ, что лежитъ на поверхности, и, какъ бы боясь впасть въ ошибку, оно не стремится проникнуть далѣе области внѣшнихъ наблюденій. Съ растеніемъ дѣло, конечно, гораздо проще. Человѣкъ знаетъ, что оно уже неоднократно приносило цвѣтъ и плоды. Человѣческая жизнь бываетъ только одинъ разъ, и цвѣты, которые она принесетъ современемъ, еще не распускались. Тѣмъ не менѣе, они въ скрытомъ видѣ существуютъ въ человѣкѣ, точно такъ же, какъ цвѣтокъ въ растеніи, покрытомъ пока только одними листьями. И о будущемъ человѣка можно говорить только тогда съ увѣренностью, когда знаешь самую суть человѣческой природы. Различные современные проекты реформъ могутъ оказаться дѣйствительно благотворными лишь въ томъ случаѣ, если они исходятъ изъ подобнаго глубокаго изслѣдованія человѣческой жизни.

Задачу дать всеобъемлющее міросозерцаніе, приложимое къ жизни, должна, по самой своей сущности, взять на себя Теософія. Я говорю объ истинной Теософіи, которая не должна быть отвлеченной теоріей, отвѣчающей лишь на запросы любознательности, и не должна быть также средствомъ развитія для отдѣльныхъ лицъ, желающихъ для однихъ себя высшихъ ступеней развитія. Она можетъ и должна помочь рѣшенію важнѣйшихъ задачъ современнаго человѣчества и направить его развитіе для его же блага.

Взявъ на себя эту миссію, Теософія должна будетъ считаться со многими нападками и сомнѣніями. Ей придется сталкиваться съ радикалами, умѣренными и консерваторами во всѣхъ областяхъ жизни и не удовлетворить ни одну изъ партій, такъ какъ ея

предвидѣнія переступаютъ далеко за предѣлы всякой партійной борьбы. Предвидѣнія ея коренятся въ истинномъ познаніи сути жизни. Кто позналъ жизнь, тотъ не можетъ ставить себѣ задачъ иначе, какъ по ея же указаніямъ. Онъ не можетъ создавать программы по произволу, такъ какъ знаетъ, что и будущее будетъ управляться тѣми же основными законами жизни, которые дѣйствуютъ и въ настоящемъ. Теософія поэтому не можетъ не уважать настоящее. Сколько бы она ни находила въ немъ недостатковъ, требующихъ улучшенія, все же она не можетъ не видѣть въ немъ *зачатка будущаго*. Но она рядомъ съ этимъ знаетъ, что все существующее подлежитъ росту и развитію. Она не изобрѣтаетъ программъ, а читаетъ книгу жизни, и то, что она узнаетъ изъ этой книги, становится въ извѣстномъ смыслѣ неизбѣжно программой, такъ какъ несетъ въ себѣ начало развитія.

Потому то теософическое углубленіе въ сущность человѣка и способно дать самыя плодотворныя и наиболѣе практическія средства при рѣшеніи важнѣйшихъ жизненныхъ вопросовъ настоящаго. Мы укажемъ это здѣсь же на вопросѣ воспитанія. Здѣсь мы не будемъ предъявлять требованія и ставить программы, а дадимъ простое описаніе дѣтской природы. Изъ сущности развивающагося человѣка само собой выяснится правильная постановка вопросовъ воспитанія. Для того чтобы познать сущность развивающагося человѣка, необходимо начать съ общаго изслѣдованія его сокровенныхъ свойствъ. То внѣшнее, что въ человѣкѣ познается органами чувствъ, и что матеріалистическое міросозерцаніе считаетъ его единственною сущностью, составляетъ для духовнаго изслѣдованія только часть, одинъ членъ человѣческой природы; этотъ членъ, именуемый физическимъ тѣломъ, подлежитъ законамъ физической жизни и состоитъ изъ тѣхъ же законовъ и силъ, изъ какихъ образуется весь остальной, такъ называемый неорганическій, міръ. Теософія поэтому говоритъ: человѣкъ имѣетъ общее со всѣмъ минеральнымъ міромъ физическое тѣло, и подъ физическимъ тѣломъ она разумѣетъ только то, что приводитъ къ смѣшенію и соединенію, къ построенію и растворенію, по тѣмъ же законамъ и тѣ же вещества, какія дѣйствуютъ и въ минеральномъ мірѣ.

И кромѣ этого физическаго тѣла Теософія признаетъ въ человѣкѣ вторую сущность: жизненное или эфирное тѣло. Пусть физикъ не смущается этимъ названіемъ, такъ какъ „эфиръ" обозначаетъ въ данномъ случаѣ нѣчто совершенно иное, чѣмъ гипотетическій эфиръ физики. Далѣе это выяснится.

Еще очень недавно говорить о такомъ „эфирномъ тѣлѣ" считалось въ высшей степени ненаучнымъ. Но въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка вопросъ этотъ не считался „ненаучнымъ". Тогда разсуждали такъ: вещества и силы, дѣйствующія въ минералѣ, не могутъ сами по себѣ перейти въ живое существо. Для этого нужна еще особая „сила", которую называютъ жизненной силой. Представляли себѣ, что въ растеніи, въ животномъ и въ человѣкѣ дѣйствіе этой силы и вызываетъ жизненныя явленія въ родѣ того, какъ магнетическія силы въ магнитѣ вызываютъ притяженіе.

Въ послѣдовавшее затѣмъ время матеріализма представленіе это было оставлено. Тогда стали учить, что живое существо строитъ себя точно такъ же, какъ и неорганическое, что силы въ живомъ организмѣ и въ камнѣ однѣ и тѣ же, только въ организмѣ онѣ создаютъ болѣе сложное построеніе. Но въ настоящее время только самые закоренѣлые матеріалисты отрицаютъ „жизненную силу". Цѣлый рядъ натуралистовъ доведенъ фактами до убѣжденія, что приходится все же признать нѣчто въ родѣ жизненной силы или жизненнаго принципа.

Такимъ образомъ новѣйшія научныя изслѣдованія подходятъ къ тому, что Теософія утверждаетъ относительно эфирнаго тѣла, но между утвержденіемъ Теософіи и науки остается и значительное различіе. Современная наука дошла путемъ фактовъ, воспринятыхъ чувствами и взвѣшенныхъ разумомъ, до признанія нѣкотораго рода жизненныхъ силъ. Но не этимъ путемъ идетъ истинно духовное изслѣдованіе, изъ котораго черпаетъ Теософія. Современная наука принимаетъ за основу всякаго знанія чувственный опытъ, и все то, что не можетъ пройти черезъ воспріятіе физическихъ чувствъ—она считаетъ непознаваемымъ. Для теософа такое воззрѣніе похоже на мнѣніе слѣпца, который соглашается признавать лишь то, что можно ощупать, и то, что истекаетъ изъ этого способа изслѣдованія, и отвергаетъ всѣ утвержденія зрячихъ какъ нѣчто выходящее изъ предѣловъ человѣческаго познаванія. Теософія исходитъ какъ разъ изъ противоположнаго положенія: она указываетъ, что человѣкъ, какъ воспринимающій аппаратъ, способенъ къ эволюціи, и что, развивая въ себѣ новые органы, онъ въ то же время открываетъ для себя новые міры. Какъ слѣпого окружаютъ свѣтъ и краски, и онъ не видитъ ихъ только за неимѣніемъ органа зрѣнія, такъ же, говоритъ Теософія, и человѣкъ окруженъ многими мірами, которые онъ можетъ увидать только тогда, когда разовьетъ необходимые органы воспріятія.

Какъ для слѣпого послѣ операціи открывается цѣлый новый міръ, такъ же для человѣка съ развитіемъ высшихъ органовъ могутъ открыться новые міры помимо тѣхъ, которые постигаются физическими чувствами. Но насколько операція для слѣпого возможна,—это зависитъ отъ устройства его органовъ зрѣнія, тогда какъ высшіе органы, посредствомъ которыхъ человѣкъ можетъ проникать въ высшіе міры, находятся въ зачаткѣ у каждаго. Каждый можетъ развить ихъ въ себѣ, у кого достанетъ терпѣнія, настойчивости и энергіи примѣнять къ себѣ методы, описанные въ статьяхъ: „Какъ достигается познаваніе высшихъ міровъ".

Теософія не признаетъ постоянными тѣ границы познаванія, которыя ставятся человѣческой организаціей; она указываетъ на способы расширить эти границы. Такъ же она относится и къ изслѣдованію эфирнаго тѣла и всѣхъ высшихъ органовъ человѣческой природы, о которыхъ рѣчь будетъ впереди.

Она не отрицаетъ, что изслѣдованію внѣшнихъ чувствъ доступно только одно физическое тѣло, но въ то же время она утверждаетъ, что можно развить въ себѣ новые органы воспріятія, благодаря которымъ невидимая глазу организація человѣка предстаетъ передъ нами такъ же, какъ свѣтъ и краски передъ оперированнымъ слѣпцомъ. Для тѣхъ, у кого развиты высшіе органы воспріятія, эфирное тѣло является объектомъ наблюденія, а не разсужденія или умозаключенія.

Эфирное или „жизненное" тѣло имѣется какъ у человѣка, такъ и у растеній, и у животныхъ. Оно заставляетъ вещества и силы физическаго тѣла проявляться въ явленіяхъ роста, размноженія, движенія соковъ и т. п. Оно есть, слѣдовательно, строитель и создатель физическаго тѣла—его архитекторъ и въ то же время его жилецъ. Физическое тѣло можно поэтому назвать отпечаткомъ или выраженьемъ эфирнаго тѣла. Относительно формы и величины оба тѣла только приблизительно совпадаютъ, но они не идентичны. У животныхъ и еще болѣе у растеній эфирное тѣло значительно отличается величиной и формой отъ физическаго.

Третій членъ человѣческой сущности есть такъ-называемое астральное тѣло или тѣло чувствованій. Оно—носитель горя и радостей, стремленій, желаній, страстей и т. п. Существа, состоящія только изъ физическаго и эфирнаго тѣла, лишены способности чувствованій. Растеніе не чувствуетъ. Нѣкоторые ученые выводятъ изъ того факта, что иныя растенія на извѣстное раздраженіе отвѣчаютъ движеньемъ или иными способами, невѣрное заклю-

ченіе, будто растенія способны до нѣкоторой степени чувствовать; но это недоразумѣніе, и оно коренится въ невѣрномъ пониманіи сущности чувствованія. Дѣло вовсе не въ томъ, чтобы то или другое существо отвѣчало на внѣшнее раздраженіе, а въ томъ, чтобы это раздраженіе отражалось внутреннимъ процессомъ радости, страданія, стремленія, желанія и т. д. Если бы это было иначе, пришлось бы допустить, что и голубая лакмусовая бумага получаетъ отъ нѣкоторыхъ веществъ опредѣленныя ощущенія—она вѣдь краснѣетъ отъ ихъ прикосновенія.

Тѣло чувствованія (астральное тѣло) человѣкъ имѣетъ сообща только съ животнымъ міромъ. Его можно назвать носителемъ міра всѣхъ чувствованій.

Не надо впадать въ ошибку, представляя себѣ эфирное и астральное тѣла организованными лишь изъ болѣе тонкихъ веществъ, чѣмъ физическое тѣло; это значило бы матерьялизировать высшіе члены человѣческой природы. Эфирное тѣло есть образованіе силы; оно состоитъ изъ дѣйствующихъ силъ, а не изъ матеріи; астральное же тѣло есть образованіе, состоящее изъ подвижныхъ, красочныхъ, блестящихъ образовъ.

Астральное тѣло величиной и формой не похоже на физическое. У человѣка оно имѣетъ видъ продолговатаго яйца, въ которое заключено физическое и эфирное тѣла. Оно выдвигается изъ обоихъ въ видѣ свѣтового сіянія.

Затѣмъ есть у человѣка и четвертый членъ его сущности, котораго нѣтъ ни у одного земного существа. Это—носитель человѣческаго „Я“. Слово „Я“ есть имя, отличающееся отъ всѣхъ остальныхъ именъ. Каждое другое имя можетъ безразлично прилагаться ко всѣмъ соотвѣтствующимъ предметамъ. Столъ можетъ каждый назвать „столомъ“, стулъ каждый назвать „стуломъ“. Не то съ словомъ „я“. Названіе „я“ никто не можетъ употребить для обозначенія другого, каждый можетъ только самъ себя называть „я“. Никогда мое имя „я“ не можетъ прозвучать внѣ меня. Существо, способное сказать себѣ „я“, представляетъ цѣлый міръ для себя самого. Религіи, построенныя на Теософіи, всегда это чувствовали, и признавали, что вмѣстѣ съ „я“ начинается проявленіе „Бога“ внутри человѣка, тогда какъ для низшихъ существъ Онъ проявляется только извнѣ, въ явленіяхъ окружающей среды. Носителя этой способности мы называемъ „Я—тѣло“, это четвертый членъ человѣческой сущности.

Это „я-тѣло“ и есть носитель безсмертной человѣческой души. Она-то и дѣлаетъ человѣка вѣнцомъ творенія. Но „я“

современнаго человѣка представляетъ собою не простую сущность.

Природа этой сущности лучше всего узнается при сравненіи людей различныхъ степеней развитія. Возьмемъ дикаря и средняго развитія европейца, а этого послѣдняго сравнимъ съ высокимъ идеалистомъ. Всѣ они способны называть себя "я"; „я-тѣло" имѣется у всѣхъ троихъ. Но „я" неразвитаго дикаря подчиняется страстямъ, желаньямъ и стремленьямъ почти такъ же, какъ и у животнаго. Болѣе развитой человѣкъ уже разбирается въ своихъ наклонностяхъ и одни допускаетъ въ себѣ, а другія сдерживаетъ или даже совсѣмъ подавляетъ. Идеалисты же, въ добавленіе къ первичнымъ наклонностямъ и страстямъ, развили въ себѣ еще и высшія. Произошло это потому, что „я" человѣка работало надъ его другими тѣлами. Въ этомъ и заключается задача „я", чтобы работать надъ другими частями человѣческой сущности, облагораживать и очищать ихъ.

Такимъ образомъ у человѣка, который уже вышелъ изъ состоянія, сложившагося подъ воздѣйствіемъ внѣшняго міра, вліяніе его „я" до нѣкоторой степени уже измѣнило его низшія тѣла. Въ той стадіи, когда человѣкъ только еще начинаетъ возвышаться надъ животнымъ, когда его „я" проявляется лишь короткими проблесками, низшія его тѣла еще сходны съ животными. Его эфирное тѣло является носителемъ только однихъ жизнеобразующихъ силъ, роста и размноженія. Его астральное тѣло выражаетъ только тѣ желанія, потребности и страсти, которыя возбуждаются въ немъ внѣшнимъ міромъ. Въ то время, когда человѣкъ съ этой ступени развитія—путемъ послѣдовательныхъ воплощеній—поднимается на высшія ступени, его „я" занято переработкой его низшихъ тѣлъ.

Такимъ образомъ астральное тѣло становится проводникомъ болѣе чистыхъ удовольствій и неудовольствій, болѣе утонченныхъ желаній и стремленій. Въ то же время преображается и эфирное тѣло. Оно становится хранителемъ привычекъ, устойчивыхъ наклонностей, темперамента и памяти. Человѣкъ, „я" котораго не работало надъ его эфирнымъ тѣломъ, не сохраняетъ воспоминаній о пережитомъ. Онъ живетъ одними велѣньями природы.

Вся культурная эволюція сводится для человѣка къ этой работѣ его „я" надъ его низшими тѣлами, включая сюда и физическое тѣло. Подъ воздѣйствіемъ „я" измѣняется физіономія человѣка, мѣняются его жесты и движенія и все выраженіе его физическаго тѣла.

Можно также различать, какъ различныя культурныя и воспитательныя средства способны дѣйствовать на отдѣльныя тѣла или проводники человѣческой сущности. Обыкновенныя культурныя воздѣйствія вліяютъ на астральное тѣло; они вызываютъ въ немъ новые виды радостей, горестей, желаній, стремленій и т. д. Углубленіе въ міръ искусства дѣйствуетъ на эфирное тѣло. Заимствуя изъ художественныхъ произведеній предвидѣніе болѣе высокаго, болѣе благороднаго, чѣмъ окружающій его внѣшній міръ, человѣкъ тѣмъ самымъ преобразуетъ свое эфирное тѣло. Могучимъ средствомъ для очищенія и облагораживанія эфирнаго тѣла является религія. Вотъ почему религіозные импульсы имѣютъ такое великое значеніе для развитія человѣчества.

То, что называется совѣстью, не что иное, какъ результатъ работы „я" надъ эфирнымъ тѣломъ на протяженіи цѣлаго ряда перевоплощеній. Когда человѣкъ сознаетъ, что не долженъ дѣлать того или другого, и когда это сознаніе настолько сильно и глубоко, что отпечатлѣвается и въ эфирномъ его тѣлѣ, тогда возникаетъ совѣсть.

Эта работа сознательнаго „я" надъ низшими тѣлами можетъ быть или общей для всего человѣчества, или же совершенно индивидуальной работой единичнаго *я* надъ самимъ собою. Надъ преобразованьемъ перваго рода работаетъ до извѣстной степени все человѣчество; индивидуальная же работа основана исключительно на собственной дѣятельности нашего *я*.

Если „я" сдѣлается настолько сильнымъ, что въ состояніи собственными силами переработать астральное тѣло, тогда то, что получается изъ такого переработаннаго посредствомъ *я* астральнаго тѣла, получаетъ названіе разума—Manas. Это преобразованіе основывается главнымъ образомъ на просвѣтлѣніи, на обогащеніи внутренняго человѣка высшими идеями и воззрѣніями. Но наше „я" способно къ еще болѣе высокой работѣ надъ нашей сущностью. Это бываетъ тогда, когда не только обогащается астральное тѣло, но преобразуется и эфирное тѣло. Человѣкъ научается многому въ жизни; онъ способенъ чрезвычайно обогатить свое сознаніе, но въ гораздо меньшей степени способенъ онъ вліять на измѣненіе своего темперамента и характера, на улучшеніе или ухудшеніе своей памяти въ теченіе земной жизни. Обученіе касается астральнаго тѣла; но темпераментъ, характеръ и память относятся къ эфирному тѣлу. На этомъ основано удачное сравненіе тѣхъ измѣненій, которыя касаются астральнаго тѣла, съ движеніемъ минутной стрѣлки часовъ, а преобразованія эфирнаго тѣла,

съ движеніемъ часовой стрѣлки. Когда человѣкъ подходитъ къ высшему, такъ-называемому тайному обученію, чрезвычайно важно, чтобы это преобразованіе эфирнаго тѣла исходило изъ самостоятельно вызванной къ жизни силы его собственнаго „я“. Онъ долженъ совершенно сознательно и самостоятельно работать надъ измѣненіемъ своихъ привычекъ, темперамента, характера, памяти и т. д. По мѣрѣ того, какъ онъ такъ работаетъ надъ эфирнымъ тѣломъ, онъ преобразуетъ его въ Духовность, по восточному выраженію въ Budhi.

На еще болѣе высокой ступени человѣкъ достигаетъ того, что можетъ дѣйствовать преобразующимъ образомъ и на свое физическое тѣло (напримѣръ измѣнять кровообращеніе, пульсъ). Эта дѣятельность человѣка относится къ самой высокой его сути, называемой на Востокѣ Atma.

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что у человѣка можно различать четыре члена его сущности: физическое тѣло, эфирное, астральное и „я—тѣло“. *Душа ощущеній, душа разума,* душа самосознанія и еще болѣе высокая духовная тріада: Atma, Budhi, Manas. Когда рѣчь идетъ о носителяхъ или проводникахъ человѣческихъ свойствъ, всегда имѣются въ виду эти четыре члена сложной человѣческой организаціи.

Воспитателю приходится постоянно работать надъ этими четырьмя частями человѣческой сущности. Но для того, чтобы работать успѣшно, необходимо изслѣдовать природу этихъ четырехъ частей. Но никакимъ образомъ не надо представлять себѣ, что эти части развивались въ человѣкѣ одновременно. Наоборотъ, развитіе ихъ совершается въ различныхъ возрастахъ различнымъ образомъ. И только на твердомъ знаніи этихъ законовъ развитія человѣческой природы можетъ опираться истинная основа воспитанія, а также и обученія.

До физическаго рожденія зачатокъ окруженъ постороннимъ физическимъ тѣломъ. Онъ не приходитъ въ непосредственное соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ. Физическое тѣло матери окружаетъ его со всѣхъ сторонъ и вліяетъ на него. Физическое рожденіе въ томъ и состоитъ, что человѣкъ освобождается изъ физической оболочки матери и приходитъ въ непосредственное соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ; его чувства раскрываются для этого міра, и послѣдній начинаетъ вліять на человѣка такъ, какъ раньше вліяли на него оболочки матери.

Съ точки зрѣнія духовной науки, которой держится Теософія, рождается въ моментъ отдѣленія отъ матери только физическое

тѣло, но не эфирное. Подобно тому, какъ человѣкъ до минуты своего рожденія былъ окруженъ физической оболочкой матери, до періода перемѣны зубовъ, слѣдовательно приблизительно до 7-ми-лѣтняго возраста, онъ такимъ же образомъ окруженъ эфирной и астральной оболочками. Только въ періодъ перемѣны зубовъ эфирное тѣло освобождается отъ эфирной оболочки; тогда остается одна лишь астральная оболочка, которая и окружаетъ собою астральное тѣло до наступленія половой зрѣлости. Съ наступленіемъ половой зрѣлости такимъ же образомъ освобождается и астральное тѣло, какъ физическое при рожденіи и эфирное при перемѣнѣ зубовъ.

Такимъ образомъ Теософія должна говорить о трехъ рожденіяхъ человѣка. До перемѣны зубовъ впечатлѣнія, которыя по своимъ свойствамъ должны бы дѣйствовать на эфирное тѣло, такъ же мало достигаютъ до него, какъ воздухъ и свѣтъ физическаго міра вліяли на физическое тѣло, пока оно находилось въ лонѣ матери.

До перемѣны зубовъ эфирное тѣло не можетъ работать свободно; какъ въ лонѣ матери физическое тѣло получаетъ силы, которыя собственно не его, и въ то же время развиваетъ постепенно свои собственныя подъ защитой материнской оболочки, то же бываетъ и съ силами роста до перемѣны зубовъ. Эфирное тѣло вырабатываетъ въ это время свои собственныя силы въ соединеніи съ чужими, унаслѣдованными. Ко времени освобожденія эфирнаго тѣла, физическое тѣло стало уже самостоятельнымъ. Освобождающееся эфирное тѣло вырабатываетъ то, въ чемъ нуждается физическое; конечнымъ результатомъ этой работы являются собственные зубы, замѣняющіе полученныя по наслѣдству.

Съ этого момента эфирное тѣло самостоятельно работаетъ надъ ростомъ человѣка, но оно все еще находится подъ вліяніемъ облекающаго его астральнаго тѣла. Въ моментъ же, когда астральное тѣло освобождается, для эфирнаго оканчивается періодъ развитія. Этотъ законченный періодъ выражается въ половой зрѣлости. Половые органы становятся самостоятельными, потому что освободившееся отъ астральной оболочки астральное тѣло вступаетъ въ непосредственное соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ.

Подобно тому, какъ еще нерожденое дитя нельзя подвергать вліянію внѣшняго міра, такъ же нельзя допускать до семилѣтняго возраста воздѣйствія на эфирное тѣло такихъ силъ, которыя такъ же дѣйствуютъ на него, какъ физическія впечатлѣнія могли бы дѣйствовать на тѣло еще нерожденнаго младенца. И на астраль-

ное тѣло соотвѣтствующія воздѣйствія слѣдовало бы допускать только съ момента половой зрѣлости. Не общія фразы въ родѣ „гармоиическое развитіе всѣхъ силъ и способностей“ и тому подобныя могутъ служить основой истиннаго воспитанія, а только лишь дѣйствительное знакомство съ человѣческой природой. Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы вышеприведенныя фразы были невѣрны; но съ ними можно достигнуть такъ же мало, какъ если бы кто стоялъ передъ машиной и увѣрялъ, что надо привести всѣ ея части въ гармоничную дѣятельность. Только тотъ можетъ дѣйствительно управлять машиной, кто берется за нее не съ общими фразами, а съ истиннымъ знаніемъ всѣхъ ея составныхъ частей. Такъ и въ искусствѣ воспитанія требуется знаніе всѣхъ частей человѣческой сущности, и какимъ образомъ каждая изъ нихъ развивается въ отдѣльиости. Необходимо знать, на какую часть человѣческой сущности надо дѣйствовать въ томъ или другомъ возрастѣ, и какъ сдѣлать это дѣйствіе цѣлесообразнымъ.

Но не подлежитъ сомнѣнію, что истинно реалистическое искусство воспитанія, какое указаио здѣсь, можетъ лишь крайне медленно проложить себѣ дорогу. Причина тому—современное міровоззрѣніе, которое еще долго будетъ считать факты духовнаго міра плодомъ безумной фантазіи, тогда какъ свои, совсѣмъ недѣйствительные выводы, принимать за результатъ трезваго, реальнаго міровоззрѣнія.

Итакъ, съ момента физическаго рожденія человѣческое тѣло подвергается физическому воздѣйствію окружающаго его внѣшняго міра, тогда какъ до этого момента его окружала защищавшая его оболочка матери. Ту роль, которую ранѣе для него выполняли силы и соки матери, теперь будутъ выполнять силы и элементы внѣшняго міра. До перемѣны зубовъ на седьмомъ году человѣческое тѣло имѣетъ задачу, существенно отличающуюся отъ задачъ другихъ жизненныхъ эпохъ. Физическіе органы должны въ это время принять опредѣленныя формы; ихъ структурныя условія должны получить опредѣленное направленіе и опредѣленныя наклонности. Позднѣе уже пойдетъ ростъ, но ростъ этотъ будетъ происходить все время по тѣмъ линіямъ, которыя уже выработались въ теченіе первыхъ семи лѣтъ. Если за это время сложились правильныя формы, то они и будутъ продолжать расти таковыми; если же онѣ складывались уродливо, то и вырастутъ онѣ уродливыми. То, что было упущено до семи лѣтъ, уже неисправимо впослѣдствіи. И какъ природа устраиваетъ для физическаго тѣла до его рожденія необходимую для него среду, такъ и воспитатель долженъ

позаботиться о правильной физической средѣ для ребенка. Только при этомъ условіи могутъ физическіе органы выливаться въ правильныя формы.

Есть два магическія слова, въ которыхъ исчерпывается все отношеніе человѣка къ окружающей средѣ. Эти два слова—*подражаніе* и *примѣръ*. Греческій философъ Аристотель называетъ человѣка наиболѣе подражательнымъ изъ всѣхъ животныхъ; это относится болѣе всего къ дѣтскому возрасту до перемѣны зубовъ. Дитя подражаетъ всему, что происходитъ вокругъ него, и въ этомъ подражательномъ процессѣ его физическіе органы выливаются въ формы, остающіяся затѣмъ уже навсегда. Физическую среду, вліяющую на ребенка, надо принимать въ возможно широкомъ смыслѣ. Ее составляютъ не только вещественный міръ, окружающій ребенка, но и все то, что происходитъ вокругъ него, что отражается въ его органахъ чувствъ, что черезъ физическое можетъ подѣйствовать на его духовныя силы. Сюда относятся также и всѣ нравственные и безнравственные, всѣ глупые и умные поступки, которые происходятъ въ его близости.

Не моральныя нравоученія, не благоразумныя рѣчи дѣйствуютъ на ребенка, а лишь то, что дѣлаютъ на его глазахъ окружающіе его взрослые. Поученія дѣйствуютъ формирующимъ образомъ не на физическое тѣло, а на эфирное, а это послѣднее до семилѣтняго возраста окружено защищающей его эфирной оболочкой, такъ же какъ физическое тѣло было защищено до рожденія оболочкой матери. Все, что до семи лѣтъ развивается въ эфирномъ тѣлѣ по части представленій, привычекъ, памяти и т. д., все это должно развиться „само собой“ подобно тому, какъ глаза и уши развиваются въ лонѣ матери безъ содѣйствія внѣшняго свѣта и внѣшнихъ звуковъ. Конечно, вѣрную мысль высказалъ Jean Paul въ своей книгѣ о „Воспитаніи“, что кругосвѣтный путешественникъ научается большему въ первые годы своей жизни отъ кормилицы, чѣмь позднѣе отъ всѣхъ своихъ путешествій, вмѣстѣ взятыхъ. Но ребенокъ поучается не словами, а примѣрами. Здоровое зрѣніе вырабатывается у него тогда, когда его окружаютъ надлежащими красочными и свѣтовыми условіями, и въ мозгу и въ кровообращеніи у него слагаются физическіе задатки здороваго нравственнаго чувства, если ребенокъ видитъ вокругъ себя нравственныя явленія. Если до семи лѣтъ ребенокъ видитъ только одни глупые поступки, то мозгъ его принимаетъ такія формы, которыя въ позднѣйшей жизни будутъ благопріятны для такихъ же глупыхъ проявленій.

Какъ мускулы руки становятся сильными и крѣпкими, когда исполняютъ соотвѣтствующую своимъ силамъ работу, то же явленіе происходитъ со всѣми органами физическаго тѣла, не исключая и мозга. Выяснимъ свою мысль на примѣрѣ.

Можно сдѣлать для ребенка куклу изъ старой салфетки, свернувъ изъ двухъ концовъ руки, изъ двухъ другихъ—ноги, завязавъ узелъ въ видѣ головы, а на мѣстѣ глазъ, носа и рта сдѣлавъ чернильныя пятна. Или можно дать ребенку такъназываемую „прекрасную куклу" съ настоящими волосами и раскрашенными щеками. Не говоря уже о томъ, что такая „прекрасная кукла" портитъ эстетическій вкусъ, ребенокъ, имѣя въ рукахъ свернутую салфетку, добавляетъ своей собственной фантазіей то, чего недостаетъ этой салфеткѣ, чтобы походить на человѣка. Эта работа фантазіи дѣйствуетъ на формированіе мозга, онъ расширяется, какъ расширяются мускулы руки путемъ подходящей работы. Если же ребенку дать „прекрасную" куклу, мозгу дѣлать нечего; бездѣйствуя, онъ увядаетъ, а не развивается. Если бы люди могли видѣть процессъ формированія мозга, какъ это видитъ ясновидящій оккультистъ, они, навѣрно, давали бы своимъ дѣтямъ только такія игрушки, которыя вызываютъ творческую дѣятельность мозга. Всѣ игрушки, построенныя на мертвыхъ математическихъ формахъ, глушатъ и мертвятъ творческія силы ребенка. Въ наше матерьялистическое время мало хорошихъ игрушекъ. Хорошія же игрушки, какъ, напримѣръ, два двигающіеся посредствомъ деревяшекъ кузнеца съ молотками, встрѣчаются очень рѣдко. Хороши также книжки съ картинками, фигуры которыхъ приводятся въ движеніе ниточками, такъ что и картину ребенокъ видитъ дѣйствующею. Подобныя игрушки вызываютъ внутреннее движеніе въ органахъ, а внутренняя подвижность придаетъ органамъ правильную форму. Всѣ эти вещи могутъ быть здѣсь, конечно, только слегка затронуты; но будущая задача оккультизма разработать новые пріемы воспитанія во всѣхъ подробностяхъ, и она будетъ въ состояніи это сдѣлать, ибо владѣетъ всѣми невидимыми руководящими линіями, изъ которыхъ строится видимое.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Съ точки зрѣнія оккультныхъ знаній, надо устраивать одну обстановку для нервнаго, возбужденнаго ребенка и совсѣмъ иную для вялаго, неподвижнаго. Здѣсь все нужно принимать во вниманіе, начиная съ окраски комнатъ и другихъ предметовъ, окружающихъ ребенка, до цвѣта надѣваемыхъ на него платьевъ. Если не руководствоваться оккульт-

ными указаніями, можно часто поступать какъ разъ обратно тому, что слѣдовало бы дѣлать. Такъ, напримѣръ, легко возбуждающагося ребенка надо окружать красными и оранжевыми оттѣнками и дѣлать ему такого цвѣта платья; неподвижному же полезны оттѣнки голубого и голубовато-зеленые цвѣта. Все дѣло въ томъ, какой дополнительный цвѣтъ вызывается при этомъ *внутри* ребенка. Къ красному дополнительный цвѣтъ будетъ зеленый, а къ голубому оранжевый, въ чемъ легко убѣдиться, если пристально посмотрѣть на тотъ или другой цвѣтъ и затѣмъ быстро перевести глаза на бѣлую поверхность. Дополнительный цвѣтъ производится физическими органами ребенка и вызываетъ соотвѣтствующую внутренней потребности ребенка структуру органовъ.

Если возбуждающагося ребенка окружать предметами краснаго цвѣта, внутри у него эта окраска вызоветъ зеленыя отраженія. И это внутреннее воспроизведеніе зеленаго цвѣта дѣйствуетъ успокоительно, самые органы получаютъ наклонность къ успокоенію.

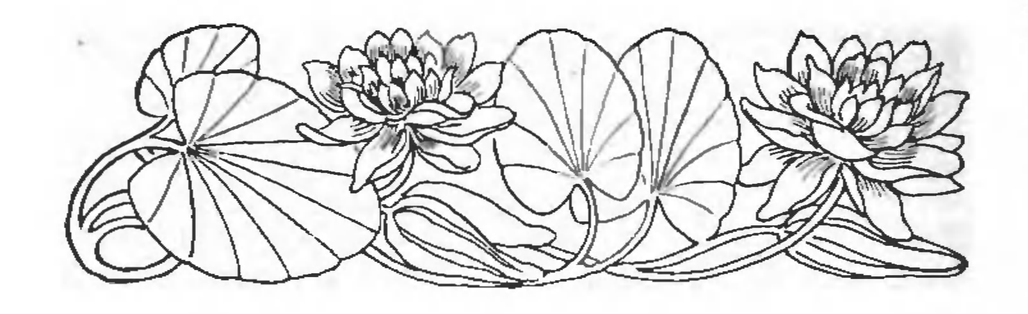
Чрезвычайно важно въ этомъ возрастѣ обратить вниманіе еще на слѣдующее: физическое тѣло само устанавливаетъ правильное мѣрило тому, что ему полезно. Можно въ общемъ сказать, что здоровое физическое тѣло желаетъ того, что ему полезно. И пока дѣло касается растущаго физическаго тѣла, нужно очень тонко слѣдить за тѣмъ, что составляетъ его здоровую потребность, желаніе, что доставляетъ ему радость.

Удовольствіе и радость—такія силы, которыя способствуютъ правильному формированію физическихъ органовъ. Особенно важно имѣть это въ виду въ дѣлѣ питанія. Можно такъ перекармливать разными вещами ребенка, что онъ совсѣмъ утратитъ свой здоровый инстинктъ въ этомъ направленіи, и можно при правильномъ питаніи сохранить его въ такой степени, что ребенокъ будетъ требовать только то, что ему полезно, и отказываться отъ всего, что ему вредно.

К.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Теософія въ Швейцаріи.

Теософическое движеніе въ Швейцаріи началось десять лѣтъ тому назадъ (1898 г.) въ Женевѣ, въ салонѣ русскаго консула, графа Прозора, при дружескомъ содѣйствіи другой нашей соотечественницы, сотрудницы „Вѣстника Теософіи". Въ этомъ интересномъ салонѣ, гдѣ встрѣчались ученые, литераторы, священники и дипломаты, очаровательная хозяйка съумѣла сгруппировать людей, заинтересованныхъ духовными вопросами. Скоро женевская интеллигенція заинтересовалась Теософіей, и въ Швейцаріи возникъ первый теософическій кружокъ, „Дхарма", въ которомъ происходили чтенія, докладовъ, лекцій, бесѣды и живой обмѣнъ мнѣній по вопросамъ Теософіи. Вела эти собранія наша соотечествениица, въ совершенствѣ владѣющая французскимъ языкомъ.

Послѣ отъѣзда гр. Прозора, отозваннаго на другую дипломатическую миссію, симпатичный салонъ прикончилъ свое существованіе, и многіе члены его разсѣялись, но кружокъ „Дхарма", продолжалъ жить и теософическое движеніе стало рости въ Швейцаріи, сперва въ Женевѣ, потомъ и въ другихъ городахъ.

Въ 1903 г. былъ основанъ новый теософическій кружокъ въ Женевѣ „Агни", во главѣ котораго стоятъ двѣ художницы: M-lle Stephani и M-lle Brandt. Ближайшей ихъ помощницей является талантливый лекторъ, M-me Paon. Этотъ кружокъ изучаетъ по преимуществу христіанскій эзотеризмъ и задачи искусства въ свѣтѣ теософіи.

Кромѣ „Дхармы" и „Агни", есть еще кружки: кружокъ „Unité" (предсѣдательница ея талантливая M-me Erath) и кружокъ „Philalethe" (предсѣдатель его M-r Medford).

Недавно было открыто центральное помѣщеніе, въ которомъ бываютъ общія собранія, лекціи, праздникъ Бѣлаго Лотоса *) и ежемѣсячный „теософическій чай", на которомъ собираются всѣ члены.

Въ настоящее время въ Женевѣ нѣсколько десятковъ членовъ и много интересующихся, среди нихъ есть профессора и даже пасторы, встрѣтившіе сначала скептически и нѣсколько враждебно молодое движеніе. Очень интересуются Теософіей художники. Группа художниковъ основала теософическій кружокъ въ Clarens. Въ будущемъ году „Агни" предпринимаетъ рядъ публичныхъ лекцій для рабочихъ.

Теософическое движеніе сильно ростетъ и въ другихъ кантонахъ. Теософическіе кружки существуютъ въ Лугано, Базелѣ, Санъ-Галлѣ, и въ Бернѣ. Одни примыкаютъ къ нѣмецкой Секціи, другіе къ Французской (по языку). Такъ какъ въ настоящее время въ Швейцаріи уже довольно много теософическихъ центровъ, то весьма вѣроятно, что она скоро образуетъ свою собственную секцію.

Очень дѣятельный Базельскій кружокъ, „Paracelsus", устраиваетъ два раза въ мѣсяцъ открытыя собранія и лекціи. Помѣщеніе кружка находится въ Базельскомъ университетѣ, гдѣ и происходятъ всѣ чтенія и собранія.

Можно сказать, что въ Швейцаріи теософическое движеніе носитъ настолько же характеръ духовный, сколько и научный. Сильное интеллектуальное теченіе замѣчается по преимуществу въ нѣмецкихъ кантонахъ; во французскихъ кантонахъ теченіе носитъ глубоко духовный характеръ и окрашивается сильнымъ интересомъ къ задачамъ искусства.

Женевскій кружокъ „Агни" ютится въ 5-мъ этажѣ стараго дома, въ старомъ кварталѣ Женевы, на площади древняго собора Св. Петра. Улицы этого квартала темноватыя и узкія; дома, неуклюжія, древняго фасона, съ длинными темными корридорами, круглыми лѣстницами и висячими галлереями, очень напоминаютъ средніе вѣка. Но внутри свѣтло и уютно, особенно въ верхнихъ этажахъ. При помѣщеніи „Агни" есть маленькая теософическая библіотека, читальня, рабочая комната для гостей, которымъ хочется поработать въ тишинѣ и уединеніи, и большая, свѣтлая художественная мастерская, въ которой собираются члены для чтеній и бесѣдъ. Ничего нѣтъ оригинальнѣе и прелестнѣе этой

---

*) День смерти Е. П. Блаватской.

большой комнаты, уставленной чудными картинами, мольбертами, уютными откидными креслами и маленькими диванами. Все въ этой комнатѣ дышетъ изящной простотой. Оба окна открываютъ видъ на Женевское лазурное озеро и на далекія, сине-лиловатыя горы. Городъ внизу таинственно притаился; изъ оконъ видать только крыши и галлереи. Какъ будто стоишь на горѣ и прямо смотришь въ озеро. Удивительное впечатлѣніе! Уличный шумъ не доходитъ до тихаго, стараго квартала, въ которомъ нѣтъ ѣзды, и такъ близко отъ центра, какъ по волшебству оторванный отъ міра, зришь только небо и озеро... Поэтическое впечатлѣніе усиливается отъ развѣшанныхъ картинъ, по большей части пейзажи, отъ которыхъ вѣетъ дивной тишиной... Особенно запомнилась одна картина: Солнце зашло, но его послѣдній лучъ озаряетъ еще верхушки горъ и скользитъ по бѣлому кресту, стоящему надъ обрывомъ... Горы, задумчивыя и прекрасныя, величаво выступаютъ въ прозрачномъ воздухѣ. Тропа, лежащая у самаго креста, вьется прямо къ вершинѣ. Здѣсь послѣдняя площадка, остановка усталаго путника... Еще одно усиліе и онъ взойдетъ на вершину, большой бѣлый крестъ неподвижно стоитъ, окутанный глубокой тишиной. На немъ замираетъ послѣдній лучъ заката...

Всѣ картины въ этой мастерской проникнуты такимъ же глубокимъ настроеніемъ. Утро, вечеръ и ночь въ горахъ, вотъ единственные сюжеты этихъ удивительныхъ картинъ. Нигдѣ не видно человѣка, только озера, небо и горы; но человѣческая душа чувствуется въ каждомъ штрихѣ, наполняетъ собой всю картину и бесѣдуетъ съ Богомъ.

„Un paysage est un état d'ame" (пейзажъ есть состояніе души) вырвалось у меня невольно. Художницы свѣтло улыбнулись. C'est bien ainsi que nous l'entendons" *), сказала M-lle Stephani. Обѣ, M-lle Stephani и M-lle Brandt, авторы развѣшанныхъ картинъ, извѣстныя художницы въ Швейцаріи. Прошлогодняя выставка ихъ произведеній привлекла вниманіе всей печати.

„Здѣсь происходятъ собранія и чтенія кружка?"

„Да, и здѣсь мы готовимся къ бесѣдамъ, читаемъ и молимся, добавила M-lle Brandt, глазами указывая на столъ, на которомъ рядомъ лежали раскрытое Евангеліе и Бхагаватъ—Гита.

Интересно, что художницы чувствуютъ особую духовную связь съ Россіей и сильно интересуются русской жизнью и русской литературой. Ихъ ближайшая сотрудница M-me Paon имѣла

---

*) Именно такъ мы и понимаемъ пейзажъ.

въ дѣтствѣ русскую няню и также горячо любитъ Россію... Духовный обликъ художницъ, ихъ картины, видъ на озеро, глубокая тишина и святыя книжки, раскрытыя на столѣ, все это сливается въ такой гармоническій аккордъ, что думается: болѣе идеальную атмосферу для теософической работы создать трудно.

Орденъ служенія при Теософическомъ Обществѣ образовалъ недавно въ Индіи два съѣзда: 1) Лига женскаго образованія, 2) Лига борьбы съ дѣтскими браками. Весною были уже образованы: 1) Лига защиты дѣтей и 2) Лига просвѣщенія, поставившая себѣ цѣлью учрежденіе читаленъ и библіотекъ во всѣхъ городахъ Индіи.

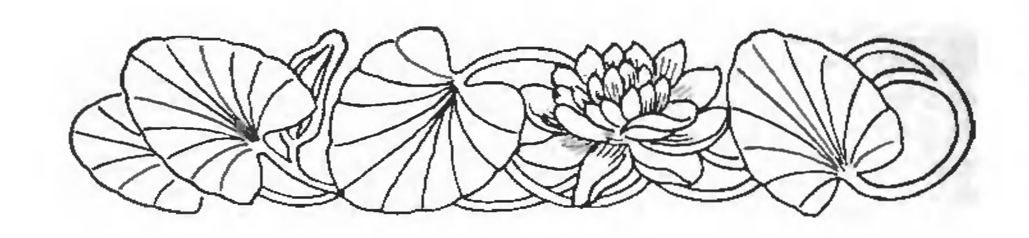
Президентъ Теософическаго Общества, Анни Безантъ, прибыла въ Австралію въ концѣ мая. Она успѣла уже посѣтить Фримэнтль, Гвертъ, Аделаиду, Мельбурнъ и Сидней. 20 августа она возвращается въ Индію. По дорогѣ въ Адіаръ она заѣдетъ на о. Цейлонъ и въ Мадуру. Октябрь она пробудетъ въ Сѣверной Индіи, а въ ноябрѣ вернется въ Адіаръ.

Alba.

МЫСЛИ ЛЬВА ТОЛСТОГО.

Нѣтъ ни одного вѣрующаго человѣка, на котораго бы не находили минуты сомнѣнія въ существованіи Бога. И эти сомнѣнія не вредны, напротивъ, они ведутъ къ высшему пониманію Бога. Тотъ Богъ, котораго зналъ, сталъ привыченъ, и не вѣришь больше въ Него. Вѣришь вполнѣ въ Бога только тогда, когда Онъ вновь открывается, а открывается Онъ тебѣ съ новой стороны, когда ты всей душой ищешь Его. А сторонъ Его безчисленное количество.

Обозрѣніе теософической литературы.

Чрезвычайно интересный и совершенно оригинальный характеръ носитъ новый теософическій журналъ „The Adyar Bulletin“, издаваемый президентомъ общества, Анни Безантъ, и задающійся цѣлью тѣснѣе сблизить между собой членовъ разныхъ секцій, особенно тѣхъ, кто не принадлежитъ ни къ какой мѣстной организаціи. Такихъ членовъ много; они разбросаны по всему міру *).

„Adyar Bulletin“ дѣлаетъ ежемѣсячный обзоръ теософической работы во всѣхъ странахъ міра, разсказываетъ обо всемъ, что дѣлается въ Индіи и въ особенности въ Адіарѣ, гдѣ создалось общежитіе, члены котораго составляютъ большую дружную семью. Они вѣдаютъ сообща дѣлами общества и стремятся воплотить то духовное единеніе, которое лежитъ въ основѣ Теософіи. Жизни и дѣятельности Адіарскаго братства мы посвятимъ отдѣльный очеркъ.

Кромѣ хроники движенія, въ „Adyar Bulletin“ помѣщаются статьи по вопросамъ Теософіи, путевыя замѣтки Президента (который, какъ мы знаемъ, постоянно путешествуетъ) и маленькое научное обозрѣніе, въ которомъ указывается на новыя открытія и гипотезы, идущія на встрѣчу теософическимъ ученіямъ. Также помѣщаются изрѣченія изъ восточныхъ священныхъ писаній и мысли различныхъ поэтовъ, писателей и мудрецовъ.

Среди ряда интересныхъ статей остановимся на статьѣ B. P. Wadia: „Наша работа въ Обществѣ“. Авторъ находитъ, что вступающіе въ теософическое общество въ большинствѣ случаевъ

---

*) Цѣна этого журнала назначена самая скромная: 2 шиллинга въ годъ, 3— съ пересылкой, т. е. 1 р. 50 к.

думаютъ только о томъ, чтобы побольше получить отъ него, и совершенно не останавливаются на вопросѣ о той отвѣтственности, которую они берутъ на себя, вступая въ теософическое общество. Наша задача разыграть симфонію, не на одномъ, а на многихъ инструментахъ сообща со многими музыкантами, и каждый исполняетъ свою партію: одинъ играетъ на скрипкѣ, другой на флейтѣ, третій на трубѣ. Какой ужасный хаосъ произошелъ бы, если бы каждый считалъ самъ тактъ и слушалъ только себя! Для исполненія симфоніи необходимы двѣ вещи: способность сообразовать свою игру съ музыкой другихъ и умѣніе повиноваться палочкѣ выбраннаго дирижера. Если мы на это не способны, то намъ никогда не сыграть симфоніи. Чтобы сдѣлаться хорошими музыкантами въ оркестрѣ, надо развить въ себѣ духъ согласія и гармоніи, тотъ духъ, который растетъ не разсужденіемъ и критикой, а любовью и терпимостью. Въ научномъ обозрѣніи указывается на выходъ въ свѣтъ новаго изданія книги проф. Оливеръ Лоджъ: „Современныя воззрѣнія на электричество". Эта книга чрезвычайно интересна для теософа, такъ какъ положенія вполнѣ совпадаютъ съ мыслями, высказанными болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ Е. П. Блаватской въ ея сочиненіи „Тайное ученіе". Журналъ также указываетъ на лекціи проф. Персона въ Парижѣ, подъ заглавіемъ „Творческая эволюція" (L'Evolution Créatrice), читанныя имъ недавно въ Collège de France. Проф. Персонъ называетъ творческую энергію „жизненнымъ импульсомъ"; въ этой энергіи, по его мнѣнію, кроются въ зародышѣ всѣ человѣческія способности, постепенно раскрывающіяся съ процессомъ эволюціи. Далеко не всѣ раскрылись, и оттого нельзя считать разумъ наивысшимъ началомъ человѣка. Мы знаемъ рядъ техническихъ явленій, которыя, повидимому, коренятся въ какомъ то высшемъ свойствѣ души. Такъ, напримѣръ, симпатія не есть результатъ углубленнаго анализа личности, а является сама по себѣ, независимо отъ заключеній разума, и раньше, чѣмъ они могли быть сдѣланы. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ чѣмъ то вродѣ высшаго инстинкта души, или лучше—инстуиціи. Для развитія интуиціи необходимо уйти въ себя, углубиться, сосредоточиться, такъ какъ она въ насъ развита менѣе, чѣмъ разумъ. Чтобы она могла развиться, надо умѣть сдерживать проявленіе критикующаго интеллектуальнаго начала. Состояніе сознанія нельзя разсматривать, какъ нѣчто законченное и грубо-матеріальное. Сознаніе находится въ процессѣ постояннаго равитія; это творческая сила, которая подлежитъ росту и развитію.

Въ Германіи появился новый теософическій журналъ „Isis“, издаваемый въ Лейпцигѣ К. Завадскимъ. Журналъ выходитъ ежемѣсячно *); онъ содержитъ переводъ Анни Безантъ, и рядъ интересныхъ оригинальныхъ статей. Большое мѣсто отводится научному отдѣлу и критикѣ спиритическаго движенія.

Каждый № начинается небольшой передовой статьей духовнаго характера. Этотъ отдѣлъ ведется А. М. О.

Въ своей статьѣ „Любовь“ авторъ высказываетъ рядъ возвышенныхъ и оригинальныхъ мыслей. „Твореніе есть книга Мурости. На ея заглавномъ листѣ начертано: Любовь ее создала... Огонь любви ведетъ къ самымъ труднымъ путямъ, которыхъ никто не ищетъ кромѣ тѣхъ, кто любитъ... Бѣгите отъ себя и защищайтесь отъ себя, а то вы не придете къ Себѣ!.. Въ глубинахъ человѣческаго сердца гармонія. Буря бушуетъ лишь снаружи... Животное царство растетъ къ любви. Человѣческое царство тоскуетъ по любви. Сверхчеловѣкъ любитъ и даетъ любовь...

Еще интереснѣе его статья „о Іогѣ“. Авторъ опредѣляетъ Іогу какъ актъ волевой и, одиовременно, какъ актъ пріостановки воли. Человѣкъ хочетъ и погружается въ глубокое, молитвенное размышленіе; но, погружаясь въ него, онъ отрекается отъ своей воли, отъ себя, и внимаетъ голосу Бога. На этомъ пути человѣкъ, ведшій духовную жизнь, не бѣжитъ изъ міра и не боится жизни, а живетъ въ мірѣ, не желая ничего для себя. Искреннее исканіе всегда приводитъ человѣка къ Богу, ибо въ каждомъ человѣкѣ живетъ скрытый Богъ, божественный духъ его чистѣйшая сущность, Tattevamasi. Все остальное „Маya“.

К. Блейбтрой изучаетъ англійскую поэзію въ свѣтѣ Теософіи. Эдвинъ Арнольдъ, Броунингъ, Байронъ, Шелли, Водствортъ проходятъ передъ духовиыхъ взоромъ автора. Особенно его поражаетъ тонкое пониманіе природы англійскихъ поэтовъ, ихъ глубокое проникновеніе въ космическую жизнь, индуктивное ихъ пониманіе міровыхъ тайнъ. Г. Силлинъ, изучающій американскую литературу, останавливается на Эмерсонѣ и на Трайнѣ. Онъ проводитъ интересную параллель между поэтомъ „Сверхдуши“ и поэтомъ „Безконечности“, указываетъ на ихъ духовное родство и называетъ ихъ обоихъ „предвѣстниками Теософіи“. Въ заключеніе онъ приводитъ символъ вѣры Трайна:

„Я буду изъ всего выбирать наивысшее.

„Я буду по мѣрѣ силъ и другимъ помогать въ этомъ.

---

*) Цѣна: 6 марокъ, т. е. 3 р. въ годъ.

„Я буду улучшать все дурное, что встрѣтится на моемъ пути, претворяя его въ добро.

„Я буду стремиться всегда быть кроткимъ, простымъ, свободнымъ отъ высомѣрія и, такимъ образомъ, сдѣлаюсь сильнымъ.

„Я буду себя совершенно открывать и держать открытымъ божественной Силѣ, чтобы сдѣлаться чистымъ сосудомъ, черезъ который она могла бы проявиться.

„Я буду всегда обращать свое лицо къ Свѣту.

„Я не буду судить другихъ, но обращу всю свою силу на то, чтобы самому сдѣлаться лучше.

„Если упаду, я буду немедленно вставать и идти дальше, не теряя времени на раскаяніе.

„Я буду все любить и ничего не бояться кромѣ зла, которое могъ бы сдѣлать.

„Я признаю добро, которое лежитъ въ глубинѣ сердца всего существующаго и только ждетъ, чтобы проявиться.

„Я буду любить поля и дикіе цвѣты, звѣзды и широкое море и мягкую теплую землю; но еще болѣе я буду любить усталыхъ и ищущихъ людей и каждое живое твореніе.

„Тогда въ большой и таинственной драмѣ жизни я сыграю свою роль и не буду больше бояться ни жизни, ни смерти, ибо Смерть есть Жизнь или лучше—она есть переходъ одной формы жизни въ другую, переходъ котораго намъ нечего бояться, и который мы можемъ радостно привѣтствовать, когда онъ въ свое время настанетъ".

Въ Эмерсонѣ и Трайнѣ авторъ видитъ квинтэссенцію американскаго идеализма, близко подходящаго по духу и къ германскому идеализму.

Изъ статей Анни Безантъ (за первые 6 мѣсяцевъ) напечатаны три: „Жизнь духовнаго человѣка въ мірѣ", „Судьба и усиліе человѣческой воли" и „О Настроеніяхъ".

Г. Томассенъ посвящаетъ рядъ очерковъ юбилею Лурда, приводитъ исторію святого источника, изслѣдованіе врачей и психіатровъ и разсказываетъ много интересныхъ случаевъ исцѣленія.

Въ научномъ отдѣлѣ приводится много свидѣтельствъ ученыхъ въ пользу реальности сверхчувственныхъ міровъ. Очень обстоятельный разборъ дѣлается новой книгѣ доктора Барадюкъ: „Вибраціи человѣческой жизненной силы" (Des vibrations de la vitalité humaine). Основой жизни авторъ признаетъ вибраціи. Гармоническія вибраціи дѣйствуютъ благодѣтельно на организмъ; дисгармоническія — разрушающимъ образомъ. Для возстановленія

здоровья больному слѣдуетъ освободиться отъ вредныхъ вибрацій и отдать себя воздѣйствію хорошимъ, что обосновываетъ новые врачебные методы (Naturheil-methoden). Вибраціи эфира не разсѣиваются въ атмосферѣ, а висятъ около предметовъ и мѣстъ, у которыхъ вызывались. Вотъ почему люди испытываютъ невольный ужасъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было совершено преступленіе и, наоборотъ, чувствуютъ подъемъ духа и приливъ силъ тамъ, гдѣ собралось много свѣтлыхъ вибрацій. Это объясняетъ также и тайны психометріи. Древніе не даромъ вносили своихъ больныхъ въ храмы. Подвергая ихъ такимъ образомъ благодѣтельному вліянію чистыхъ вибрацій, они частью достигали „чудесныхъ" измѣненій. Книга полна интересныхъ мыслей.

„Theosophist" указываетъ на статью во французской газетѣ „Le matin" (Torture des animaux), въ которой разсматривается вивисекція съ точки зрѣнія ея результатовъ въ наукѣ. Авторъ приходитъ къ заключенію, что мнимая польза, извлекаемая этими варварскими пріемами, совершенно не соотвѣтствуетъ ни по количеству, ни по качеству, суммѣ затраченной на нихъ энергіи и и суммъ порожденныхъ ими страданій. Борьбу съ вивисекціей въ настоящее время поддерживаютъ врачи, профессора университетовъ, завѣдующіе больницами и многіе выдающіеся ученые, на опытѣ убѣдившіеся въ этической несостоятельности вивисекціи.

„Письма Учителя Суфи" закончились. Въ послѣднемъ говорится о различныхъ ступеняхъ прогресса человѣческаго, о страданіяхъ и объ истинномъ направленіи духовной жизни.

Всякій человѣкъ, говоритъ авторъ,—въ прошломъ, настоящемъ или будущемъ—есть носитель тайнствъ. Въ каждомъ тѣлѣ скрыта божественная тайна; каждое сердце готовится къ Пути; каждая душа излучаетъ славу непостижимаго... Лучшіе и самые святые люди имѣли жизнь смиренную. Какъ примѣръ приводится слѣдующій разсказъ. У Могир'ы былъ невольникъ Гелалъ. Когда рабъ скончался, то Пророкъ со своими учениками направился въ домъ Могир'ы. Могира даже не зналъ о смерти Гелал'ы, такъ какъ рабъ былъ самымъ послѣднимъ изъ его слугъ и никто не заботился о немъ ни при жизни, ни послѣ смерти его. Могира вышелъ на встрѣчу къ Пророку и, павъ къ его ногамъ, облобызалъ ихъ. Пророкъ спросилъ; что случилось въ его домѣ. Могира отвѣчалъ, что все благополучно. Пророкъ сказалъ: „Могира, достойнѣйшій изъ твоего дома отошелъ, а ты даже не знаешь этого!" Изумленный Могира сказалъ: „Не зналъ я, что Гелалъ такой выдающійся человѣкъ!" Тогда Пророкъ пожелалъ

пройти къ покойнику. Его нашли въ конюшнѣ на полу. Пророкъ закрылъ лицо руками и со слезами промолвилъ: „Гелалъ, твое тѣло лежитъ на землѣ, но душа твоя съ Богомъ". Всѣ присутствующіе пожелали обратиться въ прахъ ногъ Гелала, а Пророкъ прибавилъ: „Въ каждую эпоху семеро поддерживаютъ міръ своими молитвами—во главѣ ихъ стоялъ Гелалъ".

Непреходящая чистота характеризуетъ ангела; неустанное преступленіе закона характеризуетъ дьявола; человѣкъ же характеризуетъ переходъ отъ грѣха къ чистотѣ черезъ страданіе и скорбь. Ничто такъ не полезно читать, какъ дневникъ страданій... Коранъ требуетъ искренности во всемъ, а искренность рождается въ сердцѣ, вкусившемъ страданія... „Пойми же, что ты еси То, что ты ищещь".

Статья „Теософія въ тюрьмахъ" разсказываетъ о самоотверженной дѣятельности недавно скончавшейся теософки Миссъ Жефферсонъ, которая посвятила свою жизнь помощи заключеннымъ въ Калифорніи. Она устраивала въ тюрьмахъ теософическія чтенія, раздавала книги и постоянно бесѣдовала съ заключенными. Благодаря ея энергической работѣ, ей удалось добиться нѣсколькихъ реформъ въ тюремной жизни, изъ которыхъ наиболѣе важная реформа „объ условномъ осужденій" *) принесла уже большую пользу въ Америкѣ.

Помѣщено письмо одного заключеннаго, воскресшаго къ новой жизни благодаря Теософіи. Съ глубокой благодарностью онъ вспоминаетъ „Крошку Жефферстъ", какъ ее звали заключенные, и разсказываетъ о томъ, какъ она впервые явилась въ тюрьму, какую сенсацію произвела и сколькимъ несчастнымъ она принесла свѣтъ и утѣшеніе. Ежедневно она успѣвала посѣтить три, четыре тюрьмы. Все свое время она проводила съ заключенными. Послѣ ея смерти изъ американскихъ тюрьмъ въ Адіаръ пришла просьба о присылкѣ теософической литературы.

Въ статьѣ „Теософія въ мірѣ" Люси Бартлетъ касается того же вопроса. Она излагаетъ сущность системы досрочнаго освобожденія заключенныхъ **), разсказываетъ исторію этого вопроса и даетъ интересныя свѣдѣнія о международныхъ тюремныхъ конгрессахъ, на

*) „Условное" осужденіе состоитъ въ томъ, что осужденный подвергается наказанію только въ томъ случаѣ, если онъ совершитъ преступленіе или проступокъ вторично; въ первый разъ онъ отпускается на волю, въ случаѣ же повторенія проступка ему засчитывается и первое наказаніе.

**) „Досрочное" освобожденіе: въ зависимости отъ поведенія отбывающаго наказаніе, срокъ тюремнаго заключенія или даже ссылки можетъ быть сокращенъ по усмотрѣнію мѣстной административной власти.

которыхъ уже успѣла сыграть роль Теософія. На конгрессѣ въ Будапештѣ (въ 1905 г.) подъ вліяніемъ теософической работы о значеніи досрочнаго освобожденія *), съѣздъ постановилъ хлопотать о принятіи этой системы въ европейскихъ государствахъ. Въ настоящее время, какъ извѣстно, въ нѣкоторыхъ государствахъ она уже принята. Люси Бартлетъ, отдавшей себя служенію этой идеѣ, удалось образовать въ Италіи союзъ на помощь малолѣтнимъ преступникамъ. Своей интересной статьѣ Люси Бартлетъ предпосылаетъ предисловіе, въ которомъ высказываетъ свои воззрѣнія на человѣческія ошибки и паденія. Наиболѣе важныя испытанія приходятъ въ періоды темные и грѣховные. Страдать и быть сильнымъ—таковъ путь къ богочеловѣчеству. Какъ теософы, мы должны понять святость скорби и святость борьбы, въ которой раскрывается Богъ. Въ статьѣ „Критерій истины“ авторъ задается вопросомъ, какъ теософу избѣгнуть догматизма и какую позицію ему слѣдуетъ занять по отношенію скептиковъ-матеріалистовъ.

Абсолютной истины мы, несовершенные и ограниченные люди, еще не можемъ знать. Мы можемъ лишь сказать, что *для насъ* она истина. Мы имѣемъ это право, потому что она озарила нашу жизнь, влила въ насъ новую силу, раскрыла новые горизонты. На жизненномъ опытѣ мы основываемъ свое убѣжденіе и мы не можемъ требовать такого же убѣжденія отъ тѣхъ, у кого нѣтъ этого опыта, но кто по своему пытается объяснить жизнь. На каждой ступени развитія есть знаніе, которое истинно для данной ступени. Спорить совершенно безполезно и нежелательно. Но есть нѣчто, съ чѣмъ можно и должно спорить: это инерція, умственная лѣнь, при которой человѣкъ совершенно не желаетъ вдумываться въ духовные вопросы и вмѣстѣ съ тѣмъ произноситъ свое сужденіе надъ тѣмъ, о чемъ не думалъ. Проф. Джэмсъ вѣрно замѣтилъ, что для того, чтобы вѣрить, надо прежде всего *хотѣть вѣрить*. Пассивное сопротивленіе въ области духовной не менѣе позорно лѣни физической и свидѣтельствуетъ о большой косности человѣческой души. Съ этой инертностью мысли, съ этой духовной лѣнью Теософія должна бороться, но съ той минуты, какъ человѣкъ начинаетъ искать и думать, онъ уже сталъ на путь прогресса и теософъ не долженъ мѣшать ему идти по своей линіи. Ищущій растетъ своимъ исканіемъ, а съ ростомъ является и просвѣтлѣніе, плодъ духовнаго опыта. То, что истина для святого, для іога, еще не истина для обыкновеннаго человѣка. Развитіе есть непремѣнное условіе раскрытія духа. Помня это, мы,

*) Авторъ ея теософъ.

теософы, должны содѣйствовать вездѣ, гдѣ мы можемъ, прогрессу и исканію истины, не предрѣшая, по какой линіи человѣкъ долженъ идти и не навязывая ему своихъ воззрѣній. Съ полной терпимостью должны мы исполнять свою работу въ мірѣ, помня, что духовная жизнь должна неминуемо привести къ пониманію духовныхъ законовъ, наукѣ духа, т. е. Теософіи.

Продолжаются статьи объ оккультной химіи (Анни Безантъ) и „Сравнительное изученіе наукъ" д-ра Л. Эппель'а.

N. Е. Дэвидъ знакомитъ насъ съ ученіемъ Кармы и перевоплощенія, какъ они отразились въ еврействѣ.

N. даетъ намъ рядъ прелестныхъ картинокъ дѣтскаго самоотверженія подъ заглавіемъ „Великіе маленькіе".

Статья „Таинство любви", Е. Северсъ, полна глубокихъ и тонкихъ мыслей. Авторъ указываетъ на то, что любовь не сходитъ на человѣка, какъ молнія съ небесъ, что ее надо воспитать въ себѣ, культивировать и питать. Любить умѣетъ не каждый; это самая глубокая и самая трудная изъ всѣхъ наукъ: надо *умѣть любить*. Постоянно примѣшивая къ любви элементы себялюбія, мы унижаемъ и гасимъ любовь. Чѣмъ совершеннѣе мы будемъ, тѣмъ чище и совершеннѣе будетъ и наша любовь.

„Revue théosophique" (Lotus bleu) даетъ подъ заглавіемъ „Мистеріи и мистическая мудрость" главу изъ книги Р. Штейнера „Христіанство, какъ мистическій фактъ". Докторъ Штейнеръ указываетъ на значеніе древнихъ мистерій и на духовное ихъ вліяніе на весь строй жизни древняго міра. Мистика онъ опредѣляетъ какъ человѣка, ищущаго въ себѣ скрытаго Бога.

Продолжаются очерки д-ра Паскаля „Состоянія сознанія".

„Lotus Journal" даетъ біографію Моцарта, очеркъ музыки краснокожихъ индѣйцевъ, статью о снѣ подъ заглавіемъ: „Гдѣ мы бываемъ ночью", очеркъ изъ южноафриканской жизни и хорошенькіе дѣтскіе разсказы.

Въ журналѣ объявляется объ основаніи дѣтскаго союза: „Круглый Столъ", въ который могутъ вступать дѣти, желающіе проявлять активную любовь къ людямъ и животнымъ. Союзъ будетъ состоять изъ группъ по 12 человѣкъ (рыцари Круглаго Стола), объединенныхъ той или другой формой служенія. Манто союза: „Слѣдуй за королемъ".

Дается маленькій историческій очеркъ Короля Артура и его знаменитаго Круглаго Стола. Вступающимъ рекомендуется каждому выбрать себѣ свой идеалъ въ жизни и идти за нимъ, какъ рыцари Круглаго Стола шли за королемъ Артуромъ.

„Hindu College Magazine“ разсказываетъ о новомъ этическомъ обществѣ, основавшемся въ Индіи подъ названіемъ Bhakti Mârga Sabha (Общество исканій высшихъ путей) подъ вліяніемъ Brahmarsi Srinivasa Bhagavathvamy. Цѣли его:

1. Облегчить всестороннее изученіе индусской религіи и философіи.

2. Содѣйствовать изученію и практикѣ религіозныхъ обрядовъ на основаніи самой широкой терпимости.

3. Помогать голодающимъ безъ различія касты, вѣроисповѣданія или цвѣта кожи.

Общество будетъ издавать ежемѣсячный журналъ, Gnânodaya.

Въ „Hindu College Magazine„ помѣщены двѣ интересныя статьи. Одна, Паранжотхи Чентіар'а, посвящается силѣ и значенію характера. Другая даетъ очеркъ жизни и дѣятельности знаменитаго индусскаго ученаго и подвижника Свами Вивекананда.

П. Сентіаръ указываетъ на значеніе сильныхъ характеровъ для націи. По этому въ основу воспитанія должна лечь выработка характера. Характеръ формируется въ зависимости отъ тѣхъ идеаловъ, которые стоятъ передъ глазами молодежи. Религія, которая ставитъ передъ душой идеалы вѣчные, является главнымъ факторомъ въ этой созидательной работѣ. Независимо отъ положенія человѣка въ обществѣ, его вліяніе всегда пропорціонально силѣ его характера. Человѣка съ характеромъ можно уподобить паровой машинѣ, которая способна привести въ движеніе безконечное количество колесъ. Характеры формируются въ атмосферѣ духовно-свободной. Тамъ, гдѣ нѣтъ сильныхъ характеровъ, тамъ навѣрное нѣтъ ни свободы, ни идеаловъ. Отсутствіе же идеаловъ свидѣтельствуетъ объ отсутствіи живой религіи.

Свами Вивекандандa (очеркъ Венкатазан'а) родился въ 1862 г. въ ученой и благочестивой семьѣ Датта, въ которой не разъ уже были подвижники. Свами отлично учился и поступилъ въ Калькутскій университетъ на юридическій факультетъ. Съ ранняго дѣтства онъ выказывалъ блестящія способности, любовь къ ученію и такое пламенное сочувствіе ко всѣмъ униженнымъ и оскорбленнымъ, что всѣ наставники его предсказали ему великое будущее. Блестяще сдавъ университетскіе экзамены, Свами уже готовился къ ученой дѣятельности, когда случилось событіе, измѣнившее всю его жизнь. Его дядя повезъ его къ великому святому, Шри Рамакришна Парамагамся. Святой полюбилъ юношу и Свами сдѣлался его ученикомъ. Въ 1886 г. святой умеръ, а Свами удалился

въ Гималаи, гдѣ провелъ въ одиночествѣ шесть лѣтъ. Вернувшись въ міръ, онъ посвятилъ себя духовной работѣ, собиралъ учениковъ, читалъ лекціи и училъ. На Чикагскомъ конгрессѣ религій онъ произвелъ сильное впечатлѣніе. Онъ объѣхалъ Америку и Европу и написалъ нѣсколько интересныхъ сочиненій, изъ которыхъ наиболѣе выдается его „Раджа Іога" *).

Въ 1902 г. онъ предался созерцательной жизни и 2 іюля, въ состояніи экстаза (Samâdhi), перешелъ въ иной міръ. Онъ оставилъ много учениковъ. Наиболѣе выдающаяся изъ нихъ—сестра Ниведита.

„Theosophical Review" даетъ очеркъ литературной дѣятельности знаменитаго американскаго поэта Вайтмана, въ которомъ авторъ (N. Дэплонъ) видитъ безсознательнаго теософа.

Изъ-подъ пера Микаель Вуд'а вышелъ разсказъ „Дитя", въ которомъ звучатъ необыкновенно глубокія и нѣжныя, мистическія ноты. Этотъ разсказъ символически повѣствуетъ о пробужденіи духовности и о преображеніи человѣческой души, въ которой заговорилъ голосъ чистой любви.

Въ Южной Америкѣ, повидимому, теософическое движеніе пустило крѣпкіе корни: съ будущаго мѣсяца трансваальскіе теософическіе кружки начнутъ выпускать свой собственный органъ „Южноафриканская хроника движенія" (South African Bulletin) подъ редакціей дѣятельнаго члена теософическаго общества Генрихъ Дайкмана.

№ 8—9 „Теософическаго Обозрѣнія" открывается прелестной картинкой на тему: „Пустите дѣтей и не препятствуйте имъ приходить ко Мнѣ, ибо таковыхъ есть Царство Небесное".

Продолжаются изящная „Идилія бѣлаго Лотоса", „Очерки религій" Шюре и статья П. Санина „Духовныя легенды Востока". Трауринъ заканчиваетъ свою интересную статью о Дж. Бруно.

Статья „священника": „Современный недугъ нашей православной Церкви" обращаетъ вниманіе на оживленіе въ обществѣ интереса къ вопросамъ духовнымъ и на необходимость нравственнаго обновленія въ средѣ духовенства. „Церковь, говоритъ авторъ, душа, совѣсть государства и ея іерархія есть голосъ этой совѣсти". Авторъ предлагаетъ рядъ реформъ, которыя должны поставить священника въ достойное и независимое положеніе.

Въ дѣтскомъ отдѣлѣ помѣщены хорошенькіе разсказы и знаменитое стихотвореніе Макдональда „Откуда ты, дитя?", но „Пчела

---

*) Послѣдняя недавно переведена и издана на русскомъ языкѣ.

помогла" намъ кажется нѣсколько мрачнымъ и тяжелымъ очеркомъ, какъ разсказъ для дѣтей.

„Теософская жизнь" даетъ краткую біографію Е. П. Блаватской съ ея портретомъ. Статья написана горячо и, несмотря на свою сжатость, даетъ нѣкоторое представленіе о геніальной русской женщинѣ, которая „заставила два міра (оба полушарія) постоянно говорить о себѣ, и послѣ смерти которой два континента обмѣнялись телеграммами, какъ будто умерла коронованная особа".

Очень хороша статья „Гипнотизмъ съ точки зрѣнія оккульной науки", въ которой указывается на вредъ и опасность этого экспериментальнаго метода.

Вообще въ книжечкахъ этого маленькаго журнала встрѣчается не мало статей интересныхъ по содержанію и проникнутыхъ высокимъ и свѣтлымъ настроеніемъ. Не вѣрится, чтобы такія искреннія духовныя стремленія могли встрѣтить на своемъ пути что-либо кромѣ сочувствія. Между тѣмъ, мы знаемъ, что симпатичное Смоленское Общество уже потерпѣло непріятности, и что одинъ изъ главныхъ его дѣятелей и основателей, о. Игнатій, долженъ былъ выйти въ отставку, вслѣдствіе „сложившихся обстоятельствъ".

Грустно думать, что такъ мало еще въ Россіи понимается значеніе духовности и ея вліяніе на жизнь...

Отъ всей души желаемъ молодому Смоленскому Обществу мирныхъ дней и процвѣтанія!

Alba.

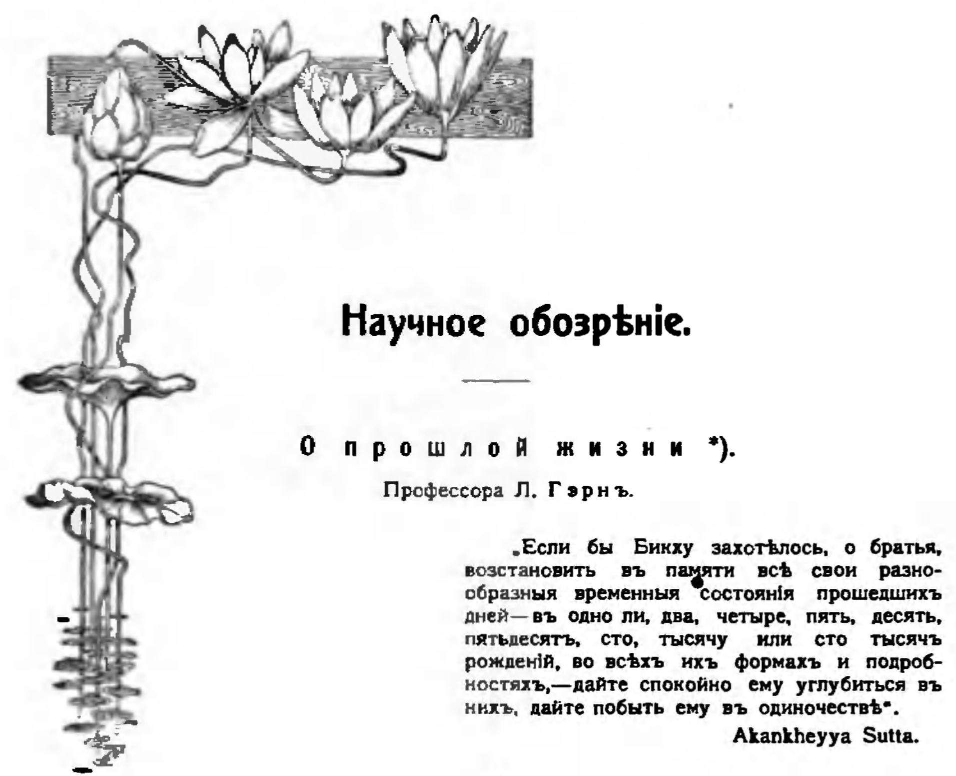

МЫСЛИ ЛЬВА ТОЛСТОГО.

На извѣстной ступени углубленія въ себя человѣкъ сознаетъ Бога.

Нѣтъ Бога только для того, кто не ищетъ Его. Ищи Его и Онъ откроется тебѣ.

Если человѣкъ не сознаетъ и не понимаетъ Бога, то онъ никакого права не имѣетъ заключать изъ этого, что Его нѣтъ. Законный выводъ для него только тотъ, что онъ еще не въ силахъ сознать и понять Его.

Научное обозрѣніе.

О прошлой жизни *).

Профессора Л. Гэрнъ.

„Если бы Бикху захотѣлось, о братья, возстановить въ памяти всѣ свои разнообразныя временныя состоянія прошедшихъ дней—въ одно ли, два, четыре, пять, десять, пятьдесятъ, сто, тысячу или сто тысячъ рожденій, во всѣхъ ихъ формахъ и подробностяхъ,—дайте спокойно ему углубиться въ нихъ, дайте побыть ему въ одиночествѣ".

Akankheyya Sutta.

I.

Кого бы ни спросить ученыхъ запада, прожившихъ нѣсколько лѣтъ въ настоящей жизненной атмосферѣ буддизма, какая основная идея существеннѣе всего отличаетъ восточный образъ мыслей отъ нашего,—нѣтъ сомнѣнія, что каждый отвѣтилъ бы: „Понятіе о прошлой жизни". Именно эта идея, болѣе всякой другой, красною нитью проходитъ черезъ все умственное бытіе дальняго востока. Она распространена тамъ, какъ воздухъ, она окрашиваетъ всякое настроеніе, она вліяетъ, прямо или косвенно, на всякое почти дѣйствіе. Символы ея видимы постоянно, даже на незначительныхъ артистическихъ украше-

*) Мы помѣщаемъ статью проф. Л. Гэрна безъ сокращеній, опустивъ лишь заключительное его примѣчаніе. Мы полагаемъ, что вопросъ перевоплощенія и кармы, трактуемый авторитетнымъ современнымъ ученымъ съ точки зрѣнія позивистически построенной европейской науки, которую авторъ къ нашему пріятному изумленію считаетъ „врагомъ матеріализма", должна имѣть особый интересъ для нашихъ читателей Мы сопровождаемъ статью нѣсколькими примѣчаніями въ виду того, что нѣкоторые затроиутые профессоромъ вопросы формулированы не ясно, и, съ точки зрѣнія Теософіи, освѣщены неправильно.

От ъ редакціи.

ніяхъ; и ежечасно, днемъ и ночью, отголоски ея достигаютъ непрошенные до слуха. Весь народный словарь*), его семейныя пословицы, поговорки, его религіозныя или обыденныя восклицанія, его выраженія гнѣва, надежды, радости или отчаянья—всѣ тѣсно связаны съ нею. Въ равной степени вліяетъ она на изъявленіе ненависти или признанія въ любви; и выраженія „ingwa" или „innen", подразумѣвающія карму, какъ неизбѣжное воздаяніе, сами собою просятся у каждаго съ языка, какъ поясненіе, утѣшенье или упрекъ. Крестьянинъ, работающій на склонѣ дороги и наполняющій съ напряженіемъ всѣхъ мускуловъ свою тачку, шепчетъ терпѣливо: „это ingwa, я долженъ терпѣть". Ссорящіеся слуги спрашиваютъ другъ у друга: „Въ силу какой ингвы долженъ я жить теперь съ такими, какъ вы"; неспособнаго или порочнаго человѣка укоряютъ опять таки ингвой, и неудачи мудраго или добродѣтельнаго объясняются все тѣмъ же буддистскимъ словомъ. Преступникъ, сознающійся въ своемъ преступленіи, говоритъ: „Я зналъ, что поступаю дурно, но моя ингва была сильнѣе моего сердца". Разлученные влюбленные просятъ смерти въ увѣренности, что союзъ ихъ въ этомъ мірѣ не осуществится за прежніе ихъ грѣхи; а жертвы несправедливости стараются успокоить свое естественное негодованіе увѣреніемъ себя, что онѣ страдаютъ за чью то забытую вину, которая должна была быть искуплена по повелѣнію вѣчнаго закона. Такимъ же образомъ самый обыденный намекъ на духовное будущее связывается со всеобщей вѣрой въ духовное прошлое. Мать предостерегаетъ своихъ дѣтей не относиться легкомысленно къ послѣдствіямъ своихъ, отражающихся на будущей жизни, дурныхъ поступковъ, и не брать примѣра съ дѣтей другихъ родителей. Странникъ или уличный нищій принимаетъ ваше подаяніе съ молитвой о томъ, чтобы слѣдующее рожденіе ваше было счастливымъ. Престарѣлый inkyo, слухъ и зрѣніе котораго начинаютъ слабѣть, весело говоритъ о предстоящемъ воплощеніи, долженствующемъ снабдить его новыми молодыми членами. А выраженія Jakusoki, обозначающее буддистскую идею о предопредѣленіи; mae no yo—послѣдняя жизнь; akirame—смиреніе,—у Японцевъ встрѣчаются также часто, какъ слова добро или зло въ обыкновенномъ разговорномъ языкѣ.

Проживъ долгое время въ такой средѣ, вы замѣчаете, что психологія ея проникла въ собственную вашу мысль и произвела въ ней разнообразныя перемѣны. Всѣ представленія о жизни, насыщенныя здѣсь идеей метампсихоза, всѣ эти вѣрованія, хотя бы и съ симпатіей изучаемыя, сначала чуждыми и странными представляются вамъ, но

---

*) Рѣчь идетъ о Японіи.

въ концѣ концовъ теряютъ свой своеобразный фантастическій характеръ новизны и вы видите ихъ въ совершенно естественномъ свѣтѣ. Они объясняютъ многія веши такъ хорошо, что онѣ кажутся намъ даже какъ бы разумными; нѣкоторыя же представляются и безусловно разумными, даже при свѣтѣ научной критики нашего вѣка. Чтобы судить основательнѣе, необходимо, однако, отрѣшиться отъ малѣйшихъ воспоминаній о западныхъ идеяхъ метампсихоза: потому что нѣтъ ничего общаго между древними западными представленіями о душѣ— между ученіемъ Пиѳагорейцевъ и Платониковъ и представленіемъ буддистовъ; и, можетъ быть, именно вслѣдствіе этого различія, японское ученіе и представляется вамъ разумнымъ. Глубочайшее несходство между воззрѣніями древняго запада и востока въ этомъ отношеніи состоитъ въ томъ, что для буддиста обычное наше понятіе о душѣ, какъ о самостоятельно вибрирующемъ внутреннемъ духѣ, не существуетъ вовсе. Восточное „я“ не индивидуально. Въ равной степени чуждо оно и гностическому представленію о душѣ.

Она есть аггрегатъ неизъяснимой сложности—сконцентрированная сумма творческаго мышленія множества прошлыхъ жизней, число которыхъ неопредѣлимо.

II.

Могущество буддизма и странное соотвѣтствіе его теорій съ фактами современной науки всего очевиднѣе сказывается въ области психологіи, однимъ изъ величайшихъ изслѣдователей которой былъ Гербертъ Спенсеръ. Значительная часть нашей психологической жизни состоитъ изъ ощущеній, которыхъ западные теологи не могли никогда объяснить. Таковы, напримѣръ, тѣ, которыя понуждаютъ еще безсловеснаго ребенка кричать при видѣ однихъ лицъ и улыбаться при видѣ другихъ. Таковы тѣ мгновенныя симпатіи или антипатіи къ встрѣчаемымъ нами людямъ, тѣ отталкиванія или притяженія, которыя мы называемъ „первымъ впечатлѣніемъ“ и которыя дѣти склонны выказывать съ полной откровенностью, вопреки увѣреньямъ, что нельзя судить по наружности: ни одинъ ребенокъ въ душѣ не согласится съ этимъ. Обычай называть эти ощущенія инстинктивными или интуитивными, въ теологическомъ значеніи инстинкта или интуиціи, не объясняетъ рѣшительно ничего, и является лишь попыткой проникнуть въ тайны жизни, наравнѣ съ гипотезами о сотвореніи міра. Мысль, что личное душевное движеніе можетъ быть болѣе, чѣмъ индивидуальнымъ, кромѣ развѣ случаевъ одержимости, еще представляется съ точки зрѣнія

ортодоксальной традиціи чудовищной ересью; тѣмъ не менѣе теперь установлено уже, что большая часть глубокихъ ощущеній нашихъ сверхъ—индивидуальны: именно тѣ двѣ категоріи, которыя мы различаемъ, какъ чувственныя и духовныя. Индивидуальность любовной страсти безусловно отвергается наукой, и то, что вѣрно съ перваго взгляда относительно любви, столь же вѣрно относительно ненависти: оба чувства одинаково сверхъ-индивидуальны. То же можно сказать о томъ необъяснимомъ влеченіи къ путешествіямъ, которое приходитъ и уходитъ съ весною, и безотчетной грусти, которая нами овладѣваетъ осенью; это все, вѣроятно, отголоски той отдаленной эпохи, когда переселенія человѣческія совершались въ зависимости отъ временъ года, а, можетъ быть, и еще болѣе древней эры, предшествовавшей появленію человѣка. Сверхъ-индивидуальны также ощущенія кого нибудь, кто, проведя большую часть жизни въ равнинахъ, впервые смотритъ на рядъ снѣжныхъ вершинъ; или впечатлѣнія континентальнаго жителя, когда впервые онъ любуется океаномъ или слышитъ его вѣчный ропотъ. Наслажденіе, сопровождаемое всегда поклоненіемъ, которое видъ прекраснаго ландшафта возбуждаетъ въ насъ, или то безмолвное восхищеніе, смѣшанное съ невыразимой грустью, и вызываемое величественной картиной тропическаго заката—никогда не могутъ быть объяснены индивидуальными впечатлѣніями. Психологическій анализъ показалъ, дѣйствительно, что ощущенія эти удивительно сложны и переплетены множествомъ нитей съ проявленіями личнаго опыта; но, во всякомъ случаѣ, наиболѣе глубокія волны ощущеній никогда не бываютъ индивидуальны: онѣ всплываютъ со дна цѣлаго моря прошлой жизни, изъ которой произошли мы. Къ той же психологической категоріи принадлежитъ, вѣроятно, и то особое ощущеніе, которымъ смущался умъ человѣческій еще задолго до Цицерона и смущается еще болѣе, пожалуй, въ наше время: ощущеніе, что мѣсто, посѣщаемое въ дѣйствительности въ первый разъ, знакомо уже. То же странное ощущеніе, въ незнакомомъ городѣ, при видѣ незнакомаго ландшафта, тихимъ толчкомъ всплываетъ въ умѣ, и оставляетъ тщетныя усилія памяти для объясненія его. Такимъ же образомъ подобныя ощущенія являются и при новыхъ комбинаціяхъ, всплывающихъ въ памяти старыхъ отношеній; и, однако, большинство ихъ остается совершенно таинственнымъ, если пробовать объяснять ихъ однимъ личнымъ воспоминаніемъ.

Даже самыя обыденныя изъ нашихъ ощущеній представляютъ изъ себя загадки, разрѣшить которыя немыслимо, если исходить изъ нелѣпаго положенія, что всѣ наши чувствованія и знанія являются [illegible]ствіями личныхъ нашихъ впечатлѣній и опыта, и что умъ новорожд[illegible]аго ребенка—неисписанная страница.

Удовольствіе, доставляемое намъ запахомъ цвѣтовъ, извѣстными оттѣнками красокъ, иными мотивами музыки; невольное отвращеніе или страхъ при видѣ въ первый разъ опасныхъ или ядовитыхъ животныхъ; даже безотчетный страхъ передъ нѣкоторыми снами, все это необъяснимо съ точки зрѣнія изстари установившагося понятія о душѣ. Какое громадное значеніе въ жизни народовъ имѣютъ нѣкоторыя изъ этихъ ощущеній, вродѣ хотя бы удовольствія отъ цвѣта и запаха, въ высшей степени убѣдительно доказываетъ Грандъ Алланъ въ своей „Физіологической эстетикѣ" и въ своемъ прекрасномъ очеркѣ объ ощущеніи цвѣтовъ. И еще задолго до него, его учитель, величайшій изъ психологовъ, доказалъ ясно, что гипотеза личнаго опыта совершенно непримѣнима къ весьма многимъ категоріямъ психологическихъ явленій. „Если возможно, замѣчаетъ Гербертъ Спенсеръ, я сказалъ бы, что заблужденіе это держится гораздо больше недостаткомъ уваженья къ ощущеніямъ, нежели недостаточностью самихъ знаній. Ученіе о томъ, что всѣ наши желанія и ощущенія происходятъ непосредственно изъ личнаго опыта индивидуума, такъ явно противорѣчитъ фактамъ, что я не могу надивиться достаточно, какъ можно было когда либо рискнуть поддерживать его". Спенсеръ такимъ образомъ доказывалъ намъ, что такія слова, какъ „инстинктъ" и „интуиція" не имѣютъ вѣрнаго значенія въ прежнемъ смыслѣ, и должны быть отнынѣ употребляемы въ совершенно иномъ. Инстинктъ, на языкѣ современнаго психолога, долженъ означать „организованную память", самая же память представляется „зародышемъ инстинкта"—суммою впечатлѣній, унаслѣдованныхъ послѣдовательнымъ рожденіемъ цѣлой цѣпи индивидуумовъ. Наука такимъ образомъ признаетъ унаслѣдованную память, только не въ смыслѣ воспоминаній о подробностяхъ прошлыхъ жизней, а лишь, какъ незначительный придатокъ къ психологической жизни, сопровождаемой незначительными же измѣненіями въ строеніи унаслѣдованной нервной системы. „Человѣческій мозгъ есть организованный списокъ безконечнаго множества опытовъ, накопившихся за время различныхъ формъ его жизни, или скорѣе за время видоизмѣненій цѣлой цѣпи организмовъ, черезъ которые человѣческій организмъ преемственно проходилъ. Результаты наиболѣе обыденныхъ и частыхъ изъ этихъ опытовъ унаслѣдовались послѣдовательно, какъ капиталъ и проценты, и привели понемногу къ той высокой степени развитія, которое дремлетъ временно въ умѣ новорожденнаго ребенка и которымъ онъ же въ своей жизни воспользуется, примѣнитъ, можетъ быть, болѣе сложно и разнообразно, и, увеличивъ, передастъ затѣмъ отъ себя въ наслѣдіе грядущимъ поколѣніямъ". Такимъ путемъ получается солидная научная почва для идей предшествовавшихъ существованій,

какъ равно и для представленія о множественномъ „я“. Неоспоримо, что въ каждомъ отдѣльномъ мозгу содержится унаслѣдованная память о неисчислимомъ количествѣ впечатлѣній, воспринятыхъ всѣми тѣми послѣдовательными сознаніями, которыхъ данный мозгъ является потомкомъ. Это научное объясненіе нашего „я“ не слѣдуетъ понимать въ матеріалистическомъ смыслѣ. Наука скорѣе врагъ матеріализма (?!); она обосновала уже много непонятнаго и признаетъ тайны непостижимыя разумомъ, такія даже, утвержденіе которыхъ строится исключительно на основаніи цѣльности и единства ощущеній. Кромѣ этого единства ощущеній, несомнѣнно, за милліоны лѣтъ существовали уже всѣ чувства и способности человѣка.

Наука здѣсь, рука объ руку съ буддизмомъ, признаетъ сложное „я“, и подобно буддизму, объясняетъ психологическія загадки настоящаго психологическимъ же опытомъ прошедшаго.

III.

Многимъ покажется, пожалуй, что представленіе о душѣ, какъ о множественномъ „я“, рѣшительно исключаетъ возможность идеи религіи въ западномъ смыслѣ; и люди, неспособные отречься самостоятельно отъ старо-теологическихъ догматовъ, думаютъ, несомнѣнно, что даже въ буддистскихъ странахъ, и вопреки очевидности буддистскихъ текстовъ, вѣра простого народа въ дѣйствительности все же основывается на представленіи о душѣ, какъ о самостоятельномъ существѣ. Тѣмъ не менѣе, въ Японіи мы видимъ замѣчательныя доказательства противоположнаго. Простой необразованный народъ, заурядные крестьяне, никогда не изучавшіе буддистской метафизики, признаютъ сложное „я“. Замѣчательно, что даже въ примитивномъ вѣроученіи, Шинто, существуетъ уже эта преемственная теорія, и разнообразныя формы этого догмата характеризуютъ мысль Китайца и Корейца. Всѣ эти народы дальняго востока представляются признающими сложную душу, въ значеніи ли буддистскомъ, или въ болѣе первобытномъ смыслѣ ученія Шинто, или же, наконецъ, въ фантастической формѣ, выработанной китайскими астрологами. Въ Японіи я убѣдился вполнѣ, что вѣра эта—всеобщая. Нѣтъ надобности прибѣгать здѣсь къ буддистскимъ текстамъ, такъ какъ не философія вѣры, а лишь простыя популярныя вѣрованія одни могутъ доказать съ очевидностью, что религіозное рвеніе совмѣстимо вполнѣ и даже прекрасно уживается съ понятіемъ о сложной душѣ. Конечно [illegible] крестьянинъ далеко не рисуетъ себѣ своего психическаго „я“ [illegible]ложнымъ, какимъ является оно въ философіи буддизма или

наукѣ запада. Но онъ представляетъ себѣ самого себя множественнымъ. Свою внутреннюю борьбу между побужденьями добра и зла объясняетъ онъ столкновеніемъ разнообразныхъ желаній, составляющихъ сущность его „я", и духовная надежда его—освободить свое лучшее „я" отъ вліянія и примѣси дурного, т. к. Нирвана, или высшее блаженство, доступно лишь тому, въ комъ побѣдитъ и переживаетъ лучшая и высшая часть внутренняго его существа. Религія японца представляется такимъ образомъ основанной на естественномъ пониманіи психическихъ измѣненій, пониманіи далеко не такомъ отдаленномъ отъ научной мысли, какъ распространенное въ нашемъ простомъ народѣ условное понятіе о душѣ. Отношеніе его къ этому отвлеченному представленію, конечно, туманно и не систематизировано, но общій характеръ и тенденція очевидны; и никакого сомнѣнія не можетъ быть ни въ искренности его вѣры, ни во вліяніе этой вѣры на его этическую жизнь.

Вездѣ, гдѣ вѣра эта распространяется между образованными классами, тѣ же идеи лишь точнѣе опредѣляются и синтетизируются. Я могу привести для примѣра два образца сочиненій, написанныхъ студентами 23-хъ и 26-ти лѣтъ. Можно бы легко привести ихъ и больше, но нижеслѣдующаго будетъ достаточно для поясненія того, что я имѣю въ виду;

> 1. „Нѣтъ ничего безумнѣе утвержденія безсмертія души. Душа сложное понятіе, и, хотя ея элементы вѣчны, они не могутъ, какъ мы знаемъ, повториться дважды въ томъ же самомъ соотношеніи формъ. Всякое сложное тѣло должно измѣнить свой характеръ и условіе".
>
> 2. „Человѣческая жизнь понятіе составное. Комбинація энергіи составляетъ душу. Когда человѣкъ умираетъ, душа его, какъ и тѣло, не можетъ остаться безъ измѣненія или быть измѣненной соотвѣтственно тому, съ чѣмъ она была скомбинирована. Нѣкоторые философы считаютъ душу безсмертной, другіе—смертной. И всѣ по своему правы. Душа смертна или безсмертна въ зависимости отъ измѣненія составляющихъ ее силъ. Элементарныя энергіи, изъ которыхъ составляется душа, дѣйствительно вѣчны, но свойство самой души опредѣляется характеромъ сочетанія этихъ энергій между собою".

Западному читателю покажется съ перваго взгляда, что мысли, изложенныя въ этихъ сочиненіяхъ, безусловно атеистичны. И однако онѣ вполнѣ совмѣстимы въ дѣйствительности съ самой искренней и глубокой вѣрой. Ложное впечатлѣніе получается исключительно отъ укоренившагося представленія, связаннаго съ европейскимъ понятіемъ о „душѣ", которую совершенно иначе понимаетъ буддистъ. „Душа", въ

подразумѣвавшемся нашими молодыми авторами смыслѣ, есть нескончаемое сочетаніе дурныхъ и хорошихъ наклонностей, конгломератъ, заранѣе предназначенный къ разложенію, не только въ силу самого факта своей сложности, но и силой дѣйствія вѣчнаго закона о духовномъ прогрессѣ *).

IV.

Сущностью западнаго богословія достаточно объясняется, почему идея, бывшая за тысячу лѣтъ уже такимъ могущественнымъ факторомъ въ умственной жизни востока, у насъ вплоть до настоящаго времени точно застыла въ своемъ развитіи. Несправедливымъ было бы, однако, предположить въ богословахъ нашихъ, передающихъ идею упомянутой цѣпи существованій, безусловно отрицательное отношеніе къ изложеннымъ восточнымъ воззрѣніямъ. Несмотря на то, что христіанскій догматъ, утверждающій созиданіе изъ ничего новой души для каждаго новаго тѣла, вполнѣ отрицаетъ этимъ самымъ существованіе прошедшей жизни, простой здравый смыслъ невольно улавливаетъ противорѣчіе этого положенія съ явленіями наслѣдственности. Между тѣмъ, какъ богословы считаютъ животныхъ своего рода автоматами, оживленными лишь какимъ то непостижимымъ механизмомъ, который называютъ они инстинктомъ, народъ въ общежитіи признаетъ безусловно за животными способность размышленія.

Опредѣленія инстинкта и интуиціи, державшіяся цѣлыми поколѣніями, представляются уже совершенно немыслимыми въ наши дни. Чувствуется, что слова эти не передаютъ болѣе должнаго понятія и

---

*) Въ первомъ изъ приведенныхъ сочиненій японскихъ студентовъ говорится о „безуміи утвержденія безсмертія души", во второмъ: „душа смертна или безсмертна въ зависимости отъ измѣненія составляющихъ ее силъ"; эти двѣ выдержки указываютъ на то, что авторы или не договариваютъ до конца сути восточнаго ученія о душѣ, или же они не знакомы съ эзотеризмомъ восточныхъ религій. Послѣднее вѣрнѣе, такъ какъ религіозный эзотеризмъ началъ впервые раскрываться передъ всѣми черезъ Теософію. Съ своей стороны, и уважаемый профессоръ въ своемъ выводѣ: „душа есть нескончаемое сочетаніе дурныхъ и хорошихъ наклонностей, конгломератъ, заранѣе предназначенный къ разложенію"., руководствуется, повидимому, своими личными соображеніями, или же мѣстными эзотерическими толкованіями.

Эзотерическое ученіе древняго Востока о сложности души—въ самыхъ общихъ чертахъ—слѣдующее: человѣкъ есть существо сложное, состоящее изъ элементовъ вѣчныхъ и элементовъ, предназначенныхъ къ уничтоженію; элементъ вѣчный—составляетъ его *индивидуальность*, иначе ту частицу божественной сущности, ...ю онъ развиваетъ своими собственными усиліями въ условіяхъ данной ему ...ѣятельности, т. е. на землѣ. Въ теченіе земной жизни эта вѣчная часть его

остаются лишь какъ догматъ, останавливающій и пресѣкающій ересь „Fidelity" Вордсворта, и его же такъ удивительно превознесенныя „Размышленія о безсмертіи" свидѣтельствуютъ ярко о чрезвычайной робости и первобытности понятій объ этомъ предметѣ даже еще въ началѣ прошлаго вѣка. Любовь собаки къ своему хозяину дѣйствительно „велика превыше человѣческаго пониманія"; Вордсвортъ, однако, не останавливается надъ ней, и такъ какъ непосредственныя впечатлѣнія дѣтства приводятъ къ выводамъ, несравненно болѣе замѣчательнымъ, чѣмъ его уже упомянутая идея безсмертія, знаменитые стансы его на эту тему вполнѣ справедливо названы Джономъ Морлей безсмыслицей. Вообще до упадка богословія ни, одинъ разумный взглядъ на психологическую наслѣдственность, на истинную сущность инстинкта и на единство жизни не могъ пробить себѣ пути къ широкой массѣ. Теперь, однако, съ принятіемъ доктрины эволюціи, старыя формы мысли рушатся; новыя идеи стремятся занять мѣсто отжившихъ догматовъ и мы присутствуемъ нынѣ при зрѣлищѣ всеобщаго умственнаго движенія въ направленіи удивительно родственномъ восточной философіи. Беспримѣрная быстрота и разнообразіе научнаго прогресса въ послѣднія 50 лѣтъ не могла не вызвать такого же безпримѣрнаго умственнаго подъема въ массѣ. Что высшіе и сложные организмы развились изъ простыхъ и сложныхъ; что единичная физическая основа жизни представляетъ изъ себя вмѣстѣ и сущность всего живущаго міра; что ни малѣйшей разницы не существуетъ между животнымъ и растеніемъ; что различіе между бытіемъ и небытіемъ есть лишь различіе степени, но не качества; что матерія не менѣе непостижима, чѣмъ духъ, такъ какъ оба представляютъ лишь различныя проявленія одной и той же не-

души проявляется въ видѣ *совѣсти*, которая есть ни что иное, какъ накопленный въ предыдущихъ существованіяхъ опытъ, пріобрѣтенный въ борьбѣ между добромъ и зломъ, и въ видѣ *сверхличной мысли* и *сверхличной любви*. Второй элементъ сложной человѣческой души составляетъ его *личность*, его обманчивое отождествленіе себя, своего истиннаго „я" съ временнымъ земнымъ проявленіемъ, и при томъ не всей своей сущности, не всего поля своего сознанія, а лишь части его. Цѣль такого временнаго проявленія двояка: съ одной стороны *необходимость сохраненія міровой гармоніи или справедливости*, которая въ человѣческой жизни осуществляется закономъ кармы, иначе—расплаты за все сдѣланное добро и зло; съ другой стороны, *пріобрѣтеніе новаго опыта* на новой ступени существованія, которое возможно только на землѣ, и благодаря которому и совершается развитіе заложенныхъ въ человѣкѣ силъ въ безсмертную человѣческую индивидуальность. Такимъ образомъ, *индивидуальность* или высшая часть человѣческой души сохраняется, она есть вѣчная сущность, развитіе которой безконечно; тогда какъ *личность* или низшая часть души уничтожается послѣ того, какъ весь пріобрѣтенный ею опытъ—какъ бы въ цѣнномъ экстрактѣ—перешелъ во владѣніе безсмертной человѣческой души.

изслѣдованной дѣйствительности—все это стало уже заурядными положеніями, общими мѣстами новой философіи. Послѣ перваго же признанія богословіемъ физической эволюціи легко было предсказать, что и признаніе эволюціи психической не можетъ заставить себя долго ждать, такъ сломанъ былъ уже мѣшавшій свободному кругозору воздвигнутый старыми догматами барьеръ. И въ настоящее время, для изучающаго научную психологію, идея прошлой жизни переходитъ уже изъ царства теоріи въ царство фактовъ, доказывая, что буддистское объясненіе міровой тайны въ такой же мѣрѣ основательно, какъ и всякое другое. „Только поверхностные мыслители, пишетъ покойный профессоръ Гексли, могутъ отбрасывать его, какъ недопустимую безсмыслицу. Подобно доктринѣ объ эволюціи, теорія перевоплощенія имѣетъ корни въ мірѣ дѣйствительности и можетъ смѣло требовать себѣ той поддержки, которая, несомнѣнно, и дается ей великимъ аргументомъ аналогіи".

Поддержка эта, оказанная профессоромъ Гексли, въ высшей степени серьезна. Онъ не даетъ намъ зрѣлища отдѣльной души, стремящейся отъ тьмы къ свѣту, отъ смерти къ возрожденію на протяженіи милліардовъ лѣтъ, и оставляетъ основную идею перевоплощенія въ той же почти совершенно формѣ, въ какой выразилъ ее и самъ Будда. По восточной доктринѣ, психическая личность, въ такой же степени какъ и физическое тѣло, представляетъ изъ себя аггрегатъ, заранѣе предназначенный къ разложенію. Подъ психическою личностью я подразумѣваю здѣсь то, что отличаетъ одну духовную сущность отъ другой, опредѣленія „мой" и „твой", короче понятіе, олицетворяемое для насъ словомъ „я". Для буддиста оно есть лишь временная совокупность иллюзій. Она то и составляетъ карму, ту общую сумму дѣлъ и мыслей безчисленнаго множества предшествовавшихъ существованій, изъ которыхъ каждое, какъ составляющая единица одной и той же великой системы появленій и исчезновеній, оказываетъ свое вліяніе на цѣлое. Подобно магнетизму, карма передается отъ формы формѣ, отъ феномена феномену, опредѣляя условія комбинацій. Окончательную тайну соединяющихъ творческихъ результатовъ кармы буддистъ признаетъ непроницаемой; связывающую же силу результатовъ онъ производитъ отъ tanha, стремленія къ жизни, соотвѣтствующаго тому, что Шопенгауеромъ названо „волей" жизни. Въ „Біологіи" Герберта Спенсера мы находимъ интересное соотвѣтствіе этой идеѣ. Онъ объясняетъ передачу стремленій и ихъ разновидностей теоріей полярности—полярностью физіологическаго единства, общимъ преобладающимъ стремленіемъ воображаемой магнитной стрѣлки. Различіе между этой теоріей полярности и буддист- еоріей tanha поражаетъ гораздо меньше, чѣмъ сходство. Карма

или иаслѣдственность, tanha или полярность, необъяснимы *) въ окончательной своей сущности: и буддизмъ и наука сходятся въ этомъ пунктѣ. Представляется фактомъ, достойнымъ вниманія, что оба признають одинъ и тотъ же феноменъ, лишь называя его различно.

V.

Изумительная сложность методовъ, при помощи которыхъ наука пришла къ выводамъ, находящимся въ такой страиной гармоніи съ древнею мыслью востока, рождаетъ невольное сомнѣніе въ томъ, насколько эти выводы ясными и понятными могутъ представляться среднимъ массамъ запада. Казалось бы, конечно, что, какъ основная доктриа буддизма можетъ преподаваться большинству вѣрующихъ лишь внѣшнею стороною, формой, такъ и философія науки можетъ дѣлаться достояніемъ массъ лишь путемъ внушенія, внушеніемъ фактовъ, или комбинацій фактовъ, доступныхъ каждому естественно развитому уму. Исторія научнаго прогресса удостовѣряетъ дѣйствительность такого метода; и нѣтъ серьезныхъ осиований предполагать, что если самый процессъ высшей науки выше пониманія ненаучно образованныхъ классовъ, то и сами результаты этой науки не могутъ стать общепризнанными. Размѣры и вѣсъ планетъ, разстояніе и составъ звѣздъ; законъ тяготѣнія; значеніе тепла, свѣта и цвѣта; свойства звука, и множество другихъ научныхъ открытій хорошо знакомы тысячамъ людей, не имѣющимъ никакого понятія о подробностяхъ методовъ, путемъ которыхъ знанія эти получились. Съ другой стороны становится очевиднымъ, что каждое большое прогрессивное движеніе науки сопровождалось, впродолженіе столѣтій, значительнымъ нарушеніемъ народныхъ вѣрованій. Даже и церкви, хотя и

---

*) Карму и наслѣдственность не слѣдуетъ смѣшивать; законъ кармы примѣнимъ ко всей космической дѣятельности во всей ея попнотѣ, а не къ одной только человѣческой дѣятельности; наслѣдственность—лишь одна изъ подробностей человѣческой кармы. Что касается Tanha, или стремленія къ земному существованію, то оно имѣетъ опредѣленное толкованіе въ эзотеризмѣ восточныхъ религій: выражается это стремленіе посредствомъ двѣнадцатн Nidânas, аналнзъ которыхъ раскрываетъ скрытыя пружины внутренней человѣческой жизни (см. Secret Doctrine, III томъ, послѣдній отдѣлъ); цѣль же Tanha, или стремленія къ земной жизни, состоитъ въ раскрытіи—путемъ столкновенія съ объектнвнымъ міромъ—всѣхъ заложенныхъ въ человѣкѣ силъ. Пока силы этн не перейдутъ нзъ состояиія скрытаго въ состояніе явное, изъ зародыша въ полное расцвѣтаніе, изъ младенчества въ „полный возрастъ Христа", только до тѣхъ поръ Tanha и владѣетъ человѣкомъ. Когда же развнтіе его закончится, онъ освобождается отъ существованія на землѣ и можетъ появляться въ земной средѣ лишь по собственному желанію.

цѣпляющіяся еще за гипотезу спеціально созданной души, приняли уже, однако, основную доктрину физической эволюціи; и нѣтъ основаній ожидать въ будущемъ ни особаго упорства въ догматахъ, ни умственнаго движенія назадъ. Кромѣ того, измѣненія въ религіозныхъ идеяхъ неизбѣжны и вѣроятнѣе, что они будутъ происходить скорѣй быстро, нежели медленно. Нельзя предсказать, конечно, ихъ точной сущности, тѣмъ не менѣе интеллектуальная тенденція заставляетъ предполагать, что и ученіе психологической эволюціи должно быть принято, если не ради нея самой, то для того хотя бы, чтобы положить окончательный предѣлъ онтологическимъ теоріямъ; въ равной степени и представленіе наше объ личномъ „я" должно будетъ совершенно измѣниться, пройдя черезъ постепенное развитіе идей прошлыхъ существованій.

VI.

Въ подробностяхъ на эту тему можно идти и дальше. Предположенія въ этомъ направленіи, конечно, не будутъ приняты тѣмъ, кто склоненъ видѣть въ наукѣ элементъ скорѣе разрушающій, чѣмъ примиряющій. Этого рода мыслители забываютъ только, что потребность религіи есть нѣчто гораздо болѣе глубокое, чѣмъ догматъ; что она переживаетъ всѣхъ боговъ и всѣ формы вѣроученій, и что она только расширяется, углубляется и крѣпнетъ параллельно съ интеллектуальнымъ развитіемъ. Что религія, какъ чистая доктрина въ концѣ концовъ прекратитъ свое существованіе, есть выводъ, къ которому приводитъ изученіе эволюціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, представляется совершенно недопустимымъ, чтобы могла когда-либо вымереть въ людяхъ религія, какъ настроеніе, или даже какъ вѣра въ невѣдомое могущество, представляемое себѣ высшимъ разумомъ или созвѣздіемъ—безразлично. Наука возстаетъ единственно противъ невѣрныхъ истолкованій феноменовъ: она превозноситъ космическія тайны, доказывая, что каждая, хоть на минуту, намъ представляется безконечно удивительной и непонятной. Несомнѣнной тенденціей науки является обезцѣниваніе вѣрованій и возвеличеніе космическихъ явленій; и тенденція эта оправдываетъ предположеніе, что будущія измѣненія западныхъ религіозныхъ идей будутъ совершенно непохожи на измѣненія, происходившія въ прошломъ; что западное представленіе о личномъ „я" соприкоснется близко съ представленіемъ восточнымъ, и что современныя бѣдныя метафизическія понятія о личности и индивидуальности, какъ самостоятельныхъ величинахъ, будутъ ниспровергнуты. Распространяющееся въ массѣ представленіе о явленіяхъ наслѣдственности въ той формѣ,

какъ ихъ объясняетъ наука, указываетъ путь, которымъ нѣкоторыя хотя бы изъ этихъ измѣненій будутъ достигнуты. Въ предстоящемъ спорѣ по великому вопросу психологической эволюціи, здравый смыслъ послѣдуетъ за наукой по всему пути послѣдняго сопротивленія; и путемъ этимъ будетъ, несомнѣнно, изученіе наслѣдственности, потому что подлежащія изслѣдованію явленія, хотя по существу своему и непостижимыя, не чужды обыденному опыту и сами по себѣ даютъ частичные отвѣты на безчисленныя старыя загадки. Такимъ образомъ совершенно возможнымъ является представить себѣ грядущую форму западной религіи, поддержанной всей силой могущества синтетической философіи; форму, отличающуюся отъ буддизма главнымъ образомъ большей точностью представленій, признающей душу, какъ сложную субстанцію, и выдвигающую новый духовный законъ, родственный догмату кармы.

Одно замѣчаніе, по поводу изложенной идеи, представится, пожалуй, само собой инымъ умамъ: измѣненіе въ вѣрованіяхъ, подобное предсказываемому, означало бы внезапное порабощеніе, перерожденіе чувства въ пользу идеи. Гербертъ Спенсеръ говоритъ между тѣмъ, что „свѣтъ управляется не идеями, но чувствомъ, которому идеи служатъ только проводниками“. Какое же представленіе о перемѣнѣ, подобно изложенной, могло бы быть примиримо съ обычнымъ понятіемъ о существующемъ на западѣ религіозномъ чувствѣ и силѣ религіознаго настроенія.

Трудно было бы отвѣтить на этотъ вопросъ удовлетворительно, если бы идея прошлой жизни и понятіе о душѣ, какъ „множественномъ“, была дѣйствительно въ такомъ противорѣчіи съ религіознымъ чувствомъ на западѣ. Но неужели въ самомъ дѣлѣ они такъ ужъ враждебны другъ другу? Идея прошлой жизни нѣтъ, разумѣется: западный умъ уже приготовленъ къ ней. Правда, что представленіе о душѣ, какъ о сложномъ „нѣчто“, предназначенномъ лишь къ разложенію на составныя части, можетъ казаться нѣсколько привлекательнѣе матеріалистической идеи полнаго уничтоженія, тѣмъ, по крайней мѣрѣ, которые неспособны еще освободиться отъ старыхъ привычныхъ формъ мысли. Безпристрастное размышленіе показываетъ, однако, что нѣтъ дѣйствительной причины бояться разложенія нашего „я“. Въ настоящее время, хотя и безсознательно, христіане, заодно съ буддистами, именно объ этомъ распаденіи и молятся безпрестанно. Кто изъ насъ не желалъ часто избавиться отъ худшихъ сторонъ своей природы, отъ злыхъ, несправедливыхъ побужденій, отъ желанія сдѣлать или сказать что-нибудь дурное, отъ всего этого низшаго наслѣдія, распространяющаго свою власть и на лучшихъ людей и тяготѣющаго надъ наиболѣе утонченными

стремленіями. То, съ чѣмъ мы такъ серьезно хотимъ разстаться, желая ему уничтоженія, смерти, не есть, конечно, та лучшая часть нашего психологическаго наслѣдія, нашего настоящаго „я“, которая, по свойствамъ своимъ, способна содѣйствовать осуществленію въ жизни благородныхъ идеаловъ. Разложенія нашего „я“ не только не слѣдуетъ намъ бояться, но всѣ усилія наши, напротивъ, должны быть направлены къ нему. Новая философія не можетъ запретить намъ надѣяться на то, что лучшіе элементы души нашей воспарятъ, ища все высшихъ сліяній, сочетанія все съ болѣе и болѣе возвышенными комбинаціями, вплоть до послѣдняго откровенія, когда, сквозь безконечныя видѣнія, сквозь разложившіяся „я“, предстанетъ намъ единая абсолютная истина *).

Зная въ настоящее время, что даже самые такъ называемые „элементы“ развиваются дальше, мы никакихъ доказательствъ не имѣемъ къ тому, чтобы что бы то ни было въ мірѣ умирало окончательно. То, что мы существуемъ, намъ порукой за то, что мы были и будемъ. Мы пережили безчисленныя эволюціи, безчисленные міры. Мы знаемъ, что во вселенной все совершается по закону. Не случай рѣшаетъ составъ планетъ и температуру солнца; не случай опредѣляетъ элементы гранита и базальта или способность размноженія растеній и животныхъ. Поскольку разумъ можетъ рискнуть на основанное на аналогіи заключеніе, космическая исторія всякой окончательной единицы, психологической или физической все равно, опредѣлена также вѣрно и точно, какъ буддистская доктрина кармы.

VII.

Вліяніе науки является не единственннымъ факторомъ въ измѣненіи религіозныхъ вѣрованій запада; восточная философія приходитъ на помощь ей. Санскритскія и китайскія изслѣдованія, неутомимая работа филологовъ на всемъ западѣ, быстро знакомятъ Европу и Америку

---

*) Указанное въ первомъ нашемъ примѣчаніи отвѣчаетъ на кажущееся противорѣчіе между понятіемъ о „множественности“ человѣческой души и религіознымъ представленіемъ Запада. Тѣ низшія служебныя силы души, которыя уничтожаются, соотвѣтствуютъ „тѣлу душевному“ Ап. Павла. Онъ дѣлаетъ ясныя различія между временной *личностью* („тѣло душевное“), подлежащей уничтоженію, и безсмертной *индивидуальностью* („тѣло духовное“), наслѣдующей жизнь вѣчную. Все эгоистическое, самоутверждающееся въ ущербъ другимъ жизнямъ, вся *самость* человѣка и составляютъ тѣ стороны души, противъ уничтоженія которыхъ ни одно религіозное чувство, достойное этого имени, не будетъ протестовать; оно будетъ стремиться къ сохраненію лишь высшаго начала души, которое и по ученіямъ Востока сохраняется; слѣдовательно, различіе Востока и Запада лежитъ не въ корнѣ, а въ дальнѣйшемъ ...нія о человѣческой душѣ.

съ великими формами восточной мысли; буддизмъ съ интересомъ изучается вездѣ на западѣ; и результаты этого изученія съ каждымъ годомъ обрисовываются все ярче въ видѣ духовныхъ проявленій высшей культуры. Философскія школы не подвергаются больше открытымъ нападкамъ современной литературы. Доказательства тому, что возвращеніе къ проблемѣ личнаго „я" напрашивается насильно западному уму, находятся не только въ современной серьезной прозѣ, но даже въ поэзіи и въ романѣ. Идеи, немыслимыя въ прошломъ поколѣніи еще, измѣняютъ привычныя формы мысли, разрушаютъ вкусы и развиваютъ болѣе высокія чувствованія. Творческое искусство, освященное широкимъ вдохновеньемъ, передаетъ совершенно новыя, утонченныя ощущенія, оживляется неизвѣстнымъ до сихъ поръ паѳосомъ, характеризуется изумительнымъ углубленіемъ внутренней силы, и источникъ всѣхъ этихъ обогащающихъ литературу элементовъ кроется опять таки въ пробивающей себѣ путь идеѣ прошлой жизни. Вымышленные образы намъ подсказываютъ мысль, что мы уже жили гдѣ то, что мы когда то уже полусознательно мыслили; что новая вѣра намъ нужна для того, чтобы связать прошедшее съ будущимъ на фонѣ настоящаго, и такимъ образомъ завершить нашъ душевный міръ въ какой-нибудь высшей сферѣ. Твердое убѣжденіе въ томъ, что наше „я" множественно, какимъ бы парадоксальнымъ утвержденіе это ни казалось сначала, есть безусловно необходимый первый шагъ къ другой болѣе широкой увѣренности въ томъ, что это многое въ сущности составляетъ одно, что жизнь есть единство, что ничего конечнаго нѣтъ въ ней и все—безконечно. Пока слѣпое упорство, воображающее наше „я" самостоятельной единицей, не будетъ сломлено, пока это ощущеніе „себя" не будетъ измѣнено въ корнѣ, познаніе нашего „я", какъ безконечнаго, какъ составного вселенной, не можетъ быть никогда достигнуто. Безъ сомнѣнія, простая внутренняя увѣренность въ томъ, что мы существовали въ прошломъ, должна развиться много раньше умственнаго убѣжденія въ томъ, что наше „я", какъ таковое, есть только самообманъ. Сложная природа нашего „я" должна быть признана, несмотря на окружающую его тайну. Наука принимаетъ положеніе предположительнаго психологическаго единства въ такой же степени, какъ и утвержденіе столь же предположительнаго единства физіологическаго, но каждая установленная ею сущность, вопреки могуществу математическихъ выводовъ, какъ бы разлагается вмѣстѣ на невидимые элементы. Химикъ, для полученія извѣстнаго состава, долженъ вообразить себѣ окончательный атомъ, результатъ; но дѣйствительность, силу которой символизируетъ воображаемый атомъ, можетъ оказаться и заблужденіемъ, пустотой, ничѣмъ, какъ и въ буддистскомъ представленіи. „Форма есть ничто, и ничто

есть форма. Форма есть призракъ и призракъ есть форма. Воспріятіе и представленіе, имя и знаніе—все ничто". Для буддизма и для науки равно вселенная, въ концѣ концовъ, является обширной фантасмагоріей, ничѣмъ инымъ, какъ игрой неизвѣстныхъ и неизмѣримыхъ силъ. Буддизмъ тѣмъ не менѣе отвѣчаетъ по своему на вопросы „откуда" и „куда" и предсказываетъ, въ каждомъ большомъ циклѣ эволюцій, періодъ духовнаго просвѣтлѣнія, впродолженіе котораго память прошлыхъ рожденій возвращается и будущее мгновенно и ярко открывается познанію, вплоть до найвысшихъ небесныхъ сферъ. Здѣсь наука нѣмѣетъ. Но молчаніе ея—есть молчаніе гностической Сигеи—дочери смерти и матери духа.

Съ полнаго согласія науки за то мы можемъ вѣрить, что изумительныя откровенія ждутъ еще насъ. Въ послѣднее время новыя ощущенія и силы проявляются и развиваются понемногу—растетъ пониманіе музыки, математическія науки дѣлаютъ громадные шаги впередъ. Основательно можно предположить, что еще болѣе высокія способности скажутся и разовьются въ нашихъ потомкахъ. Съ другой стороны дознано, что нѣкоторыя способности, внѣ всякаго сомнѣнія наслѣдственныя, развиваются только въ зрѣломъ возрастѣ и что, въ среднемъ, жизнь человѣческаго рода удлиняется. При фактѣ возрастающаго долголѣтія съ развитіемъ и увеличеніемъ будущаго человѣческаго мозга, возможными станутъ силы и проявленія, нисколько не менѣе удивительныя, чѣмъ способность воспоминанія о прошлыхъ рожденіяхъ. Едва ли можетъ что-либо превзойти грезы буддизма, такъ смѣло затрагивающія безконечное; но кто рѣшится утверждать съ увѣренностью, что никогда не суждено имъ осуществиться.

Пер. Е. Миличъ.

Письма къ читателямъ.

Человѣческій умъ полонъ предразсудковъ. Люди слишкомъ заняты внѣшними дѣлами, чтобы остановиться въ молчаніи, погасить на минуту свои тревожныя вибраціи и вглядѣться въ глубину пестраго потока жизни. А между тѣмъ, если бы они это сдѣлали, не мало ходячихъ мнѣній замѣнилось бы новыми, многія „общепризнанныя истины" оказались бы предразсудками и много такого, что считается „бредомъ идеалистовъ", оказалось бы глубокой истиной.

Одинъ изъ ходячихъ предразсудковъ: „жестокая" „бездушная" природа... И что „ей дѣла нѣтъ до страданій", что она „безпощадно разрушаетъ и безстрастно творитъ", словно природа существуетъ сама по себѣ, а мы—внѣ ея.

Всѣ эти ходячія мысли сложились благодаря тому же грѣху обособленія, который искажаетъ въ нашемъ сознаніи всякую истину. Мы отрываемъ себя отъ цѣлаго, отрѣзаемъ всѣ безчисленныя нити, которыя связываютъ насъ съ остальнымъ живымъ міромъ, и, нарушивъ такимъ образомъ въ самомъ началѣ нашего анализа главный законъ жизни, начинаемъ дѣлать наши самоувѣренные выводы. Столько же логики было бы въ разсужденіяхъ кровяного шарика, если бы онъ, выскочивъ изъ вашего тѣла, сталъ утверждать, что вы необыкновенно жестоки. Онъ дѣлалъ бы выводы изъ нѣсколькихъ наблюденій, собранныхъ въ крошечной сферѣ, непосредственно его окружающей; чтобы подойти къ истинному смыслу своей жизни и вѣрно понять ея явленія, ему нужно бы охватить жизнь всего вашего организма и затѣмъ уже опредѣлить свою роль въ круговоротѣ совершаемыхъ въ немъ процессовъ. Наши ходячія представленія о человѣческой и міровой жизни ушли не далеко отъ представленія кровяного шарика: мы схватываемъ видимость безъ ея содержанія, опредѣляемъ по-

слѣдствіе, не узнавъ его причины, выхватываемъ одно звено изъ цѣлой цѣпи явленій и воображаемъ, что наши выводы могутъ быть вѣрны. Это—смѣлость, если хотите, но такая смѣлость уменьшается пропорціонально съ расширеніемъ внутреннихъ горизонтовъ.

Одно изъ великихъ свойствъ теософіи въ томъ и состоитъ, что она помогаетъ намъ расширять наши внутренніе горизонты. Пріобщившійся къ ея мудрости не будетъ уже считать природу „бездушной", „жестокой", какимъ то Молохомъ, приносящимъ своихъ дѣтей въ жертву безцѣльному механическому творчеству. Онъ увидитъ въ ней единый живой организмъ, въ которомъ всѣ процессы взаимно связаны между собой, и всѣ ведутъ къ одной общей великой цѣли, временно закрытой отъ насъ и лишь въ рѣдкія минуты вдохновенія молніеносно озаряющей наиболѣе чуткихъ изъ насъ,—организмъ, одушевленный единой жизнью Бога, въ которой всѣ мы принимаемъ болѣе или менѣе дѣятельное участіе. Это воззрѣніе не только шире и жизненнѣе ходячаго воззрѣнія, но оно и несравненно разумнѣе. Возьмемъ другое ходячее выраженіе: „жизнь есть борьба за существованіе", „переживаетъ лишь сильный, свирѣпый, пожирающій другихъ"... Наша мысль такъ закристаллизовалась въ этомъ предразсудкѣ, что мы даже не умѣемъ думать въ другомъ направленіи, мы не умѣемъ наблюдать болѣе тонкихъ явленій иного порядка, которыя опрокидываютъ привычную для насъ формулу. Помню, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ профессоръ-почвовѣдъ, если не ошибаюсь Докучаевъ, произвелъ ошеломляющее впечатлѣніе на свою аудиторію, начавъ свою лекцію о почвѣ съ того, что вся ея жизнь основана на законѣ... не „борьбы за существованіе", а на законѣ... *любви!* Все въ природѣ живетъ благодаря взаимопомощи, все взаимно поддерживается и питается, одно подготовляетъ условія для существованія другого, это другое—въ свою очередь—жертвуетъ собой, чтобы сдѣлать возможнымъ жизнь для новаго ряда организмовъ... Возьмите кучу навоза. Бактеорологъ знаетъ, какая кипучая и сложная жизнь происходитъ въ этой кучѣ, какъ въ ней зарождается одинъ видъ бактерій, все назначеніе которыхъ въ томъ, чтобы приготовить благопріятныя условія для существованія другого вида, а у этого другого вида, въ свою очередь, дѣятельность направлена на то, чтобы подготовить почву для успѣшнаго произрастанія хлѣбныхъ растеній.

Если смотрѣть на природу съ этой точки зрѣнія, проникнувъ въ глубокую связь, существующую между нашими, только

съ виду отдѣльными тѣлами и великимъ тѣломъ природы, многое раскроется передъ нами новаго и чудеснаго.

Я пишу это письмо въ разгарѣ лѣта, когда всѣ, для кого это возможно, перекочевали поближе къ лѣсамъ и лугамъ. Дачи, усадьбы, курорты, все наполнилось людьми, стремящимися отдохнуть, набраться новыхъ силъ или полечиться. Ихъ тянетъ соприкоснуться на просторѣ съ космическими силами природы, напитать свое захирѣвшее въ большихъ городахъ тѣло лучами солнца, свѣжими дуновеньями чистаго воздуха, здоровыми излученьями травъ и лѣсовъ. Новая наука, названная „біометрія", изслѣдующая хорошіе и дурные, здоровые и больные магнетическіе токи, которые излучаются человѣческимъ организмомъ, иначе его ауру здоровья, должна открыть новую эпоху въ области гигіены и врачебнаго искусства.

До сихъ поръ европейская медицина шла ощупью: въ ея распоряженіи были лишь самые грубые показатели нарушеннаго здоровья, вродѣ бѣлаго языка, горячей кожи, неправильныхъ перебоевъ сердца и т. д.; но лишь только дѣло касалось болѣе тонкихъ явленій нервной системы и всѣхъ разстройствъ, которыя зависятъ отъ ослабленія невидимой работы жизне-силы человѣка, его „праны", медицина становилась втупикъ. А между тѣмъ, есть много указаній на то, что въ древности лечебные методы были несравненно тоньше, что они дѣйствовали непосредственно на укрѣпленіе и регулированіе жизне-силы человѣка, которая для ясновидящаго выражается совершенно опредѣленно въ „аурѣ здоровья": у нормальнаго человѣка ея излученія идутъ подъ прямымъ угломъ относительно поверхности тѣла, у больного—они поникаютъ, и это въ полной зависимости отъ степени обмѣна между космической, отъ солнца идущей жизне-силой, и человѣческимъ организмомъ, расцвѣтающимъ, когда обмѣнъ этотъ энергиченъ, и поникающимъ, когда онъ происходитъ вяло и слабо. Когда наше врачебное искусство узнаетъ это, пока еще „оккультное" воздѣйствіе космическихъ излученій солнца, воды, воздуха и земли на организмъ человѣка, произойдетъ такой переворотъ въ педагогической и общественной гигіенѣ, который заставитъ измѣнить весь нашъ искусственный строй жизни и вызоветъ потребность разселиться изъ большихъ городовъ въ небольшіе поселки, окруженные здоровыми излученіями травъ и лѣсовъ. Правда, объ этомъ воздѣйствіи нѣкоторые врачи уже начали догадываться, уже возникаютъ такъ называемые Naturheilanstalten (леченіе природой), вродѣ Кнейповской, или лечебницы Ламана около Дрездена. Но

все это частичныя попытки, плохо обоснованныя, и убѣдительныя только для того, кто на себѣ испыталъ магическое вліяніе космическихъ силъ. Съ одной изъ такихъ „лечебницъ природою", распрямляющихъ поникшую „ауру" человѣка и обогащающихъ его „прану", мнѣ хочется познакомить моихъ читателей и разсказать, какъ интересно она возникла. Дѣло происходило приблизительно въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ одной изъ славянскихъ провинцій Австріи, въ южныхъ Альпахъ, въ очаровательномъ мѣстечкѣ, гдѣ среди горныхъ травъ звенятъ кристальные ручьи, гдѣ голубое какъ бирюза и прозрачное какъ стекло озеро отражаетъ облака и звѣзды юга, гдѣ солнечные закаты представляютъ цѣлую симфонію чудныхъ красокъ отъ нѣжно-розовой трепетной игры до пламенно-алѣющихъ сноповъ свѣта, которыми заходящее свѣтило зажигаетъ бѣлизну снѣговыхъ вершинъ. Среди этой красоты росъ мальчикъ, нужно думать что на полной свободѣ, иначе ему не удалось бы сдѣлать свое открытіе. Взбираясь какъ дикая коза по горамъ, мальчикъ любилъ открывать новые уголки и, когда утомлялся, любилъ ложиться на открытой полянкѣ подъ горячіе лучи солнца вблизи отъ журчащаго ручья. Полежавъ такъ на припекѣ, обливаясь потомъ и насквозь прогрѣтый солнцемъ, онъ затѣмъ бросался въ ручей, сильно растиралъ свое разгоряченное тѣло, быстро остывавшее въ холодной водѣ, и затѣмъ, босикомъ, съ обнаженной головой, шелъ далѣе по горнымъ тропинкамъ разыскивать новые уголки. Продѣлавъ много такихъ солнечныхъ ваннъ и водяныхъ массажей, мальчикъ почувствовалъ такой необычайный приливъ жизненныхъ силъ, что сообщилъ объ этомъ своимъ товарищамъ, которые подъ его руководствомъ начали также поджариваться на солнцѣ и растираться въ ручьѣ. Черезъ много лѣтъ эти дѣтскіе опыты вызвали у выросшаго Рикли рѣшеніе основать „природо-лечебницу" въ Вельдесѣ *), гдѣ на берегу хрустальнаго горнаго озера выстроился небольшой поселокъ изъ деревянныхъ домиковъ съ тремя стѣнами и покатой крышей; передней стѣны нѣтъ совсѣмъ, что даетъ возможность больнымъ не только днемъ, но и ночью купаться въ волнахъ бархатнаго горнаго воздуха. Когда я узналъ—это было лѣтъ семь назадъ—старика Рикли, теперь уже умершаго, и слушалъ его разсказы о томъ, какъ еще въ дѣтствѣ у него возникъ весь его лечебный планъ, онъ былъ уже 80-лѣтній старикъ, но крѣпкій какъ

*) Вельдесъ находится въ 2-хъ часахъ ѣзды по жел. дорогѣ отъ Любляны по-нѣмецки Лайбахъ, главный городъ австрійской провинціи Краина.

сталь и бодрый какъ юноша; когда, бывало, встрѣтишь его въ горахъ съ длинной альпійской палкой, необыкновенно высокаго и сухого, почернѣвшаго отъ солнца и вѣтра, съ свободно развѣвающимися сѣдыми волосами, съ жилистыми до колѣнъ обнаженными ногами, невольно вспоминался горный духъ. Девизомъ его леченія природой были слѣдующія три строки *): Да врачуетъ тебя свѣтъ. Да очиститъ тебя вода. Да укрѣпитъ тебя воздухъ. Вся система его леченія буквальное подражаніе его дѣтскимъ поджариваніямъ на солнцѣ и купаньямъ въ ручьяхъ: утромъ больные въ теченіе 2—3 часовъ берутъ воздушныя ванны въ огороженномъ паркѣ, гуляя, дѣлая гимнастику, играя въ разныя игры почти безъ всякой одежды; среди дня ихъ укладываютъ на покатую крышу, при чемъ только одна голова остается въ тѣни, а все обнаженное тѣло предоставляется достаточно жгучимъ прикосновеніямъ солнечныхъ лучей; затѣмъ, на томъ же припекѣ, разгоряченное тѣло заворачиваютъ въ байковое одѣяло и начинается сильнѣйшее потѣніе; послѣ этого—энергичный массажъ всего тѣла въ прохладной ваннѣ, обливанье свѣжей водой, и паціентъ отправляется босикомъ съ обнаженной головой „побѣгать“ по горнымъ тропинкамъ. Надо признаться, что режимъ довольно жестокій для малокровныхъ горожанъ, и если прибавить къ этому строго вегетаріанскую діэту съ преобладаніемъ фруктовъ, то можно себѣ представить, какому сильному обновленію подвергается весь организмъ, какъ онъ насквозь пронизывается космическими вибраціями солнца, земли, воды и воздуха! Забавно было смотрѣть на восхищенное изумленіе какого нибудь пожилого профессора или переутомленнаго чиновника, которые послѣ четырехъ недѣль такого режима разсказывали про свои ощущенія, про потребность рѣзвиться въ огороженномъ эдемѣ, гдѣ старички взапуски съ юношами играютъ въ футболъ и участвуютъ въ бѣгахъ и различныхъ состязаніяхъ! Имъ самимъ казалось чудомъ, что привычное раздражительное и угрюмое настроеніе преобразилось въ жизнерадостное, успокоенное и бодрое. А между тѣмъ иначе и быть не могло: вибраціи свѣта, воздуха и земли, въ которыхъ свободно купается обнаженное тѣло, развиваютъ въ немъ сильные гармоническіе токи, обогащенная прана усиливаетъ обмѣнъ веществъ и весь физическій аппаратъ человѣка дѣлается болѣе совершеннымъ проводникомъ оздоравливающихъ космическихъ вліяній. Трудно себѣ и представить до какого вырожденія дошло

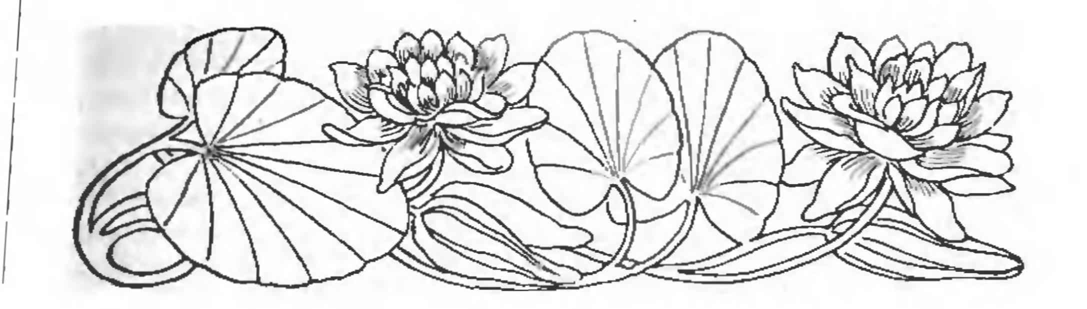
*) Говорю на память; возможно, что мои слова передаютъ девизъ не вполнѣ точно. Рикли написалъ двѣ книги о своемъ методѣ леченія.

бы населеніе большихъ городовъ, если бы оно—отъ времени до времени—не обновляло своихъ увядающихъ организмовъ въ сильныхъ, свѣжихъ и чистыхъ вибраціяхъ природы!

Особенно это необходимо для нашихъ русскихъ дѣтей и юношей, въ школьной жизни которыхъ отсутствуютъ игры на воздухѣ, поддерживающія здоровье болѣе счастливыхъ дѣтей на Западѣ. А если къ этому прибавить тяжелыя нравственныя условія, въ которыхъ столько лѣтъ страдаетъ Россія, значеніе такого обновленія среди природы является въ буквальномъ смыслѣ спасеніемъ отъ нервной расшатанности и утери равновѣсія, отъ нравственной грубости и раздражительности, которыя такъ ростутъ у нашихъ дѣтей. Придетъ время, когда общественное сознаніе поставитъ во главѣ своихъ нравственныхъ обязательствъ воспитаніе дѣтей среди здоровыхъ вибрацій природы; но это—впереди, а теперь только еще занимается сознаніе относительно важности этихъ тонкихъ, невидимыхъ вещей. О „скопленіи психо-физическихъ эманацій“ начинаютъ уже заговаривать на страницахъ академическаго медицинскаго журнала. Эманаціи эти—фактъ природы. Но мало еще признать фактъ, необходимо прослѣдить его источникъ, понять его значеніе въ экономіи природы и разумно использовать его, если онъ полезенъ, и устранить—если онъ окажется вреднымъ. Если бы только врачи, педагоги и общественные дѣятели, всѣ, кто двигаетъ жизнь впередъ, поняли, что „эманаціи природы“ хороши и цѣлебны только потому, что душа природы не нарушаетъ божественныхъ законовъ, что только оттого ея свѣжія, могучія дуновенія дѣйствуютъ на насъ съ такой животворящей силой! Если бы врачи и педагоги ясно сознали, до чего безполезны всѣ лекарства и внѣшнія правила, пока люди будутъ считать въ порядкѣ вещей постоянное нарушеніе *божественнаго закона единства и любви* во всѣхъ областяхъ своей сложной общественной жизни. И лишь тогда, когда этотъ законъ будетъ признанъ руководящимъ для истинно-человѣческаго существованія, займется заря новой общественности, построенной не на борьбѣ и насиліи, а на взаимопомощи и любви.

Другъ читателя.

Отдѣлъ духовныхъ исканій.

Октава.

Теософія насъ учитъ, что въ человѣчествѣ постоянно раскрываются новыя начала. Въ немъ уже появились Кама и Манасъ (чувство и интеллектъ). Въ немъ должно пробудиться теперь новое, духовное начало (Будхи), которое повидимому должно слѣдовать за расцвѣтомъ Манаса. Но какъ объяснить, что въ нѣкоторыхъ людяхъ съ слабо развитымъ интеллектомъ уже пробуждается духовность? Выдающіеся по духовности люди могутъ отличаться очень небольшой умственной жизнію. Особенно ярко это выражается въ нашей русской жизни. Духовныя теченія большой глубины захватываютъ сплошь и рядомъ людей малограмотныхъ, малоподготовленныхъ къ отвлеченнымъ вопросамъ, если судить по видимостямъ,—напримѣръ, наши сектанты; среди нашихъ подвижниковъ встрѣчаются лица почти безъ взякаго образованія, что не мѣшаетъ имъ часто проявлять необыкновенную мудрость и изрекать философскія сужденія поразительной глубины. Объясненіе можетъ быть двоякое: или человѣкъ въ предыдущей жизни достаточно развилъ свой Манасъ и теперь главнымъ образомъ работаетъ надъ духовностью; Манасъ играетъ незначительную роль въ данномъ воплощеніи, потому что его заслоняетъ новое, болѣе важное начало. Или: надо думать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ эволюція какъ будто допускаетъ нѣкоторые скачки *). Человѣкъ, благодаря необыкновенной самоотверженности, можетъ быть благодаря безумной жажды Бога, перескакиваетъ ступень—Манасъ и сразу развиваетъ духовность. Поднявшись на высшую сту-

*) Скачковъ въ эволюціи нѣтъ, но одно начало можетъ болѣе раскрыться, нежели остальныя.

Прим. ред.

пень, онъ позже легко дополняетъ интеллектуальный пробѣлъ и такимъ образомъ какъ бы постоянно опережаетъ самъ себя. Такое явленіе особенно бросается въ глаза въ молодыхъ расахъ, нетронутыхъ еще современиой культурой; въ славянской расѣ въ особенности, гдѣ стремленіе къ подвигу и исканіе Бога такъ велико, гдѣ человѣкъ соединяетъ въ себѣ такъ часто судьбу преступника съ мечтами героя, ангельскую чистоту стремленій съ головокружительной глубиной паденія. Онъ ходитъ какъ бы по краю пропасти и двѣ бездны его постоянно манятъ къ себѣ: Богъ и Сатана.

Его исканіе такъ искренно, его усилія устоять противъ бездны сатанинской такъ велики, что въ страстномъ напряженіи подняться до неба, до вершины, онъ можетъ быть минуетъ торную дорогу подъема и сразу очутится высоко на скалахъ, опять на краю бездны; онъ можетъ скатиться внизъ, но пережитое на высотахъ онъ уже не забудетъ. Можетъ быть нельзя безнаказанно скакать черезъ кручи и пренебрегать мостами, перекинутыми черезъ горные потоки, но такова русская натура; ей легче сражаться съ бурей и грозовыми тучами, чѣмъ съ сѣрыми буднями долины. И если она должна будетъ заплатить за свою дерзость, то можетъ быть она все-таки что-нибудь и пріобрѣла въ борьбѣ съ стихіей. Не даромъ пройдутъ ея титаническія исканія во мглѣ духовной ночи.

Все въ мірѣ начинаетъ говорить со мною языкомъ Теософіи: на землѣ чудится огромное значеніе разверзшейся бездны; на небѣ; звѣзды говорятъ огненнымъ, символическимъ языкомъ... Семь цвѣтовъ... Семь звуковъ... Семь началъ... Должна быть гамма цвѣтовъ и гамма началъ, какъ и гамма звуковъ...

Въ октавѣ началъ первой нотой не будетъ ли пламенное начало страстей (Кама), второй—огненное жизненное начало, третьей—золотое духовное, четвертой—земное изумрудное, пятой—небесное лазуревое, шестой—умное, сафирная зыбь океана, седьмой—аметистовое, переходное къ слѣдующей октавѣ...

Изумрудъ долженъ сперва обратиться въ сафиръ, а потомъ въ золотой камень. Но иногда бываетъ, что подъ яркимъ золотымъ лучемъ изумрудъ обращается въ алмазъ. Тогда позже изъ алмаза высѣкаютъ сафиръ.

Уранъ.

Лечебный магнетизмъ. Психологическое издательство Ванъ-Тайль-Даніэльсъ. Спб., Невскій 28. Ц. 5 р.

Тощая брошюра въ 76 стр. средняго формата содержитъ въ себѣ обрывки положительныхъ знаній, которые переплетены съ совѣтами упражняться въ Хата-Іога (развитіе дыханія и др.), о вредномъ вліяніи которыхъ уже неоднократно упоминалось на стр. нашего журнала. Лица, пожелавшія изучить магнетизмъ по этой брошюркѣ, не только никого не вылечатъ, но разстроятъ свое собственное здоровье. Бросаніе на книжный рынокъ подобнаго рода брошюръ, да еще по такой высокой цѣнѣ (5 р. за 76 стр.), при легковѣріи публики, есть пріемъ болѣе, чѣмъ нежелательный. Анонимный авторъ брошюры совершенно незнакомъ съ литературой вопроса.

Лица, интересующіяся магнетизмомъ, найдутъ много цѣнныхъ указаній въ книгѣ барона Du Potet: „Manuel de l'étudiant magnetiseur", Paris, Felix Alcan, éditeur, 108, Boulevard Saint Germain, prix 3 fr. 50, и въ брошюрѣ H. Durville: „L'application de l'aimant, Paris, Librairie du magnétisme, prix 1 fr. (40 коп.).

Изданія единенія. Выпуски I—X.

Вскорѣ послѣ русско-японской войны, въ Спб. возникло „Общество Единенія", которое ставитъ себѣ цѣлью „объединиться" для воспитанія подростающаго поколѣнія въ духѣ „безкорыстнаго служенія" ближнему, въ духѣ любви и уваженія къ Богу, къ людямъ, къ своимъ обязанностямъ, къ труду, къ простой жизни, къ природѣ,—при серьезномъ вниманіи къ индивидуальнымъ особенностямъ каждаго ребенка. Общество основано въ память философа-христіанина В. С. Соловьева и глубоко вѣритъ въ то, что „наука *въ сущности* идетъ рука объ руку съ религіей, и что настанетъ время, когда наука докажетъ всю истинность откровенія" („Созиданіе и освобожденіе", № 1, стр. 41).

За время своего существованія Общество издало 10 маленькихъ книжекъ, цѣною отъ 20 к. до 50 к. каждая, и будетъ продолжать свою издательскую дѣятельность. Книжечки изданы хорошо, но блѣдны по помѣщаемому въ нихъ матеріалу, содержатъ много повтореній и перепечатокъ изъ сочиненій В. С. Соловьева и изъ трудовъ Отцевъ Церкви. Наибольшій интересъ представляетъ выпускъ IV: 1) „И будетъ едино стадо“, 2) „Духа не угашайте“. 3) „Пророчества не уничижайте“ (цѣна 40 коп.), въ которомъ авторъ, вышедшій изъ духовной среды, отмѣчаетъ клерикализмъ современнаго духовенства и его антихристіанскую вражду противъ интеллигенціи, которая, если и была противоклерикальна, то никогда не была противоцерковна и въ трудные годы, пережитые Россіей, дѣлала то, что должно было дѣлать духовенство.

Весь сборъ отъ изданій Общества идетъ на воспитаніе сиротъ воиновъ, убитыхъ на войнѣ, а затѣмъ на воспитаніе вообще круглыхъ сиротъ. Желающіе получить болѣе подробныя свѣдѣнія объ „Обществѣ Единенія“ могутъ обращаться къ предсѣдательницѣ Общества Евгеніи Ивановнѣ Арсеньевой, по адресу: Спб., Мойка 13, кв. 4.

Сущность вѣры въ связи съ наукой. Катехизисъ для родителей и учителей. Оливеръ Лоджъ, ректоръ Бирмингамскаго университета. Изданіе В. Л. Богушевскаго. Спб. 1908 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Каждый, кто имѣетъ болѣе или менѣе прямое отношеніе къ дѣтямъ, долженъ въ той или иной формѣ чувствовать всю трудность такого обученія ихъ началамъ вѣры, чтобы предохранить ихъ отъ приступовъ сомнѣній впослѣдствіи, когда они встрѣтятся съ результатами научнаго изслѣдованія. Оливеръ Лоджъ взялъ на себя трудъ „согласовать“ вѣру съ наукой и указываетъ въ своей книгѣ, какъ мы должны объяснять научно происхожденіе человѣка, развитіе сознанія, сущность зла, значеніе грѣха, вѣчной жизни, царства небеснаго и т. д. Отвѣты катехизиса не всегда точны, но разсужденія, на которыхъ они основаны, даютъ много цѣннаго матеріала при руководствѣ развитіемъ ребенка. Книга Лоджа выдержала въ Англіи 7 изданій, что свидѣтельствуетъ о крайней ея жизненности. По серьезности изложенія она недоступна широкимъ массамъ и имѣетъ въ виду только серьезнаго, вдумчиваго читателя. Переводъ сдѣланъ удовлетворительно.

Соборный индивидуализмъ. Модестъ Гофманъ. Спб. 1907 г. Книжный магазинъ „Трудъ“. Цѣна 65 к.

Всѣми силами своей молодой души авторъ возстаетъ противъ развитія индивидуальности, рѣзко обособленной, замкнутой въ себѣ. Эгоизмъ, доведенный до крайности, приводитъ къ обезличенію своего

„Я", къ потерѣ индивидуальности. Весь міръ есть „единое, проявляющееся во множественности", и „Воистину всякій предъ всѣми за всѣхъ и за все виноватъ" (Достоевскій). Интересна параллель, которую авторъ проводитъ между Діонисомъ и Христомъ. Въ культѣ Діониса авторъ видитъ подготовку къ христіанству, къ переходу отъ обособленности личности къ соборному индивидуализму, т. е. къ отдачѣ себя за всѣхъ. Въ произведеніяхъ нашихъ поэтовъ-символистовъ (В. Ивановъ, Д. Мережковскій, В. Брюсовъ, З. Гиппіусъ, Э. Соллогубъ и др.) авторъ отмѣчаетъ кризисъ ихъ эгоистическаго индивидуализма и привѣтствуетъ ихъ переходъ къ принципу соборности. Работа М. Гофмана, не смотря на нѣкоторые мелкіе недостатки, производитъ пріятное впечатлѣніе своимъ порывомъ къ идеѣ, къ чистому, свѣтлому облику Христа.

К. Кудрявцевъ.

МЫСЛИ ЛЬВА ТОЛСТОГО.

Есть только одно средство не бояться людей, не бояться смерти, не бояться зла, не бояться стихійныхъ силъ міра—это средство въ томъ, чтобы не бояться Бога, а любить Его.

Живи въ Богѣ, живи съ Богомъ, сознавая Его въ себѣ, и не пытайся опредѣлять Его словомъ.

Отрицать Бога значитъ отрицать себя, какъ духовное, разумное существо.

Часто говорятъ: я не понимаю любви къ Богу. Вѣрнѣе сказать: я не понимаю никакой любви безъ любви къ Богу.

Если любить человѣка, не любя въ немъ Бога, т. е. добро, то такою любовью готовишь себѣ разочарованіе и страданіе.

Къ несомнѣнности знанія Бога я приведенъ вопросомъ: откуда я? Къ знанію души я приведенъ вопросомъ: что я такое?

Кто такой я? Ноги—не я, руки—не я, голова—не я, чувство—не я, даже мысли—не я. Что же я? Я—я, моя душа.

Самый строгій и послѣдовательный агностикъ, хочетъ онъ или не хочетъ этого, признаетъ Бога. Онъ не можетъ не признавать того, что есть законъ его жизни,—законъ, которому онъ можетъ подчиняться или отъ котораго можетъ уклоняться. Вотъ это-то признаніе высшаго, недоступнаго человѣку, но неизбѣжно существующаго закона своей жизни и есть законъ Бога.

Вопросъ. Какъ объяснить ложныя пророчества (напримѣръ Зороастра и нѣкоторыхъ еврейскихъ пророковъ)?

Отвѣтъ. Вопросъ поставленъ очень неясно. О какихъ ложныхъ пророчествахъ идетъ рѣчь? Сколько намъ извѣстно, ни у Зороастра, ни у еврейскихъ пророковъ таковыхъ не было, но часто пророчества носятъ характеръ символическій и понимать ихъ слѣдуетъ не въ прямомъ, а въ болѣе глубокомъ смыслѣ.

Вопросъ. Какъ объяснить ложныя видѣнія іезуитовъ? Вѣдь Христосъ, котораго они видятъ и съ которымъ бесѣдуютъ, очевидно не имѣетъ ничего общаго съ историческимъ Христомъ?

Отвѣтъ. Если человѣкъ малоподготовленный не разбирается въ явленіяхъ физическаго міра, то еще легче ему не разобраться въ томъ, что онъ видитъ и слышитъ въ сверхчувственныхъ мірахъ. Въ данномъ случаѣ его шансы понять явленіе будутъ пропорціональны его нравственной чистотѣ и его оккультному опыту; при отсутствіи чистоты— опасность ошибиться весьма большая, такъ какъ оккультному легче подпасть подъ вліяніе дурныхъ силъ астральнаго міра. Іезуиты, несомнѣнно, обладаютъ знаніемъ нѣкоторыхъ оккультныхъ тайнъ и многіе изъ нихъ психики и медіумы; неудивительно, что у нихъ могутъ быть видѣнія. Неочищенныя же страсти іезуитовъ, о чемъ явно показываетъ ихъ фанатизмъ, легко могутъ привести ихъ къ *ложнымъ* видѣніямъ.

Вопросъ. Прогрессируя и совершенствуясь, мы этимъ только приближаемся къ подобію Божію. Слѣдовательно, Онъ идеалъ доброты и совершенства. Какъ же Добрый и Всемогущій не найдетъ способа

создать людей сразу совершенными, не подвергая ихъ такимъ мукамъ и не заставляя ихъ проходить черезъ такія адскія чистилища.

Отвѣтъ. Богъ есть, несомнѣнно, идеалъ доброты и совершенства, но въ смыслѣ безконечно превышающемъ наше ограниченное пониманіе. Намъ видны только частички, Ему видно цѣлое, мы можемъ уловить лишь отрывки процесса жизни, Ему видны начало и конецъ вселенной. Но и въ земной жизни имѣется достаточно указаній на смыслъ тяжелыхъ испытаній, черезъ которыя проходитъ человѣкъ. Если бы мы могли оградить своихъ дѣтей отъ всѣхъ опытовъ, черезъ которые они проходятъ въ раннемъ дѣтствѣ, отъ ушибовъ, паденій, легкихъ ожоговъ, порѣзовъ и т. д., то мы выростили бы пассивныхъ, безпомощныхъ, неспособныхъ къ дѣятельности людей. Опытъ необходимъ для пріобрѣтенія силы воли и активности, для развитія всѣхъ дремлющихъ въ человѣкѣ силъ; и намъ извѣстно, что благоденствіе и радость вызываетъ стремленіе сохранить ихъ, пребывать въ нихъ, слѣдовательно, стоять на мѣстѣ; опытъ же болѣзненный вызываетъ потребность измѣнить вызвавшія его условія, слѣдовательно двигаться, развиваться, стремиться впередъ.

Это—отвѣтъ, который мы находимъ въ нашихъ наблюденіяхъ жизни. Но есть другой отвѣтъ, который дается намъ высшей жизнью духа. Богъ могъ бы, несомнѣнно, создать совершенное человѣчество, но это было бы пассивное человѣчество, не принимавшее участія въ созиданіи своихъ нравственныхъ, умственныхъ и духовныхъ свойствъ, безъ духовной воли, неспособное къ творчеству; а мы имѣемъ основаніе догадываться, что Богъ, давъ намъ свободу, слѣдовательно, и возможность паденія и грѣха, естественнымъ послѣдствіемъ чего является страданіе, уготовилъ намъ несравненно болѣе великое будущее: стать самосознательными духовными центрами, способными къ творчеству.

МЫСЛИ ЛЬВА ТОЛСТОГО.

Необходимость признанія Бога чувствуется яснѣе тогда, когда мы отказываемся отъ Него, забываемъ Его.

Я прежде видѣлъ явленія жизни, не думая о томъ, откуда эти явленія и почему я вижу ихъ. И потомъ я понялъ, что все, что я вижу, происходитъ отъ свѣта разумѣнія, и я такъ обрадовался, что

свелъ все къ одному, и совершенно удовлетворился признаніемъ одного разумѣнія началомъ всего. Но потомъ я увидалъ, что разумѣніе есть свѣтъ, доходящій до меня черезъ какое то матовое стекло. Свѣтъ я вижу, но то, что даетъ этотъ свѣтъ, я не знаю, хотя и знаю, что оно есть. Это то, что есть источникъ свѣта, освѣщающаго меня, котораго я не зналъ, но про существованіе котораго я зналъ, и есть Богъ.

Богъ—это безконечное, всего, чего я сознаю себя частью.

Если человѣкъ и не знаетъ, что онъ дышетъ воздухомъ, онъ знаетъ, что лишается чего-то, когда задыхается. То же и съ человѣкомъ, лишившимся Бога, хотя онъ и не признаетъ Его.

Помнить Бога—великое дѣло. Не словами помнить его, но жить такъ, какъ будто Онъ слѣдитъ за каждымъ тѣмъ поступкомъ, осуждая или одобряя. Русскіе крестьяне говорятъ: или ты Бога забылъ.

Отгоняй отъ себя все то, что мѣшаетъ тебѣ чувствовать твою связь со всѣмъ живымъ.

То, что даетъ жизнь, не только однородно, но и едино во всемъ.

Мы внѣшне отдѣлены и внутренне связаны со всѣми живыми существами.

Нѣкоторые изъ колебаній духовнаго міра мы чувствуемь, нѣкоторыя еще не дошли до насъ, но они идутъ, какъ идетъ свѣтъ отъ звѣзды, еще невидимой для нашего глаза.

Не думай, чтобы могло быть благо отдѣльнаго существа или, чтобы зло отдѣльнаго существа не было бы зломъ всего міра и не отразилось бы на тебѣ.

Истинное состраданіе начинается только тогда, когда поставишь себя въ воображеніи на мѣстѣ страдающаго и испытываешь дѣйствительное страданіе.

Сознаніе единства нашего существа со всѣмъ другимъ проявляется въ насъ любовью.

Любовь есть расширеніе своей жизни. Чѣмъ больше мы любимъ, тѣмъ обширнѣе, полнѣе и радостнѣе становится жизнь.

Покорность Богу даетъ свободу передъ людьми.

Люди, отрицающіе свободу, подобны слѣпымъ, отрицающимъ цвѣта: они не знаютъ той области, въ которой люди свободны.

Редакторъ-Издательница А. А. Каменская.

